

Проф. Н. Н. КОЗЬМИН

ХАКАСЫ

ИСТОРИКО-ЭТНО-
ГРАФИЧЕСКИЙ И ХО-
ЗЯЙСТВЕННЫЙ ОЧЕРК
МНУСИНСКОГО КРАЯ

ИЗДАНИЕ ИРКУТСКОЙ
СЕКЦИИ НАУЧНЫХ
РАБОТНИКОВ
РАБПРОСА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСКОЙ СЕКЦИИ
НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ**

Иркутская Секция Научных Работников Рабпроса

Выпуск V

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Под редакцией

Проф. М. К. Азадовского

ИРКУТСК

1925

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕРИЯ.

№ 4.

Проф. Н. Н. КОЗЬМИН.

ХАКАСЫ

**ИСТОРИКО-ЭТНО-
ГРАФИЧЕСКИЙ И ХО-
ЗЯЙСТВЕННЫЙ ОЧЕРК
МИНУСИНСКОГО КРАЯ**

Иркутск, Гублит, № 701

1-я Гостипо-авто-
— графия. —

Зак. № 5255

Тираж.
1000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Туземцы Минусинского края, Алтая и Урянхая не имели общего этнического наименования, распадаясь на большое число родственных, но небольших племен турецкого происхождения. Одних обычно в литературе называли минусинскими татарами, абаканскими турками; других—калмыками и телеутами, или алтайцами, третьих—сойотами, или урянхайцами. Все эти наименования—искусственны и не могли закрепиться в обращении. Напр., алтайские туземцы называются калмыками благодаря воспоминаньям о том времени, когда они входили в состав калмыцкого, чжунгарского государства,—государства одного из монгольских племен,—но сами издревле были турками. Аналогично наименование Ойратской автономной области. Ойраты—это чжунгарское государство. Было бы историчнее называть алтайцев найманами, или тукюэсцами, т. е. монгольским или китайским именем, но относящимся к эпохам их собственной государственности¹. *Минусинские* татары так назывались в отличие от татар чулымских, барабинских, тобольских; предполагали, что это одна группа, рассеянная походом Ермака. Когда настал момент национального объединения, то тузем-

¹ Турецкое название будет, вероятно, правильное: турки или турчеш. Найман это монгольское название (восемь) для главных племен.

ная интеллигенция обратилась к тому далекому времени, когда, по китайским источникам, туземцы края были объединены в государстве Хакасов. Она так и назвала свой народ.

Это, несомненно, китайская транскрипция турецкого имени. Аналогично китайцы транскрибировали слово *турк* как *ту-кю*, а *уйгур*—как *хойху*, *курукан*—как *гулигань*. Но какое слово? Орхонские надписи нам говорят, что врагами орхонских голубых турков (кок турк) были кыргызы, жившие там, где китайцы помещали государство хакасов. Некоторые ученые и предполагают, что *хакас* это китайская транскрипция слова *кыргыз*. Но мы знаем китайскую транскрипцию *ки-ли-ки-цзе* для кыргыс. В XIII веке в стране кыргызов Рубрук помещал урянхаев (оренгаев); это не мешало быть там и кыргызам. По китайским сведениям, уйгуры подчиняли хакасов; к группе уйгурской принадлежала *Туба* (Дубо), несомненно, если не тождественная, то совпадающая с урянхами. Глава кыргызов и враг орхонского кагана—Барс-бег. Он получает титул кагана из рук кагана голубых турков. Но очжо, или ажо хакасов, несомненно, не был одним из бегов. Это был более титулованный глава местного государственного объединения турецких племен. Китайские источники также знают случаи, когда страну хакасов представляло лицо не с титулом ажо (сылифа).

Нельзя сомневаться в том историческом факте, что всякое турецкое государственное объединение было не национальным, а междуплеменным объединением. Смотра по преобладанию того или другого племени, получала соответствующий характер и данная турецкая государственность. В стране хакасов можно наметить

три группы турецких племен: 1) *тубинскую* (уйгурскую) охотников, людей Черни (йыш-кизи), 2) *хакасскую* (собств. турки)—полурохотничью, полуземледельческую и 3) *кыргызскую*—степняков, скотоводов.

К первой группе принадлежали: туба, мадор, байгода¹, саяны² и др. Ко второй можно относить кас (ак-кас, сарыг-кас и кара-кас) и, м. б., сагаев и часть бильтыров и т. н. алтайцев; к третьей—кыргызов и бурутов³.

Хакасская государственность может быть отнесена к моменту преобладания второй группы, наиболее культурно развитой и земледельческой, — касской. Ядро этой группы, на которой и опиралась созданная ею государственность получило наименование кара-кас, черных кас, как калмыки, составлявшие массу Чжунгарской государственности, назывались кара-калмык, черные калмыки, в отличие от независимых или вассалов — ак-калмак, белых калмыков⁴. В китайской транскрип-

¹ Баегу И. Бичурина? Ср. название «бейга» (соответств. «йыш») у мадоров и др.

² Вероятно, *сеянто* Бичурина (*Собрание сведений о народах, обитавших в Ср. Азии*. Спб. 1851).

³ Бүрүт, можно предполагать, происходит от бүрү (волк), в виду того значения какое этот зверь играет в родословии турков и их старинных преданиях и обычаях (үт — одна из старых форм множ. числа. См. мою статью «Туба» в «Сиб. Записках»).

⁴ Огхонские турки назывались голубыми—көк түрк. Монголы Чингисхана получили также наименование хуху-монгол голубых монголов. В Минусинском крае два сөк'а две кости соккы: один ак соккы, а другой называется или көк соккы, или кара-соккы. Каракас сохранились и в виде особого племени в системах Уды и Бирюсы.

ции это будет ха-кас. Этим можно объяснить, почему у И. Бичурина передана полемика китайского летописца против тех, кто ошибочно называет ха-кас хагяс'ом.

Если мы примем эту гипотезу, то мы должны ответить на второй вопрос: есть ли основание принимать наименование в чужой транскрипции? Мы должны ответить, что прецедентов для этого имеется много. Россия, напр., наименование чисто книжное, латинизированное; такие же наименования усвоены испанцами, итальянцами и др. народами. История пока знает о хакасах по китайским летописям и в китайской транскрипции их имени. Эта история для современных туземцев знаменательна начатками национального объединения и мощной государственности. Поэтому имя хакас может быть, в известной степени, понятным и идейным лозунгом для культурно-национального возрождения.

Остатки хакасской государственности дожили до русского завоевания, возглавленные степняками, скотоводами — кыргызами. Читатели увидят что паденье государства кыргызов имело место в начале XVIII в., т. е. спустя 500 лет после Чингисхана и 1000 лет после того, как в черни Сунга пал Барс-бег в битве с орхонскими турками, м. б., вмешавшимися во внутренние междоусобицы в стране хакасов («я устроил страну Аз-кыргызов», заявляет каган голубых турков, рассказав о своей победе: очевидно, это не была страна просто кыргызов). Ядро кыргызской государственности ушло за Саяны; с ними ушла и господствовавшая среди тубинцев группа (задержались лишь «остальцы тубинцы»). Связывать свое возрождение с этой потерпев-

шей, двести лет тому назад, поражение государственностью, принимая имя кыргызов, как будто бы нет оснований. Нет последних для территориальных и совершенно искусственных наименований абаканцев, минусинцев и т. п.

Поэтому мы считаем, что хакасская интеллигенция поступила правильно, обратившись для оформления объединения и возрождения своего народа к историческому имени хакас.

Настоящий очерк представляет очень сжатое систематическое изложение опубликованных о стране хакасов материалов. Но это не простой перечень фактов. В основу положена определенная историческая теория, в свете которой события и явления истории Сибири и стран, к ней прилегающих, получают известную закономерность и достаточно логичное объяснение. Эта теория видит группу первичных фактов в условиях и формах организации хозяйственных сил страны или народа, соответственно которым слагаются хозяйственные и общественные отношения. Мы пока не располагаем такою массою исторических материалов, чтобы была возможность построить в деталях и мелочах развивавшиеся процессы. Мы не вышли еще из периода накопления этих материалов. Но, несомненно, наступило время их научной монографической проработки. Наш очерк преследует именно такие задачи—поставить ряд вопросов, наметить пути для разрешения некоторых из них и попытаться дать разрешение наиболее простым из них.

Очерк составлен в 1913 году, т. е. до мировой и гражданской войн, внесших такие огромные изменения в экономические и культурные отношения нашего вре-

мени. Но новых материалов для истории края за это время почти не было опубликовано, за исключением ценных работ В. А. Ватина, данные одной из которых использованы, как дополнительные, в примечаниях. Исторический очерк доведен до тех крупных изменений, которые принесла революция и с которыми начинается новый период жизни хакасов. Перестраивать очерк не пришлось. Добавлена лишь небольшая заключительная глава. В сносках приведена литература и указаны источники не только с целью документировать наше изложение, но и с целью помочь желающим более подробно изучить вопрос.

Мы надеемся, что наш скромный опыт окажет сильную помощь большому и нужному делу создания научной краеведческой литературы Сибири.

I.

На заре истории.

Настоящий очерк охватывает территорию Минусинского края, в его административных границах, и части Красноярского и Ачинского уездов, падающих в той же степени на географических, этнографических и экономических условиях. Эта большая область замыкается с юга Саянскими хребтами, с запада—Алтайскими и Алатаускими, с севера—она ограничивалась таежными пространствами, а с востока водораздельными хребтами, с которых в сторону Минусинского края направляются правые притоки Енисея—Туба с Амылом, Казыром, Кизиром, Сыда, Сисим и много других, менее значительных, в другую же сторону, на восток и север,—Бирюса, Кан, Мана.

На юг от Минусинского края располагается обширный Урянхайский край, замкнутый хребтами Саян и Тэнгу-Ола и пересекаемый пополам, как и Минусинский край, Енисеем—Улух-Кемом¹. Последний и представлял истинное соединительное звено между этими двумя областями. Но в Саянских хребтах Енисей представляет почти не устранимые препятствия для взводного речного сообщения. Сплав также пересекался в старое время т. н. Большим порогом, через который и теперь проходят лишь хорошо укрепленные и связанные плоты особого устройства. Поэтому беспрепятственное сообщение Енисей давал лишь по льду, когда мо-

розы сковывали Большой порог и другие опасные места (Дедушкин, Джойский, Майнский и др. пороги). Такое благоприятное для сообщения время редко превышает три месяца в году. Поэтому уже в глубокой древности сообщение по Енисею должно было дополняться другими путями.

Главнейшим таким историческим путем является т. н. Арбатская, или Кемчикская выючная тропы, описываемая в одном документе начала XVIII в. так: «с Обакану через Камень² по реке Чегал-Мохе и через реку и на Кемчик ходу шесть дней». В более раннем документе упоминается русское название Чехан-Махана—Частые Броды, другая река—Кантери, т. е. Кантеири. И в настоящее время Чехан известен своими десятками бродов. Этим путем ходили русские послы к Алтын-Хану в XVII в. и им же старый Алтын-Хан и его сын Лочжап с военными силами появлялись в земле кыргызов в пределах нынешнего Минусинского уезда. Очевидно, по нему же шло и торговое движение. Таким же старым, хотя и менее известным, путем является нынешняя Усейская выючная тропы, начинающаяся долиной р. Кебежа, притока Ои, впадающей справа в Енисей, и пересекающая хребты Булумыс, Ойские, Казырсуевский, Арадан и Мирской. Этой тропой, несомненно, ходил «за Камень» для розыска бежавших ясачных сын боярский Иван Злобин в 1704 году. Вероятно, охотники пользовались и тропами по Шадату и Амылу, но едва ли по ним могло идти значительное торговое движение, тем более, что ими соединяются районы охотничьих племен. Во всяком случае, между Урянхайским и Минусинским краем всегда существовали довольно прочные связи и постоянные сношения. На это указывают и те меры предосторожности, которые принимались древними жителями в виду относительной доступности передвижений. По Енисею, в пределах нынешнего Минусин-

ского уезда, расположен ряд развалин крепостей (т. н. Логинова осада, выше д. Саянской, городище около Шуши, на Куле, Оглахте и др.). Эти крепости, очевидно, должны были охранять и замыкать путь по Енисею, доступный в зимние месяцы для массового передвижения.

Этнический состав Урянхайского и Минусинского края почти тождественный. Одне и те же родовые группы (сеек), общий турецкий язык, распадающийся на несколько диалектов, один и тот же уклад жизни. Общность исторических памятников (остатки оросительных сооружений, надписи на скалах) говорит и об общем прошлом населения системы верхнего Енисея.

То же самое нужно сказать и об Алтае. Этот край перерезывает уже не Енисей с его конфлюентами и притоками, а Катунь и Бия, составляющие Обь³. Если в Минусинский край естественный путь идет по Енисею, то на Алтай—по Катуни и Бии, с легко доступными для вьючного сообщения перевалами. Поэтому Алтай, как и Минусинский край, всегда входил в сферу влияния Монголии, главным образом, западной. С Минусинским уездом сношения могли также без особых затруднений поддерживаться с Мрассы и Кондомы долиной Таштыша или с Томи на Аскыз и Уйбат. Это были также старые, исторические пути. По ним алтайские князья в XVII в. приходили с вспомогательными отрядами для соединения с кыргызами в их походах на Кузнецк. Торговые сношения могли совершаться по ним, так как еще в XVIII и в начале XIX в. гурты скота проходили здесь в Томскую губернию, погружаясь на плоты, сплавлявшиеся по Томи. В этнографическом отношении Алтай также, как и Урянхай, однороден с Минусинским краем.

Эти три области представляли, в этнографическом, а периодами и в политическом, отношении одно целое.

Нынешний Красноярский уезд с северной половиной Ачинского уезда, Канский уезд, южная часть Енисейского уезда, и западная Нижнеудинского уезда не так прочно и повсеместно входили в сферу господства турецкой народности. Здесь сохранялись не туркизированные племена остяков, самоедов и т. н. енисейцев, или палеази́йцев. Но были периоды, когда турецкая народность распространяла свое господство через нынешние Балаганский и Иркутский уезды до Байкала, а ее отброшенные остатки запяли нижнее течение Лены (якуты-сахалар).

Лишь с эпохи вступления московского государства, покорившего сибирские области, в среду объединенных торгово-промышленными связями европейских стран, через среднюю часть Сибири прошел великий транзитный путь, если не мирового, то, во всяком случае, выдающегося международного значения. Между европейскими и китайскими рынками создалась могучая торговая артерия, вдоль которой оказались стянутыми производительные и культурные силы северной Азии.

До XVII в. торговое движение шло в более южных направлениях, через Среднюю Азию, при чем, в зависимости от перемещения торговых путей и ключей к ним в странах Средиземного и Черного морей, происходило отклонение к северу или к югу торгового движения и в Центральной и Средней Азии. С другой стороны, и та или иная степень благонадежности и оборудованности одного из этих путей отражалась на экономических, а затем и политических судьбах народностей и государств, игравших роль торговых посредников.

Между Китаем, Сибирью и Туркестаном лежат огромные пустынные пространства, оживляемые лишь редкими реками незначительной мощности (Тарим, Или) или ред-

ками, дающими место цветущим оазисам. От одного оазиса к другому здесь и возможно передвижение. Наибольшее значение имели в древности и теперь имеют два главных торговых пути: один, северный,—вдоль южных склонов Небесных Гор через оазисы Хами, Турфана, Карашара, Кучи и Аксу; второй южный,—вдоль северных склонов Алтын-Тага, захватывая систему Тарима, через Чархалык, Черчен, Керия, Хотан и Яркенд. Оба смыкаются в крупнейшем торговом центре Средней Азии—Кашгаре. От этих путей ответвлялись более второстепенные. Для нас наибольшее значение имеют пути на север—по верхнему Енисею и его притокам, верховьям Катуня и Чуи, по Иртышу и Или. Дошедшие до нашей эпохи памятники свидетельствуют об огромном значении средне-азиатских торговых путей в культурно-экономическом общении Востока и Запада. По ним двигались высоко ценившиеся на западе китайские товары: шелк⁴, лак, глазурь, фарфор, чай; в Китай шли: стекло, предметы красного производства, окрашенные материи, пряности, драгоценные камни; страны Присаянья и Алтай доставляли золото, медь, соль, нефрит, ремень, скот; но с севера, главным образом, ввозилась пушнина, шкуры диких и домашних животных, волос⁵.

Пушнина поставлялась, преимущественно, охотничьими племенами. В обмен они получали некоторые фабрикаты. Но трудность путей сообщения в районах обитания этих племен, резкие колебания в размерах «урожая» пушного зверя, отражавшиеся резко и выразительно на покупательных средствах, и обычно бедный уровень жизни охотников делали торговые, меновые сношения с ними неверными и рискованными. Поэтому товар, поставлявшийся охотниками, имел тенденцию делаться не предметом мены, а предметом обложения. Он шел, главным образом, как дань, албан, ясак.

На охотничьи племена искони велась такая же почти охота, какую они сами вели на зверя. Их «объясачивали»⁶. И делаясь «киштымами» какогонибудь сильного, организованного племени, они получали в обмен только то благо, которое дается сознанием, что дань нужно нести в одно место, что в обычное время их не будут преследовать и обирать с разных сторон. В этих условиях и торговые отношения принимали кабальный характер. Охотник не может расплачиваться во всякое время. Его платежеспособность находится в зависимости от «урожая», удачно или неудачно сложившихся условий охоты. Между тем ни потребности, которые удовлетворялись торговлей, ни запасы товаров купца не могли выжидать в течение неопределенного срока. Самый основной капитал торговых предприятий в древности, да и в позднейшее время был обычно весьма мал. Поэтому торговля связывается с долговыми обязательствами, а большой риск вызывает и огромный процент. Обычное явление, что долг ежегодно удваивается, и платежи по нему превращаются в тот же «албан», который звероловами уплачивается только не князю, а купцу⁷.

Не в лучшем положении, были, повидимому, если судить по данным эпохи появления русских, те племена, которые занимались добычей и обработкой металлов в горах Алтая, Алатау и Саян. Китайские источники передают, что жуан-жуаны (отожествляемые учеными с аварами, «обрами» русской летописи) называли турков, живших на Алтае, «своими кузнецами». Кыргызы Минусинских степей также брали с жителей нынешнего Кузнецкого уезда дань железом,— преимущественно, в поделках, (напр., котлах). Когда Чжунгарский Контайша стал обладателем племен, живших на Алтае, «кузнецы» такую же дань платили ему. Еще в 1745 году ведется переписка между Кузнецким воеводой и гене-

ралом Киндерманом по тому поводу, что ясачные татары кондомских волостей «Зелгурскому владельцу алман» давали железными таганями и котлами». Киндерман распорядился, чтобы ясачным башлыкам было указано платить вперед албан «зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов, а железо... потребно в Кузнецк на котлы, таганы и к печам на связи и на прочее употребление ко вновь начинающимся в Кузнецке строиться винным и пивным немалым заводам»; «и при том же велено их обнадежить, что оное (железо) у них для той надобности примется в казну... по цене в ясак».

Из за обладания и охраны торговых путей велась непрерывная и ожесточенная борьба на пространстве всего того времени, которое доступно историческому изучению. В ряду народностей, принимавших участие в этой борьбе, важное место принадлежало и племенам Урянхай, Алтая и Минусинского края.

Китайцам, образовавшим в глубокой древности культурное государство, лишь на время удавалось утверждать господство в системе Тарима. То тот, то другой народ вырывал из их рук обладание и организацию торгового движения на великих азиатских транзитных путях. Если оставить в стороне время до Р. Х., мы найдем, что в первые века нашей эры господство с Средней Азии принадлежало гуннам, а на восток—племенам Сяньби, из коих племя Тоба (или Туфа) приняло участие в междоусобных войнах в Китае, овладело частью земель Китая и усвоило китайскую культуру.

Овладевшие торговыми путями в Ср. Азии обыкновенно не довольствовались ими. Эти пути были лишь составною частью великих международных путей. Торговое движение, переходя через нынешний Туркестан, раздвигалось: далее одно направление шло к северу от Аральского и Каспийского

морей в Поволожье и к берегам Черного моря; другое— через Персию в переднюю Азию и Константинополь. Стремление получить в свои руки господство на всем пути постоянно выдвигало новых «завоевателей», направлявшихся то в южном, то в северном направлении.

В первые века по Р. Х. на южных путях были сильные, прочно организованные государства: Римская, а затем Византийская, империя и Персия; большое значение имели и торговые государства Туркистана (Согдиана). Эти государства обычно соперничали и часто в борьбе друг с другом пользовались кочевниками, но последним они могли давать мощный отпор. На севере таких мощных политических организаций еще не сложилось. Поэтому т. н. «нашествия» направлялись обычно через «ворота народов», т. е. степи между отрогами Урала и Каспием. В этом направлении двинулись и гунны. Столкнувшись с организованными силами Римской империи на ее западных границах, они были снова отброшены на восток. Сын знаменитого Атиллы, Ирмак, действовал уже в местах прежнего обитания гуннов. Последние принимали участие в войнах Персии и Византии и в середине VI в. их войско доходило до Константинополя. Пока гунны пробивались на запад, господами положения в Ср. Азии стали упоминавшиеся выше жуан-жуаны китайских летописей, турецкий народ, отождествляемый с аварами. Жуан-жуаны подчинили Алтай и овладели ключами среднеазиатских торговых путей, из-за которых они выдерживают борьбу с другим турецким народом, уйгурами. Южные уйгуры (область Тянь-шаня) достигли высокой культуры, которая оказывала глубокое влияние на народы Ср. Азии и, между прочим, на их письменность; северные уйгуры (Селенга—верхний Енисей) такой высоты культурного развития не достигали.

В VI в. турки Алтая образовали могущественное самостоятельное государство («тю-кю» китайских летописей). Около 536 года их хан разгромил уйгуров, а в 552 г. ими было уничтожено господство жуан-жуаней. После этого тю-кю овладели бассейном Тарима, подчинили государства Согдианы (Туркистана) и пришли в непосредственное соприкосновение с Персией, посредническая роль которой в торговом обмене была выдающаяся. Персия играла посредническую роль не только в Средней Азии, но и могла вести сношения с Китаем морем. Поэтому торговля шелком почти полностью была в руках персов¹⁰. Этим объясняется острое соперничество с ними Византии. Появление могущественного турецкого государства к северо-востоку от Персии было на руку византийцам и последние завязывают с ним сношения. С другой стороны, и турки, натолкнувшись в своем движении вдоль исторических путей, на государственную организацию персов, были склонны к сближению с Византией. В 569 г. в Константинополь является посольство турков, а вслед затем и к последним отправляется византийское посольство Зимарха (царствование Юстина II). Посол нашел кагана турков у Эктага (Эктэл), или золотых гор, под которыми, по мнению ученых, подразумеваются Алтайские горы¹¹. Каган принял посла с демонстративной пышностью. Он давал аудиенцию, сидя на ложе из массивного золота; перед палаткой были расставлены воза, нагруженные золотыми сосудами и серебряными изображениями животных, которые, по замечанию Зимарха, по чистоте исполнения могли соперничать с произведениями римского искусства. Золотая утварь украшала внутренность палатки. Турки славились своим вооружением. Особенный эффект производили «люющие стрелы»¹².

Затем начинается продолжительная борьба с китайцами, которым удалось добиться разделения турецкого государства на две части (около 600 г.). К концу VIII века восточным туркам (Орхон), в правление Кутлука, Баг-Чура и Бильге-хана, удавалось объединять турецкие племена в одно государство, но не надолго. Их государство пало под натиском соединенных сил китайцев и уйгуров.

Западные турки господствовали от Алтая и до Аральского моря и вмешивались в дела Персии и Согдианы, иногда поставляя наемные дружины соперничавшим взаимно государствам (первая половина VII в.). К той же эпохе относятся основания крупных турецких государств в Поволжье—Великих Булгар и Хазарского каганата. Это были первые прочные политические организации к северу от Черного моря, которые могли дать военную защиту торговому движению в восточной Европе. Значение их было огромно, так как выступление арабов и их опустошительная борьба против Византийской империи и славившихся западно-европейских государств на продолжительное время закрывали или делали неблагонадежными южные торговые пути.

В VIII в. сложились арабские государства, которые начали борьбу против турков—тю-кю. В борьбе с арабами и китайцами к середине VIII в. турецкие государства в Средней Азии падают. Им на смену снова выступают уйгуры. Но уже в первой половине IX в. выдвигается новая турецкая племенная группа хакасов, которые в союзе с китайцами уничтожили первенство уйгуров, хотя государство последних сохранилось. Поэтому государство хакасов не имело тех размеров, как предшествующие. Тем не менее хакасы пытались взять в свои руки охрану торгового движения в Средней Азии. Их вооруженные отряды сопровож-

ждали торговые караваны арабов по средне-азиатским дорогам¹³.

В VII в. возрастает международное значение Тибета, который распространяет власть до Тянь-шаня, где тибетцы приходят в столкновение с турками и уйгурами. Последние, в союзе с китайцами, переносят военные действия в самый Тибет. Тибетцы пользовались поддержкой арабов.

Хакасы позднее известны были в китайских летописях под именем ки-ли-кидзе, (т. е. киргиз). В сохранившихся надписях на скалах они называют себя «кыргыз». Кроме государства хакасов-кыргыз могут быть названы менее значительные государства—меркитов, найманов и керантов. Эти государства просуществовали до эпохи Чингис-хана, основавшего уже монгольское мировое государство. Кыргызы добровольно подчинились великому завоевателю. Вместе с ними упоминаются, как покорившиеся без борьбы, сагаиты (сагаи). При Чингис-хане и чингисханидах произошли последние крупные передвижения племен, выдвинувшие на первое место уже не турецкие, а монгольские народности.¹⁵

Передвижения и возникновение государств турецких народностей не следует рассматривать, как смену обособленных народов, наций. И тюкюесцы, и уйгуры, и хакасы-кыргызы, и ранее выступавшие гуны и авары представляли соединения турецких племен, племенных групп, легко рассылавшихся и вступивших в новые комбинации. Родовая группа иногда разрасталась до размеров племени, выделяла из себя родовые подразделения, поглощала соседние слабые группы, иногда другого языка, и ассимилировала их. Иногда, наоборот, истребительная война низводила целую народность до размеров родовой группы. Такая группа или сохраняла прежнее племенное имя или название одного из ее подразделений и входила в состав какой-либо народности.

Часто племя разбивалось и разбрасывалось на огромные расстояния.^{1а}

Долины верхнего Енисея и его притоков представляли большие удобства для скотоводческого, а отчасти и земледельческого хозяйства, а припрытие с юга в виде горных массивов Саян привлекало возможностью укрыться остатки потерпевшей крушение народности. А изображенные выше условия получения ценных сибирских товаров (пушнины, меди, железа, золота) заставляли и сильные народности, принимавшие участие в товарообмене, быть ближе к подчиненным племенам-поставщикам этих товаров. Несомненно, и турки-тюкюесцы, и уйгуры-хойху, и кыргызы-какасы должны были самым близким образом участвовать в этнографических новообразованиях на верхнем Енисее.

Можно считать установленным, что Минусинский край входил в состав основных земель хакасов. По китайским известиям, их владения на юг простирались до гор Таньмань (вероятно, Танну-Ола). Это был многочисленный народ, который мог выставить до 80 тыс. воинов. На ряду с скотоводством они занимались земледелием и сеяли просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. К их времени относят возникновение оросительных сооружений, остатки коих известны в Минусинском крае, в Урянхае и на Алтае под именем «чуждских каналов» и в настоящее время возобновляются местными жителями. Хакасы имели довольно сложное государственное устройство с развитой бюрократической системой. Носитель верховной власти имел титул Ажо. Зимой он носил соболью шапку, а летом шапку с золотым ободком и коническим верхом; это описание напоминает головной убор т. н. «каменных баб» Минусинского края. Среди домашних животных у хакасов упоминаются верблюды. Им были подчинены племена, платившие дань

собоями и белками. Нельзя не отметить известия, что западные турецкие владетели вступали в брачные союзы с дочерьми хакассских князей, а китайский императорский дом считал позднее себя в родстве с ажо.¹⁷ Исследователи часто указывают на обособленный тип алтайско-енисейской культуры.¹⁸ Может быть, это мнение обязано своим существованием тому обстоятельству, что древности Монголии, бассейна Тарима, Туркестана только начинают изучаться.

Изолированность, и при том относительная, должна быть относима к более позднему времени. Эту изолированность ставят в связи с обеднением края. При этом в последнем часто склонны видеть причину первой. А первоначальную причину ищут в постепенном изменении климатических условий Минусинского края, а также и Ср. Азии, «когда наступившая большая суровость климата обусловила обеднение и одичание народностей Минусинского округа»; разложение местной культуры относят на счет «высыхания местности и отчасти усиливающейся сухости».¹⁹ С этим объяснением трудно согласиться. Одним из наиболее ярких памятников былой высокой культуры и считаются остатки обширных оросительных сооружений. Но наличие последних свидетельствует об отсутствии сколько нибудь значительной разницы в климатических условиях той эпохи и современной нам.²⁰

Есть и иное объяснение.

Оно приписывает «постепенный упадок культуры» «тактике Чингис-хана и его преемников». Они «забирали влиятельных представителей покоренной страны к себе, если нужно, истребляли их, уводили с собой художников и ремесленников в глубь Монголии и лишали край его лучших сил».²¹ Это объяснение приходится также отвергнуть. Если бы культура покоренной страны значительно превышала

культуру страны победителей и позволяла прокармливать «тысячи людей», т. е. победители имели бы полное основание остаться в крае, вместо того, чтобы уводить «художников и ремесленников». Затем, если таковой увод и имел место, то мог повторяться неоднократно. Правильно развивающиеся производительные силы страны всегда залечат раны, нанесенные хозяйственному организму случайной внешней силой. Наконец, упадок должен быть отодвинут, вероятно, к более ранней эпохе.

Должны были быть более глубокие и широкие причины, повлекшие упадок и обеднение. Эти причины надо искать в изменениях направлений торгового движения и перемещении мировых рынков. В западной Европе возникают новые торговые центры, посредничество с которыми берут Великий Новгород и Великие Болгары; в сферу их торговых сношений вводится северо-запад Сибири, поставляющий дорогие меха и серебро. Впоследствии открытие морских путей и новых стран перемещает торговые центры далеко от прежних великих путей. Византия утрачивает свое значение. В Средней Азии не может создаться сильной политической организации, которая бы взяла на себя обслуживание и охрану торгового движения. Резких изменений катастрофического характера не было. Торговые сношения постепенно ралажились. Производительные силы не находили выхода. Хозяйственная жизнь расстраивалась. Иногда наступало улучшение, когда открывался новый рынок, или новая политическая комбинация улучшала условия обмена. Но общий упадок развивался неуклонно, ибо его причины лежали в условиях мировой жизни. Необходим чрезвычайно интенсивный товарообмен, обмен продуктами, чтобы население могло беспрепятственно возрастать в границах определенной территории. Раз производительные силы парализованы и выхода

для результатов их деятельности нет, население беднеет, не находит источников существования и вымирает или искусственно разрежается, уходя на новые места, позволяющие оставаться при экстенсивных формах хозяйства.

Это мы и находим на верхнем Енисее.

После закрытия и засорения торговых путей в Средней Азии, экономическая жизнь на Алтае и верхнем Енисее оказалась поставленной в тиски и производительные силы парализованными за отсутствием сколько нибудь емких рынков. Главная отрасль хозяйственной деятельности господствующих скотоводческих племен могла давать продукты почти исключительно потребительного значения. На юг не могло быть сколько нибудь исчерпывающего спроса, так как там жили такие же скотоводческие племена, которые могли обслуживать сократившиеся в объеме рынки. В другие стороны скот мог идти лишь в меру спроса на него со стороны охотничьих племен, которые не могли, конечно, потреблять сколько нибудь значительного количества продуктов скотоводства. С другой стороны расшатанный в общих неблагоприятных экономических условиях общественный порядок и ослабление защиты от нападений извне сказывались на невозможности в сколько нибудь значительных размерах развивать земледельческое хозяйство; самое скотоводство ввиду этих условий должно было развиваться в сторону разведения, по преимуществу, допускающих быстрое передвижение—лошадей и верблюдов.

На сохранившиеся значительные рынки Ср. Азии и Китая могла идти в широких размерах лишь «мягкая рухлядь», пушнина, дорогие меха, соболь, белка, лисица и т. д.,—в обмен на шелковые и бумажные ткани Китая и Туркистана, стальные изделия и др. фабрикаты.

Всякая политическая, или государственная, организация должна удовлетворять известной хозяйственной потребности и ею оправдываться. Поэтому, в описанных выше хозяйственных условиях долины верхнего Енисея и его притоков, политическое соединение могло существовать постольку, поскольку оно объединяло те племена, которые являлись производителями главного предмета вывоза—пушнины, и поскольку могло организовывать и охранять это производство и вывоз.²²

В этом ключ к пониманию политических условий Минусинского края. Этим же и объясняется выход турецких племен к северу, к таежным пространствам, являющимся местами обитания и деятельности охотничьих племен, и далее на восток, в систему Ангары и к Байкалу.

Так вышли довольно многочисленные этнические группы соха (сахалар) и кашха (каштар).²³

Каштары заняли долину Качи и часть их продвинулась в пределы нынешних Калского и Нижнеудинского уездов, а, вероятно, и Балаганского (кара-касха, кара-кас,—кара-гасы). В балаганские и иркутские степи прошли сахалар, которые, как и каштар, сохранили скотоводческое хозяйство. Буряты, вступившие с ними в борьбу, отрезали сахалар от нижнеудинских одноплеменных кара-касха, или карагасов, и оттеснили в верхоленские степи, а впоследствии вынудили их спуститься вниз по Лене, в пределы нынешней Якутской области, где их и нашли в XVII в. русские, назвавшие их заимствованным от тунгусов именем «якуты». ²⁴ Якут-соха сохранили не только турецкий язык и обычаи, но и скотоводческое хозяйство, отбившись от бурят. Менее многочисленные кара-касха (каракасы) были оттеснены из степей в таежные места; они сохранили турецкий язык, передав его ассимилированным племенам, может быть енисей-

ского происхождения, но усвоив, в свою очередь, зверолов-
ческий, охотничий быт последних.²⁵

И сахалар, и каштар, несомненно, вышли из Минусин-
ского края не одни, а увлекли менее значительные части
других племен, преимущественно, вероятно, своих кишты-
мов из охотничьих племен. На Лене встречаются названия
уручищ и селений—«Ары», «Аринская», указывающие на
название кости **ара** у абаканских инородцев и аринцев,
«яренскую орду» исторических документов. Часть «ярин-
цев» русские застали вместе с **кашинской ордой**, а другую,
вероятно, увлекли с собой и ассимилировали сахалар. Ка-
ракаштар вобрали в себя чогу—**чоды**, которые имеются у
аскысских инородцев и у сойотов Урянхай; последних кара-
касы и зовут «чота», очевидно, по соседнему урянхайскому
«сумо»—**чода**; о кости **чептей** один каракас сообщал проф.
Каташову, что она пришла из Пырат (т. е. бурят), но это,
несомненно, не монголо-бурятская ветвь, а принадлежит к
одной группе с точжи, чоды и саянами.²⁶

Это эмиграционное движение турецких племен из Ми-
нусинского края продолжалось, как это мы увидим из по-
следующего изложения, и в XVII в.

С другой стороны, буряты, оттеснив вниз по Лене яку-
тов, подчинили, повидимому, каракасов в системе Уды и пле-
мена охотников, жившие на Кане и Каче («Тулжинская зе-
млица»). С последней они брали дань еще в 1612 году и де-
лали попытки восстановить господство на ней после по-
стройки даже Красноярского острога. Как платящие дань бу-
рятам называются даже некоторые племена Минусинского
края, а именно **десары**.²⁷

Примечания к 1-й главе.

¹ Туземное название Улук-кем, значит по-турецки—«Великая река».

² В другом документе точнее: «через Саянский камень, на Кем-чук неделю».

³ Наблюдается аналогия в названиях: Енисей составляется из Бикема и Ха-кема, Обь—из Би и Хатун.

⁴ Торговые сношения передней Азии с Китаем относятся к глубокой древности. Ср. **Библия**, кн. **Исайи**: «И все горы мои сделаю путем, и дороги мои будут подняты. И вот придут издалека—одни с севера и моря, другие из земли **Синим**» (Китай). Шелк был очень распространен. Ср. **Иезекииль**: «оноясал тебя виссоном и покрыл шелковым покрывалом» (XVI, 10); «одежда твоя была виссон и шелк» (XVI, 13). Те же товары получались из Китая в XVII в.: «А товары в Китаех: атласы, бархаты, камки»; тоже из «Жолтаго царства» и Тибета: «камки, и бархаты, и атласы, и сукна дорогие» (предисловие Арсеньева к **Путешествию через Сибирь Николая Спфария**. Сиб. 1882, стр. 12—13).

⁵ Из владений Алтын-хаана, по сообщению атамана Василия Тюменца (второе десятилетие XVII в.), шли в Китай и Тибет: «лошади, соболы, лисицы, барсы, рыси, бобры и иная мягкая рухлядь, хвосты и гривы конские», там же; стр. 13; ср. **Фишер. Сибирская история**. Сиб. 1774, стр. 257 и сл.).

⁶ Сред. древне-русское «полюдь». **Бестужев-Рюмин. Русская история**, стр. 108-112; **Ключевский, Курс русской истории**, М. 1904, т. I, стр. 180 и сл. («дань натурой», «произведения лесных промыслов, меха, медь, воск», «к этим товарам присоединялась челядь»; «челядь», т. е. рабы,—это «ясырь» в XVII в. в Сибири).

⁷ Любопытные расчеты процентов находим мы в «Русской Правде». Напр., 2 кобылы за 12 лет приносят 92 лошадей (расчет по возрастам: 32 взрослых, трехлеток, двухлеток и однолеток по 20).

Считая взрослую кобылу по цене 3 гривны и уменьшая стоимость по возрастам, «Р. П.» оценивает всех 92 лощ. в 132 гривны. Овцы дают еще более. См. **Калачев. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Руской Правды.** Спб. 1880 (прилож. тексты, стр. 145—150). Аналогичные расчеты регулировали долговые обязательства сойот перед русскими торговцами. Вм. двухлетка на следующий год отдавался трехлеток; затем взрослое животное уже удваивалось. **Яковлев, Этнографич. обзор инородческого населения долины южного Енисея.** Минусинск, 1900, стр. 72—74; много данных у **Ядринцева, Сибирские инородцы.** Спб. 1891, стр. 98-99, 104 и сл.

⁸ Т. е. албан; на наречии алтайских турков вм. «б» часто слышется звук «м»: матур вм. батур; чемал вм. чебал и т. п.

⁹ **Потанин, Материалы к истории Сибири.** Москва. 1867, стр. 68; **Ср. Миллер, Описание Сибирского царства.** Спб. 1750, стр. 417; **Памятники Сибирской истории XVIII в.** Спб. 1882, т. I, № 36; **Дополнен. к А. И., изд. Арх. Комм., т. VIII, № 44, III; Клеменц. Древности Минусинского Музея.** Томск, 1886, стр. 70; **Фишер, Сиб. история,** стр. 213-214.

¹⁰ Персы и сами занимались разведением шелковичного червя.

¹¹ **Castren's Ethnologische Vorlesungen.** 1857, стр. 62-63; подробно изложено у **Клеменца, Древности,** стр. 71-72; ср. **Гельмольт, История человечества т. II,** стр. 146. Византия, как и Китай, пользовалась часто помощью степняков-турков против своих врагов. См. **Русская история в очерках и статьях.** Под ред. проф. Довнар-Запольского. М. 1910, стр. 57 и сл. (статья «Степняки»); **Трачевский, Русская история.** Спб. 1895, стр. 29; **Бестужев-Рюмин, Русская история т. II.**

¹² Такие стрелы сохранялись долго у сибирских инородцев и у русских были известны под названием «свистушки». **Спасский, Буряты или Братские.** Сибирский Вестник, 1824, I, стр. 47. Их находят при раскопках в Минусинском уезде, на границах Алтая. **Кузнецов-Красноярский, О некоторых находках древностей железного периода на юге Енисейской губернии.** Изв. Общ. Археол., ист. и этногр. при Казанск. Унив. 1908. **Спасский** писал, что «свистушки употреблялись на охоте» и «простреливали зверя насквозь»; Кузнецову старики-инородцы говорили, что стрелки с полым костяным придатком употреблялись на их памяти «для забавы». Может быть, действительно «поющей» стрелы было рассчитано на угнетение морального состояния противника и было аналогично эффекту японской пимовы.

¹³ В Минусинском уезде находят предметы с арабскими надписями.

¹⁴ В керантском государстве большое значение получили христиане-несториане. Рассказы о царстве пресвитера Иоанна относятся к керантам. Унг-хан—исторический прототип пресвитера Иоанна—современник Чингис-хана, изображенный у Марко-Поло. См. **Ядринцев, Падшие царства и исчезнувшие народы**. Сибирский Сборн. Москва, 1891; I, стр. 21—61. Чингисханы были также благосклонно настроены по отношению к христианам. Джагатай считался христианином; вдова Октая, правившая после последнего, была несторианка. В 1253 г. Рубрук был верчен в Каракоруме несторианским духовенством. **Гельмольт, Ист. чело.**, т. IV, стр. 207; ср. ст. «**Несторианство в Ср. Азии**» в Вост. Обзор. 1886, № 38, стр. 12.

¹⁵ Чингис-хан также придавал выдающее значение военной охране торг. путей, учреждая почт. сообщения и располагая в главных пунктах военные отряды для охраны проезжающих и торговых караванов. Ср. **Иванин. О военном искусстве и завоеваниях монголов**. СПб. 1846, стр. 11.

¹⁶ Так, напр., **Аргын** представляет современное родовое подразделение и киргиз-казаков Средней Орды и Кызыльских татар Ачинского уезда; **керанты** входят в состав киргиз-казаков Малой Орды, и улус керантов, как части **тубинцев**, русские застали в первой половине XVII в. на устье Абакана, на Енисее; **найман** входят в состав киргиз-казаков, имеются в Туркестане и на Алтае; **мернит** (или **мернют**) мы находим и на Алтае, и в З. Монголии, и среди оседлых турков русского Туркестана; то же самое можно сказать о **наранас**,—это родовое подразделение киргиз-казаков, особое племя в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии и родовое подразделение (кость) абаканских татар; **йельден** кара-кыргызов, очевидно, то же, что **чельден** абаканских татар Сеок (кость) как монголо-буритское **пагхон**, **йасон**, значит: кость, род, племя (абаканцы-хакасы—произносят его как долгий звук, средний между е и о).

¹⁷ **Клеменц, Древности**, стр. 72—75.

¹⁸ **Клеменц, н. с.**

¹⁹ **Савенков, О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее**. Изд. И. Р. А. О. Москва. 1910, стр. 36. Те же предположения в отношении Ср. Азии, н. с. стр. 48—50. Этим вопросом интересовался и **Ядринцев, Начало оседлости**, в Литер. Сборнике, изд. ред. «Вост. Обзор.» СПб. 1885.—«исчезновение вод создало новые условия» (стр. 170); к этому вопросу он подходил с естествен-

но-исторической точки зрения, см. его **Уменьшение вод в Арало-Каспийской низменности в пределах Западной Сибири**, в т. XXII «Известий И. Р. Г. Общества».

²⁰ Исследователи отмечают необходимость для этих сооружений не только технических сведений, но и высокой общественной организации. **Клеменц, н. с.** стр. 45.

²¹ **Клеменц, н. с.**, стр. 76. Это объяснение напоминает исторические концепции писателей XVIII века. Ср. Volney. *Les ruines ou méditations sur les révolutions des empires*. 1-е изд. 1791, новое—1883 «Pendant des régnes entiers on vit des millions des bras employés à des travaux stériles» и пр. Клеменц сам указывает на то, что «киликидзе» добровольно подчинились Чингис-Хану; следовательно не могло быть разгрома в крупных размерах.

²² В конце 20-х годов XVII в. князь Ишей говорил русским посланцам, что кыргызы сами соболей не ловят, а получают их от своих кыштымов. **Фишер, н. с.**, стр. 297.

²³ Сахалар и каштар наиболее распространенные сеоки среди абаканских инородцев, на ряду с сеоками кыргыз, бюрют и ара. Сахалар и каштар распадается на родовые подразделения: карасоки (или кок-соки), ак-соки, кара-каеха (произношение приабаканских туземцев, на Юусе и у кызыльцев произносится: кара-кашха), ак-каеха, паратен-каеха, тайчжин-каеха. Абаканские инородцы производят название сеока, соха, как соккы, а множ. число—сахалар.

²⁴ Известный писатель **В. Л. Серошевский** в своем труде **Якуты** (т. I. Спб. 1896) вопросу о происхождении якутов посвятил большую главу («О южном происхождении якутов», стр. 183—210). Но, устанавливая факт более южного происхождения якутов,—в чем едва ли могли бы быть сомнения,—Серошевский колеблется в отношении места, откуда могли выйти сахалар-якуты («якуты зовут себя саха—множественное **сахалар**»). «Относительно Саха, Сагай или Сагал, Енисей и Абакана,—говорит этот автор,—на которых указывают Миллер, Фишер и другие, как на предполагаемых сородичей якутов, можно сказать, что доподлинно неизвестно, было ли ранее среди них племя или род Саха. **Теперь его нет**». (н. с. стр. 205). Другой исследователь, **Кочнев** («Очерки юридического быта якутов», стр. 21—29) в поисках родичей якутов смешивает **сагай** с какими-то **сахай**, помещая их где-то в верховьях Енисея (?) Между тем уже Миллер дал совершенно определенное указание: «якуты называют самих себя **Соха**, с чем весьма изрядно сходствует, что между татарами Красноярского уезда имеется еще небольшое поколение, которое тем же

именем называется» (*Описание Сибирского царства*, стр. 27). Сеок-сома в XIX в. был зарегистрирован Кастреном («*sukarlar*», — см *Reiseberichte und Briefe Petersburg*, 1856, стр. 321). Катановы («соккы»), Адриановым («соко»), Сохалар в XVIII в. составили Кубанов аймак; с родовым устройством в XIX в. название Кубанова рода было сохранено. Этому обстоятельству надо приписать исчезновение в литературе имени сохалар, которого нет ни у Палласа и Георги, ни у Степанова, Пестова и кн. Кострова.

Имя «Якут», несомненно, одного происхождения с «саха», или «саккы». Звуки «с», «чж» и «й» переходят один в другой (напр., дорога, путь — «йол» у качинцев, «чжол» у сагаев, «сол» у якутов. Одна из форм множественного числа у турко-монголов и тунгусов на «ит»; или «ыт». Следовательно, мы будем иметь близкие формы «саккыт» (при акающем диалекте) и «яккыт». Отсюда русское «якут».

²⁵ У каракасов исследователями были зарегистрированы следующие кости: Каш, Сарыг-каш (желтый каш), чогу, кара-чогу и чантей (*Катанов, Поездка к карагасам в 1890 г.* Сиб. 1891, стр. 7; *Castrén's. Reiseberichte und Briefe*, стр. 389—390. Кастрен, вслед за ним кн. Костров (*Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири*. Сиб. 1879, стр. 11) считают каракасов самоедским племенем, ссылаясь на сохранившиеся самоедские слова, звероловство и оленеводство. «А как, — замечает Костров, — теперь они говорят тюркским наречием, которое ближе всего подходит к качинскому, то, вероятно, качинцы и уничтожили национальность этого племени». Позднее в литературе повторяется то же мнение (ср. *Залесский, К этнографии и антропологии карагасов*. Спб. 1989, стр. 1—4). Ошибка Кострова и других исследователей заключается в том, что они берут современные, всего чаще искусственные, административного происхождения, подразделения и подвергают их изучению как племенные единицы. В данном случае две из пяти костей заведомо турецкие и одного происхождения с соответствующими костями абаканских туземцев; об отуречении можно делать предположения лишь в отношении чогу и чантей, если не будет установлено их родства с заведомо туркским племенем.

²⁶ В Уринхэ имеется целый Точжинский хошун; сайпы вошли значительной частью в состав сойотов (измененное название «сайн»). Серошевский говорит, что в торжественных случаях и в былинном эпосе якуты называют себя **урангай-саха**; в обыденной речи **урангай-ниси** — значит чуждой, немного странный человек, человек старинных обычаев (*Серошевский, н. с.*, стр. 203-204). Буриты употребляют это

имя в смысле **лесной, дикий народ**, сближая с представлением о тунгусах (хамнагын). «Ты хочешь быть урянха-хамнагын», говорят по адресу человека, бродящего без дела (**Потанин, Очерки Северо-западной Монголии**. Спб. 1881, т. IV, стр. 114). В исторических документах имя урянхайцев встречается уже в середине XVIII в.; поэтому едва ли правильно предположение, что оно дано сойотам китайцами и представляет искаженное монгольское «оронхой» (**Потанин, Очерки с.-з. Монголии**, IV, 662; **Яковлев, Этнографич. обзор**, стр. 17). Вероятно, что это не родовое и не племенное имя, а собирательное. Исторические документы изображают урянхайцев в бедственном положении: «пешие» (т. е. безскотные), питаются сараной и марьяными кореньями (**Потанин, Матер. и ист. Сибири**, стр. 101); немногие имеют скот и живут, где есть корм для скота и зверин. промысел (**там же**); некоторые делают посевы (103); они страшно бедствуют, давая повод для подозрений, что «от крайнего голода» употребляют в пищу человеческое мясо (стр. 112); воруют лошадей у соседей, но и у них производят грабежи русские, монголы, мингаты, киргиз-касаки (стр. 84, 94, 101 и др.); они рассеяны в северо-западной Монголии и на Алтае (вол. Канская, Саянская, **там же**, стр. 84, 113). Можно предпологать, что когда киргизские князья и Алтын-хан утратили власть, а затем пало и Чжунгарское государство, их киштымы были представлены самим себе и лишились всякой защиты. Общность положения стерла племенные названия для соседей, и старинное имя «уранхай» стало общим для этих «лесников» — звероловов. «Сахалар» много претерпели, пока добрались до лесных низменностей; может быть, с долей горечи и вместе горделивого сознания перенесенных бед, они и стали называть себя **уранха-саха**, — т. е. лесные скитальцы-саха. О древнем названии урянхов, оренгаев, см. **Н. Н. Козьмин, К вопросу о времени водворения бурят около Байнала**. Ирк. 1925.

²⁷ **Миллер, Описание сиб. царства**, стр. 443; **Сибирская история. Ежемес. сочинения**. Спб. 1764, I, стр. 205. Путь в Канский уезд был, как и теперь, по р. Сыде. Десары, или джесары — не племенное название, а территориальное, как имя далее встречающихся алтысаров и исаров. **Сары** — по татарски значит **сторона**, **алты** — **низ**; следовательно, **алтысары** — просто значит **низовские** (в Минусинском уезде аналогичные термины и теперь в общем употреблении: население

Новоселовской, Комской и др. волостей называют «пизовские», а жителей Бейской, Калтыревской волостей—«верховские»). Исары—от ис (ич), что значит середина и сары—сторона. Джесары можно объяснить из джек (край) и сары, т. е. окраинные, какими и были охотничьи племена. Под десарами, платившими дань бурятам, должны подразумеваться байкотовцы, кайдынцы и, может быть, некоторые другие мелкие племена (см. словари—**Вербицкого**, **Словарь алтайских наречий**; **Радлова**. Опыт словаря тюркских наречий, и прилож. к Versuch einer Koibal. und Karagass. Sprachlehre Кастрена (Спб. 1857).

II.

Кыргызы и их киштымы.

Оставшиеся в Минусинском крае племена были довольно многочисленны и входили в разнообразные взаимоотношения, при появлении русских, в начале XVII века.

Это были «киргизские и иных орд многие люди». ¹ В другом документе перечисляются эти «орды великие многие», которые от Томска «неподалеку кочюют»: «черные и белые колмаки, и киргизские люди, и маты, и братья, и саянцы, и тубинцы, и кучеруты, и кызылы, и басагары, и кузнецкие люди». ² В 1609 году были «приведены под царскую высокую руку новые волости Матцкая и Кимская и Алтерская волости». Воеводы в донесении поясняют: «живут около киргиз близко». ³ Затем упоминаются десары с особым князем, ⁴ маторы и туба с маторскими и тубинскими князьями, ⁵ а в позднейших актах точи, мунгаты (мунганы, мугаты), саяны, байкотовцы (бакотовцы, бакотцы), ушгерцы (у Ремезова—унтирцы), сагайцы и некоторые другие племена. ⁶

Господствующее положение занимала племенная группа «кыргыз» — «киргизы» русских исторических актов.

По вопросу, кто такие были эти «киргизы», откуда они происходили и куда девались, имеется небольшая литерату-

ра, в которой мнения расходятся в диаметрально противоположные стороны.

Писатели XVIII века были склонны отождествлять киргизов Минусинского края с западными — киргиз-казаками и кара-киргизами. По мнению Георги, киргизы кочевали сначала «при верхнем Енисее, около Июса, Абакана и далее на юге и на востоке», но в результате борьбы с русскими и калмыками «пришли они от Енисея на Обь и вообще подавались все далее на запад и юго-запад». ⁷ Историк Миллер и Фишер обладали достаточным документальным материалом, чтобы не смешивать т. н. енисейских киргизов и киргизов бассейна Иртыша и Туркестана. По Миллеру первые, теснимые русскими, ушли к калмыкам, у которых «они под именем **Бурут** известны». ⁸ У Фишера мы находим еще более определенное указание. «В начале нынешнего (т. е. XVIII) века **по дружжелюбным договорам уступлены** они калмыкам, однако с тем, чтобы из спорной в то время земли, которую они набегами своими многократно обеспокоивали выбравшись, далее внутрь Калмацкой земли отступили. Итак, Российские земли в Сибири от сих гостей **совершенно очищены**». ⁹ Историк Словцов, полемизируя против неправильно приписанного им Фишеру смешения «киргизов восточных» с «западными», ¹⁰ выводил первых из Забайкалья, где многочисленные могильники приписывались каким то **кертетам**. «Потомки кертетов забайкальских, — утверждает Словцов, — в эпоху русскую, распространились до Катвиши, пройдя через верхоленские степи Иркутской губернии. Словцов недопускал возможности договора о добровольной уступке русскому правительством киргизов калмыкам. По его мнению, киргизы «убрались на юго-запад», после поражения нанесенного им казаками головой Пицуриным в 1704 году, боясь «быть стиснутыми между двух сил». ¹¹

Кастрен, а вслед за ним акад. Радлов считают киргиз потомками хакасов и приписывают им происхождение большей части бесчисленных курганов. Из сибирских степей, по мнению Кастрена, киргизы продвинулись в местности, лежащие между Ташкентом и Коканом, верхним Иртышом и Аральским и Каспийским морями; не смотря на смещение с монголами, они сохранили чистый турецкий язык.¹² Им же, по утверждению акад. Радлова, принадлежат надписи на скалах, из коих одна относится этим ученым ко второй половине VII века.

Наибольшее влияние в этнографической литературе имело мнение, высказанное акад. Радловым относительно последствий, которые имел уход киргизов из Минусинского края. «Когда,—говорит он,—киргизы в конце XVII в. в главной массе покинули абаканские и енисейские степи, лишь очень немногие родовые группы остались на прежних местах. Но обширные степные пространства только короткое время оставались без населения; сюда двинулись со всех сторон обитавшие в соседних тайгах (Waldgebirgen) племена, привлекаемые плодородными равнинами. С юга в широкую долину Абакана потянулись бектиры, с юго-востока—кайбалы и маторы, с северо-запада—арины и населили вместе с некоторыми продвигнувшимися с Алтая на восток тюркскими поколениями южную часть кол. Абакана до Аскыса; северная же часть стала местом обитания качишцев».¹³ Этот взгляд маститого ученого получил общее признание в литературе.¹⁴

С резко разошедшимся с установившимся мнением выступил местный исследователь И. П. Кузнецов, автор многочисленных изданий по археологии и истории Минусинского края. Г. Кузнецов совершенно отрицает существование енисейских киргизов, утверждая, что 1) енисейские киргизы не

составляли отдельной народности, а заключали в себе разные тюрко-монгольские роды и колена, которые получили общее название киргиз от томских казаков в начале XVII стол.; 2) часть этих киргизов перекочевала в конце XVII или в начале XVIII в. за Саянский хребет, вероятно, в северо-западную Монголию; 3) часть этих киргизов живет и по настоящее время на юге Енисейской губернии, как, напр., инородцы Минусинского уезда—тубинцы, сагайское колено кыргыс, езерцы (ызыр)». ¹⁵ Для всех этих племен г. Кузнецов предлагает употреблять название не киргизы, а енисейские тюрко-монголы. ¹⁶ Если отбросить преувеличения и погрешности этого автора, то в бесспорном виде его вывод будет такой: в Минусинском крае живут те же племена, с которыми имели дело русские в XVII в. Его заслуга в том, что он попытался, хотя и неудачно, сопоставить данные о племенных и родовых подразделениях современных инородцев с историческими известиями, ¹⁷ а также подверг сомнению правильность мнения о выселении целой народности из края и водворении на образовавшемся как бы пустом месте других племен.

Из приводившегося выше перечисления «орд великих многих» можно видеть, что в Томске уже в начале XVII в. различали кыргызов не только от черных калмаков и братов, но и от других, родственных кыргызам, племен. То же различие имеет место и позднее. В 1683 г., когда сведения о племенах в системе Енисея были у русских уже достаточно полные, мы читаем в документе: «А по сию сторону Енисея по рекам Абакану и Уйбату живут и подле Енисея многие киргиские и с ними калмыцкие люди, а по другую сторону Енисея и по Уисе реке живут киргизы же, имя им Тубинцы, а с ними **иных** многих земель дальные люди». ¹⁸

Кыргызы составляли господствующую племенную группу. Но и они не составляли одного целого. Они разделялись на самостоятельные улусы с особыми князьями, которые часто друг друга «не слушали». В 1609 г. князь Номча дал русским ясак со своих людей, а князья Кочебай, Нонин и Кошкай не хотели платить ясака, но это были тоже кыргызские князья.¹⁹ В 1680 г. князь Иренак выступает против русских «со многими киргисскими и тубинскими и алтырскими и езерскими и с маторскими и с байкотовскими людьми».²⁰ В другом акте говорится еще точнее: «хотят де киргисские люди Алтысарского и Исарского улусов, да с ними же и Алтырского улуса киргизы всею своею киргискою землецею приходить под острог».²¹

Итак, отсюда мы видим, что «киргиская земля» разделялась между четырьмя кыргызскими группами: алтырской, алтысарской, езерской (ызыр) и тубинской. Ни одно другое племя не называется кыргызским, хотя и употребляются выражения в роде «киргисские люди», но в смысле подчиненности киргизам, как кыргызские подданные.²²

Попытаемся установить этнический состав и географическое положение земель, входивших во владение каждой из четырех названных земель или улусов, условившись предварительно называть их княжествами.

Тубинское княжество располагалось на правой стороне Енисея. Центром его была р. Упса, получившая впоследствии у русских название Тубы от имени обитавшего на ней первенствовавшего племени. Относительно происхождения племени **Туба** в литературе не имеется установленного мнения, но обще-принятым может считаться взгляд, признающий Тубу за самоедское племя. Этот взгляд был высказан еще в XVIII в. Георги.²³ Его же мы находим и у Кастрена,²⁴ вслед

за которым акад. Радлов оказал авторитетную поддержку этой самоедской гипотезе.²⁵

С другой стороны, Шифнер, Радлов, Катанов и Ядринцев²⁶ отметили, что т. н. черные татары Алтая, каракасы, урянхайцы и часть абаканских татар также называют себя Туба. «Так как,—делает вывод проф. Катанов,—языки их сходны друг с другом, то все эти четыре племени можно считать за остаток одного народа, именно Саянских татар, живших прежде по р. Тубе». Интересно с этим сопоставить известия, оставленные нам послом к Алтын-хану, Василием Тюменцем (1616 г.). Он передавал, что из кыргызской земли посольство перешло в землю тубинцев, обитавших **по склонам гор**. Они, по словам Тюменца, переходят, где кому полюбится, с оленями и козами; едят они козье мясо; платье себе делают из кож; хлеба у них не родится; коров и овец нет; имеются только лошади и олени».²⁷ Следовательно, и до появления русских **тубалар** назывались охотничьи племена. т. н. лесники, по терминологии Ядринцева, и они на р. Тубе не жили, а жили в предгорьях Саян и Алтая. Основная, господствующая группа **туба** была скотоводческая, а не охотничья. В настоящее время она сохраняется в виде сока этого названия у абаканских инородцев. В XVIII веке она вошла в состав Тубинского аймака, и Георгий отметил, что туба «ни житьем, ни языком от качинцев ни мало не различается».²⁸ После реформы 1822 г. тубалар вошли в состав Тубинского рода, при чем в последний же входил и сок **кыргыз**.²⁹ В цитированном выше и относящемся к 1683 г. документу определенно говорится, что «по другую сторону Енисея и по Унсе реке живут **киргизы же, имя им тубинцы**».

Выше уже было указано, что хозяйственно-политическая организация в изучаемом крае должна была основываться

на экономическом и политическом подчинении производителей тех товаров, которые могли идти на вывоз,—охотничьих племен. Об этих последних только что цитированный документ и говорит далее: «а с ними иных многих земель **далные люди**». «Далные люди»—это, вероятно, русский перевод туземного термина «джесары». ³⁰ В другом документе эти живущие с тубинцами «иных многих земель далные люди» называются более точно: «тубинские татаровя кыпч-тымы». ³¹

Первое место среди живших с тубинцами племен занимают маторы, сохранившиеся в кости койбалов—мадыр. Но еще во второй половине XVIII в. их определенно отличали от койбалов, хотя Паллас и отмечает, что «в поведении и в платье они не очень отличны от кайбальцев». В XVII в. различали просто маторов, живших в непосредственном соседстве с тубинцами, и «каменных маторов», (т. е. живших в «канях», в горах). Первые были, вероятно, скотоводы, а вторые, несомненно, звероловы. Последние жили вверх по Казыру, Амылу и Ое, а также в системе р. Кана, в Канском уезде. Скотоводы, за небольшими, вероятно, исключениями, ушли в начале XVIII в. вместе с тубинцами за Саяны; звероловы же остались в качестве «ясачных» подданных русских.

Маторы были довольно многочисленное племя и имели особых князей, которые в последней четверти XVII в., надо полагать, достигли значительной независимости от тубинских князей. ³²

Другим наиболее значительным племенем были т. п. байковцы, в настоящее время составляющие также кость койбалов (**байгода**). В «Чертежной книге» Ремезова байковцы показаны к югу от тубинцев. Часть их жила, надо полагать, между Енисеем и Абаканом, где их нашел Паллас.

Другой улус байкотовцев Палласом зарегистрирован на правой стороне Енисея, вероятно, между Тубой и Сыдой. Часть последних Кастреном отмечена в числе костей Абалаковского улуса Канского уезда (**байга**).³³ Байкотовские князья, как и маторские, к концу XVII в. выходили из под власти тубинских князей.³⁴

Менее значительными племенами, платившими дань тубинцам, были кайдынцы, жившие по Кязиру, богочжи, часть коих жила и в Канском уезде, иргиты,³⁵ койбалы³⁶ и некоторые другие. Территория Тубинского княжества, таким образом, определяется всей правобережной частью Минусинского уезда к югу от реки Сыды. Кроме того, господство тубинцев распространялось на Канский, а отчасти и Нижнеудинский уезды.³⁷ На левой стороне Енисея им принадлежала значительная часть треугольника, образуемого р.р. Абаканом и Енисеем и Саянами.

В 1643 году с Кондомы и Мрассы (Кузнецкий уезд) ушли к кыргызам «ясашные люди». На требование возвратить их тубинские князья дали ответ, что «мрасские и кондомские ясашные люди киштымы их кирпичские и пришли де к ним кормиться».³⁸ Отсюда видно, что тубинские киштымы находились и далеко за пределами выше очерченной территории, и становится понятным, почему, по свидетельству Ядринцева, алтайские черновые татары называют себя тубалар.

Это широкое распространение области господства тубинцев отчасти можно объяснять географическим положением этого племени, занимавшего бассейн р. Упсы-Тубы и притоков последней Амыла, Кызыра и Кизира, а также р. Ои, в верховьях которых находились главнейшие охотничьи угодья и в настоящее время добывается лучший соболь. Сюда не только в XVII и XVIII в., но и в последние десяти-

тысятилетия XIX в. уходили на охотничий промысел не только жители прилегающей полосы, но и инородцы левой стороны Енисея (койбалы) и даже верховий левых притоков Абакана, Таштыпа, Еси и Аскыза.³⁹ Тубинские князья не только держали в своих руках ключи звероловных «ухожий», но и должны были играть важную роль в регулировании лова и связанных с разверстанием угодий споров. Ясно, что все, кто добывал себе средства существования охотой в Таскылах водоразделов систем Тубы, Кана и Уды, должен был попадать в положение тубинского кыштыма. А круг таких племенных групп был очень широк. Была широка и территория их распространения, ибо суровая страна Таскылов не могла служить местом постоянного обитания. Сюда являлись только на охотничий сезон. Долгое сожительство, основанное на пользовании защитой тубинцев и платеже им дани, создало представление о некотором единстве; более сильная культурой туба накладывала известный отпечаток на мелкие племенные группы. И они начинали себя сознавать, как люди Тубы—тубалар.⁴⁰

Соседями тубинцев на левой стороне Енисея были езерцы-ызыр, княжество которых занимало территорию от р. Абакана к северу приблизительно до т. п. Батеневского горного хряжа. К западу и юго-западу от них было княжество Алтырское, а к северу и северо-востоку—княжество Алтысарское. Езерское княжество, таким образом, лежало среди других кыргызских княжеств, почему племена, входившие в состав этого княжества, были известны часто под именем **исаров** (ичь, ис—средина, сары—сторона), а княжество под именем **Исарского улуса**.⁴¹ Вместо названий «езерцы», «исары» употребляется имя «керельцы», т. е. то же название, которое мы находим у Финнера для «особливого рода тубинцев», жившего на устье Абакана (каранты,

кераиты).⁴² Кость «Ызыр» одна из наиболее распространенных среди современных абакапских туземцев. Но в XVIII в. они не дали этого имени ни одному из аймаков. Был аймак Мунгет, как он назван у Палласа. В состав рода «Мунгетовского» в XIX в. входили ызыр'ы.⁴³ В XVII в. упоминается племя мунгаты.⁴⁴ Недостаток документальных данных не позволяет установить определенную связь между приведенными названиями: поэтому мы воздерживаемся здесь от изложения определенной гипотезы.

Основная, господствующая группа и здесь была кыргызская. Князь Ичженей называется кыргызским князем, а это был князь «керельцев»; его преемник Шорло Мерген называется то кыргызским, то езерским князем. Ранее, несомненно, керельцы входили в Тубинское княжество. В 1652 г. во время вторжения Алтына-хана, Красноярский воевода сообщает, что «пришел в Красноярский уезд на государеву **Тубинскую землю** Алтына царя племянник Мерген тайша с воинскими людьми, с семью сот человек, убогаячи от Алтына царя, и стал на государеве **Тубинской земле на Ербинском Устье**». Но это было княжество керельцев, князь которых Ичженей и оповестил об этом событии воевод.

Уже князь Ичженей играл крупную роль среди кыргызских князей, на ряду с алтысарским князем Ишчем. Его преемник Шорло Мерген был уже более сильный князь, чем тубинские князья Шандык и Сары; последние, не будучи в состоянии справиться с своими киштымами, обращаются к нему за помощью.⁴⁵ В 1701 году езерский князь Шорло заявляет претензию на дань с канских киштымов тубинцев.⁴⁶

В состав езерского княжества входили, вероятно, племена тии, часть кайдынцев и некоторые другие, вошедшие потом в состав т. н. койбалов.

Третьим княжеством было Алтырское, административный центр коего был на р. Нине,⁴⁷ правом притоке Уйбата. Уйбат берет начало с водораздельного хребта, с коего на запад текут реки бассейна Томи. Близко находятся вершины Б. Юса. С бассейном Томи и населением Алтая сообщение было по выючным тропам по Уйбату, Аскысу и Таштыпу. Одной из главных была т. н. сагайская тропа через хребет Уленны-сын.⁴⁸

На севере владения алтырцев доходили до Б. Юса, а на юге оканчивались Саянами.⁴⁹ На востоке не было, вероятно, скольконибудь определенной границы. Определению развешивались племена, люди, а не территории скотоводов-кочевников. На востоке соседями были ызыры и алтысары. Промежуточный район, включающий горные группы Саксар, Тогмыс, Кех-кая, всхолмленную и равнинную степь, примыкающую к Абакану, представляет разнообразные условия для выпаса. Обширные местности, по безводности, доступны для выпаса лишь тогда, когда лежит снег, недостаточно глубокий, чтобы затруднить подножный корм, но и могущий заменить воду; в горах табуны находят убежище от зимних выюг и от летнего зноя; на пригреваемых солнцем южных склонах появляется первый свежий, зеленый корм. Поэтому и теперь у абаканских инородцев скотоводов имеется необходимость сохранять общие выгодные степи. Хозяева перегоняют табуны, а отчасти и стада рогатого скота на десятки верст, применяясь к изменениям погоды и количества атмосферных осадков. В одной местности, в определенные сроки, сосредоточиваются табуны и стада с разных сторон.⁵⁰ В XVII в. к климатическим условиям присоединялись условия политические. Приходилось считаться с возможностью неприятельских набегов.⁵¹

Поэтому в районе Уйбата и притока его Бири мы находим временами стоянки князей и Алтырского, и Алтысарского, и Исарского улусов, с их людьми, — «в разных местах, юрт по пяти и больше и по десяти юрт», в «полуднище» пути и менее.

Господствующей группой и здесь были кыргызы, — «Алтырского улуса кыргызы». Есть данные предположить, что это была группа не собственно «кыргыз», а сохранившаяся в современной кости «бюрют» (бурут). Миллер передает, что кыргызы, переведенные калмыками за Саяны, «под именем **Бурут** известны». ⁵² Спустя 40 лет некоторые из них пытались возвратиться на прежние места и при допросе русскими властями показали, что прежде жили в Ююских стенах, «во владении хана Тангыл-Батыря-Датжи». ⁵³ А этот хан был не кто иной, как Алтырский князь Тангут Батур-тайчи. ⁵⁴

Из входивших в состав алтырского княжества племен помимо кыргызов, видное место занимали подвластные им сагаи ⁵⁵. Сагаи вполне определенно различались русскими от кыргызов; в отличие от последних к ним применяется название «татарин». ⁵⁶ Они жили в восточных и западных предгорьях Алатау, на пространстве между верхним Аскысом и Ююсом и на восток до р. Бири. На Томи у них были напни, к которым периодически переезжали и сагаи, кочевавшие зимою со скотом вместе с другими скотоводами. ⁵⁷ В настоящее время сагаи разделяются на три кости: сагай, томь-сагай и юс-сагай. Те же подразделения мы находим и в XVII в. ⁵⁸

Сагаи, будучи кнштымами алтырцев и потом ясачными русских, должны были заниматься охотой. Но, кроме земледелия, они занимались и скотоводством. Паллае отметил у

них большие количества скота. Кроме сагаев, в числе алтырских киштымов должна была быть часть иргитов, которые вошли впоследствии в качестве кости в состав сагайского рода.⁵⁹ Часть т. н. белтыров также, несомненно, входила в состав алтырского княжества, между прочим, кости сарыглар («желтые саяне»),⁶⁰ сух-какпына, таг-какпына, чистар. Наконец, часть собственно «саян» и точки,⁶¹ можно предполагать, была подвластна алтырским кыргызам. К сожалению, для точного определения состава алтырских киштымов нет обильного сколько нибудь материала. Во всяком случае, Алтырское княжество считалось в XVII в. весьма значительным. На чертеже Ремезова оно показано занимающим обширную территорию. Его князья играют видную роль, а представитель чжунгарского контайши («посланец») имеет обычно местопребывание в резиденции («урге») алтырского князя. Здесь жило много черных и белых калмыков, (т. е. чжунгаров и телеутов).⁶²

Наконец, четвертое княжество образовали «пизовские», «понизовые» кыргызы—алтысары, с другими жившими вниз по Енисею племенами, а также частью племен пынешнего Ачинского уезда. Их стойбища были на Серее, Белом озере и Урюпе. Июсы и Божье озеро могли считаться центром их области.⁶³ Считая алтысаров, алтырцев, исаров и тубишцев кыргызами, русские часто усваивали последнее название, по преимуществу, алтысарам. Вместо «алтысарские кыргызы» или «кыргызы Алтысарского улуса» в актах исторических просто говорится: кыргызы.⁶⁴

Алтысарское княжество, как и прочие, основывалось на подчинении охотничьих, звероловческих племен. Это были тинцы («тимцы» исторических актов и Ремезова), родственные им басагары, затем шусты, камлары, ачинцы, кизылы,

байгулы, аринцы, ястынцы (ястых, частых).⁶⁵ В лучшие времена кыргызы простирали свое господство на южную часть Енисейского уезда. Из за чулымских татар у алтысаров велась такая же ожесточенная борьба с русскими, как у тубинцев из-за кашских охотничьих племен.⁶⁶ Часть этих племен переходила к скотоводству и выходила, вероятно, из положения киштымгов. Во главе такого племени становился один из кыргызских князей. Таковы были улусы Аба-лаковский и Татушевский⁶⁷ аринцев.⁶⁸ Ара—одно из наиболее широко распространенных племен: их мы находим на Алтае и в Урянхае. Можно предполагать, как мы видели выше, что некоторая часть их ушла с сахалар—якутами. Но главным местом их обитания должен считаться левый берег Енисея от Новоселовской волости, через Качу, до порогов. На правой стороне они жили ниже Сисима. В состав алтысарского княжества входили, кроме собственно «кыргыз»,—племена каштар (кашха, кашинцы) и сахалар (соккы), бывшие по всем данным под властью отдельных князей. Кыргызскими родами можно считать также аргын (теперь кость кызыльцев) и тас (кость абаканских инородцев).

Здесь мы должны вкратце указать на ошибочный, но установившийся в литературе взгляд, что современные абаканские туземцы вышли с Качи. Этот взгляд настолько популяризован, что даже среди самих инородцев сформировалась легенда о своем происхождении с Качи, от которой они будто бы получили и название. Выше уже было указано на мнение акад. Радлова, что образовавшаяся после ухода кыргызов пустота в Минусинских степях была заполнена, между прочим, пришедшими с Качи племенами. Поводом к созданию этой легенды послужило историческое известие, А именно из прамоты на имя красноярского воеводы мы уз-

наем, что около 1720 г. «уехали из Красноярска без отпуску подгородные Коченские и Арешские и Ястынские служилые и ясашные татары со своих урочищ с женами и с детьми и со скотом вверх Енисея реки и живут в разных местах, где преже сего жили Киргизы». Далее, из этого же документа, мы узнаем, что к границам Кузнецкого уезда подошло большое войско чжунгаров, в котором отмечены и ушедшие кыргызы. Правительство было обеспокоено, не находится ли в связи с этим приходом чжунгарского войска бегство качинцев, ястынцев и аринцев, и предлагало принять все меры предосторожности.⁶⁹ Переход инородцев имел место не раз и в XVIII в. Это было явление постоянное. И в описанном случае дело идет не о каком либо массовом переселении, а об отдельных семьях, переехавших в разное время. Но в связи с событиями на границе правительство было обеспокоено мыслью, не симптоматическое ли это явление. «Чертежная Книга» Ремезова составлялась на основании данных XVIII в., а «конные кашинцы не мирные»⁷⁰ в ней показаны в пределах Минусинского края, между р.р. Сыдой и Сисимом.⁷¹

Соккы входили в XVIII в. в Кубанов аймак, а в XIX в. в состав рода того же наименования. В начале XVIII в., при переговорах с русскими, фигурируют князьями с добавлением к собственным именам вторых имен Кашка и Кубаци, Надо думать, что это были князья «кашка» и «соккы».

Кроме перечисленных четырех княжеств кыргызское княжество или кыргызские княжества были и на Алтае, где перевес имела кара-кыргызская племенная группа. Князь телеутов, или «белых колмаков» исторических документов, фигурирует обычно рядом с алтырским князем; между этими княжествами были, очевидно, близкие и дружеские отношения и постоянное общение.

Примечания ко 2-й главе.

¹ Миллер, Описание Сиб. царства, стр. 454 (1614 г.).

² Миллер н. с., стр. 453; ср. Р. И. Б. т. II, №№ 73, 75, 82 и 85. Киргизы западные различаются от названных «киргиз» и называются «Казацкой ордой» (киргиз-касаки).

³ Миллер н. с., стр. 444. «Ясачные люди кимской волости, близко Енисею» (стр. 440). В Чертежной книге Ремезова—«ясаинал тимека», по Сисиму и Убею. Это кость «тин» абакацких инородцев. Маты—это мады, существующее теперь в Урянхае племя, отдельные части которого живут по Уюку, Тапее, Банголу, и в русских пределах, по Усу и займищам верхнего Енисея (Керемэ). См. Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ. т. XXXIV, № 1, стр. 20; статью Керемэ в газ. Сибирь 1910 г. Маты были перед этим разгромлены Алтын-ханом, который «многих людей поймал (т. е. взял в плен), а иных побил». Тем не менее их было насчитано 600 платежных душ.

⁴ Миллер н. с., стр. 443: «в десарах были и князца Немецу и его людей под твою... руку привели».

⁵ Маторов насчитано было 300 и «тубинских людей»—100 (очевидно, платежных душ). К сожалению, документ испорчен и не хватает цифры для десаров, но, судя по размерам ясака, их должно было быть значительное число, не менее 500 (маты заплатили 60 соболов, маторы—35, туба—25, десары—66; ясак был заплачен «несполна», поэтому точных пропорций установить нельзя).

Фишер отождествляет матов с маторами («маторцы инако маты», Сибирская история, стр. 288); тоже делает Георги: «маторы называются сами матами и матор-аймаками» (Описание всех в Российском государстве обитающих народов и пр. СПб. 1776, стр. 16). Утверждение Георги буквально повторяется Пестовым (Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М. 1835, стр. 88). Смещение маты и матор, вероятно, надо объяснять глухим звуком между т и р,

вследствие чего слово матор произносится как «мадр». Маторы жили в бассейне Тубы, а маты за Саянским хребтом («Каменем», «Саянским Камнем»), в соседстве с саянами; до них от киргиз считалось два дня ходу. **Р. И. Б. т. II, № 84; Фишер, н. с., стр. 256. Ср. Миллер, н. с., стр. 445:** «десары да маторцы да туба—те волости живут позади киргиз (т. е. от Томска считая), а мимо киргиз приходу нет». Р. Туба в XVII и в начале XVIII века еще называлась **Упса**; современное название она получила от племени Тубы, жившего по ней, так же, как горы на юге—«Камень», «Таскылы»—получили название от жившего в них племени Саян. Поехать в Тубу, т. е. в землю тубинскую, значило попасть на Упсу; поехать в Саяны значило попасть в горы, в таскылы, где бродили саяны. Об «уштирцах» см. **Н. Н. Козьмин, Туба в «Сибирских Записках» 1918 г.**

⁶ **Исторические анты**, изд. Кузнецовым-Красноярским. Томск. 1897, II, № 10; **Памятники Сиб. истории XVIII в.**, т. I, № 20; **Оглобин, Обзор столбцов и книг сибирс. приказа.** М. 1895, т. I стр. 95.

⁷ **Георги. Описание всех в Росс. госуд. обитающих народов**, II, стр. 115-116. У Георги полное отсутствие отчетливого представления о взаимных положениях и отношениях народностей в XVII в. Царство Алтын-хана называется «Золотой Ордой»; киргизы принимают участие в делах Туркестана, затем отдаются под покровительство чжунгаров, через семь лет терпят от них поражение, и, наконец, уходят с Енисея на Обь.

⁸ **Миллер. Опис. сиб. ц.**, стр. 389. Ср. **Катанов. Предания при-саянских племен о прежних делах и людях**, стр. 280: «пюрют то же, что и бурут, кара-киргизы»; **Георги, н. с., II**, стр. 116: «Большая орда дружна с Бурутами, да ипочитается за один с ними народ».

⁹ **Фишер. Сибирская история**, стр. 57. Этому мнению следует и **Степанов—Енисейская губерния.** Спб. 1835, стр. 135 (Фишер пользовался данными шведа Страленберга, сочинение которого вышло в 1730 г.).

¹⁰ Фишер оговаривался: «не должно думать, чтоб... вся орда и все киргизское имя вышли и, так сказать, в одно место стеснены были» (там же). Миллер, которому следовал Фишер, определенно различает киргиз около Юсы от киргиз-касаков (н. с., стр. 398).

¹¹ **Словцов. Историческое обозрение Сибири.** Спб. 1886, т. II, стр. 73-74; 272-273 и XI; стр. 310-311.

¹² **Castren's Ethnologische Vorlesungen.** S.-Petersburg. 1857, стр. 60.

¹³ **Radloff, Aus Sibirien.** Leipzig 1884, стр. 209-210. В изданном в Томске переводе части труда ак. Радлова это место переда-

но еще резче: «Когда большинство киргизов в конце XVII в. выселилось из долины верхнего Енисея и Абакана, два колена сагаев остались от них в долине Аскиза. Последние и поныне помнят свое происхождение». (*Этнографический обзор тюрнских племен Ю. Сибири и Джунгарии*. Т. 1887, стр. 3).

¹⁴ **Ср. Клеменц. Древности Минус. Музея**, стр. 76: «Как известно, большая часть тубинцев, вместе с киргизами, в начале XVIII в. покинула Минусинский край, убоявшись возмостававшего влияния русских и поселилась за Саянским хребтом». То же говорит **Адрианов (Очерк Минусинского края**. Томск, 1904, стр. 8—9), **Яковлев (н. с., стр. 4—5)**; даже в вышедшей недавно книге **Ватина (Минусинский край в XVIII вене**. Минусинск, 1913), повторяется тот же взгляд, что покинутые киргизами «места были заняты двинувшимися с разных сторон инородческими племенами» (стр. 89). Преувеличенное изображение это мнение нашло в книге **Куланова и Кузнецовой «Минусинские и Ачинские инородцы»**. Красноярск, 1898, стр. 3, 4, 14 и др. **Ср. Ярилова. В защиту науки и приговоренных к смерти**. Юрьев, 1900.

¹⁵ **Кузнецов-Красноярский. Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии**. Томск, 1902, стр. 28; инородцы, по словам г. Кузнецова, «себя отнюдь не называют киргизами» (стр. 26).

¹⁶ **Н. с., стр. ср. его же. Из истории южных частей Енисейской губернии**. Томск, 1908, стр. 1; «мы смеем думать, документально доказали, что под названием «киргиз» обозначались в актах сибирской истории южно-енисейские тюрко-монголы».

¹⁷ Исследователями недостаточно оценено чрезвычайно веское замечание академика Радлова: «Die Geschlechtsnamen dieser (Türkstämmе sind uns der einzige Fingerzeig für ihre Abstammung». *Aus Sibirien*, стр. 206-207).

¹⁸ **Дополнение к А. И. т. X, № 80, XVI; А. И., том V, № 104**. Мы будем следовать турецкому произношению в начертании имени «кыргыз». Так произносят его нынешние туземцы, так произносили они и в XVII в. «Кыргызский» вопрос изложен подробно в статье: **Н. Н. Козьмин. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае**. 1916, см. т. XI, V «Изв. ВСОРО».

¹⁹ **Миллер, Опис. сиб. ц., стр. 445; ср. Р. И. Б., т. II, № 84**. Назван еще князь Обрай.

²⁰ **Доп. к А. И. т. VIII, № 15, XVII**. Сравнивая с последующим текстом, можно видеть, как определенно четыре кыргызские группы отделены предложениями от двух остальных.

²¹ Доп. к А. И. т. VII, № 72, IV, и далее: «Алтырские киргизы идут на помощь Алтысарским и Исарским киргизам». В 1678 г. чжунгарский контайша Галдан повелел 1000 чел. «быть в киргизах в Алтырском улусе, а тысячу—в иные Киргизы в Алтысарский улус к князю Ариачку». Доп. к А. И. т. VIII, № 15, XII; ср. № 44, II; т. VII, № 72, II; т. VIII, № 15, XV. Любопытное указание в Доп. к А. И. т. VIII, № 44, VII: «посланцев своих кыргызского (ценная для этнографа—орфография) Алтырца Шерешачка, да с ним черного калмыка Башучку». Интересна также орфография: Алатырский улус (а не Алтырский). Ср. Пам. Сиб. ист. т. I, 181—182: «езерцев киргиз двух человек»; ср. доп. к А. И. т. XI, № 53, I.

²² Доп. к А. И., т. XI, № 53, I: «тубинские татаровя», т. е. тубинские-киштымы; «байкотовские татаровя»; Доп. к А. И. т. VII, № 72, II: «прибежал из Киргиз наскоро киргиской татарин»; т. VII, № 15, XIII: «Кызылские татаровя», т. VII, № 72: «июс-сагайского ясаинного татарина».

²³ Георги, н. с., ч. III, стр. 17. Его буквально, по обыкновению, повторяет Пестов (Заб. об Енис. губ., стр. 85), а также проф. Катанов (Предания присаянских племен, стр. 278).

²⁴ Castrén's Reiseberichfe und Briefe, стр. 351: «Der früher unter dem Namen Tubinzen bekannte Samojedenstamm ist von den Katschinscheu Tataren aufgenommen worden».

²⁵ Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 207: «Tuba ist also kein Geschlechtsname, sondern der Volksname eines weit verbreiteten Samojedenvolkes, das die Chinesen schon im VII Jahrhundert Dubo nennen».

²⁶ См. предисловие Шифнера к Versuch einer Koibalischen und Karagatsischen Sprachlehre Кастрена стр. 5 («Selbst nennen sie sich Tuba»); Radloff, Aus Sibirien, стр. 212; Катанов, Предания присаянских племен, стр. 278; он же, Поездка к карагасам, стр. 8 тоже у Залесского, н. с., стр. 1—2); Ядринцев, Об алтайцах или черневых тарарах. Изв. Р. Геогр. Общ. за 1881 г. («черневые татары—русское название гуземцев, которые называют себя табалар, шь-кизи»).

²⁷ Путешествие Н. Спафария через Сибирь, введение, стр. 9—10.

²⁸ Георги н. с., III, 17; Пестов, н. с., стр. 85.

²⁹ Георги н. с., II, 152; Степанов, Енис. губ., ч. I, стр. 134; прежние родовые подразделения сохранились для разверстки податей до последнего времени, после применения уже территориального принципа к административному устройству во второй половине XIX в.;

сборщики податей, эсаулы, продолжали выбираться от этих старых единиц. Лаппо, Общественное управление минусинских инородцев. Томск, 1904, стр. 48—54.

³⁰ «Джек»—край, окраина; сары—сторожа; окраинные, дальние.

³¹ Доп. к А. И. т. XI, № 53, I. Ср. т. XI, № 53, II: «с кыштымов своих Бакотовцев да с Каменных Мотор»; также Богучеев улус. Доп. к А. И. т. VIII, № 15, XIII. Паллас правобережных татар называет «койбалские и кыштымские татары» (Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства. Спб. 1786, т. II, кн. 2, стр. 475).

³² Исследователи считают маторов племенем родственным тубинцам и также самоедского происхождения. Последнее мнение восходит опять таки к Георги (н. с., ч. III, стр. 16). Стенанов писал, что беседовал сам с маторами, жившими у Шадацкого форпоста, и они отказывались от родства с канскими инородцами-калманжилами (камасинцами); говорили они все по-татарски. Кастрен, поддерживавший гипотезу о самоедском происхождении маторов, оговаривался, что они «ihre Muttersprache aufgegeben haben und einen verderbten Dialect des Türkischen reden» (Reiseberichte, стр. 351). В Канском уезде Кастрен зарегистрировал кость мадыр в ул. Абакаловском; кость мадыр есть у сойотов (Radloff, н. с., I, 218).

³³ Castren's, Reiseberichte. стр. 380.

³⁴ Доп. к А. И., т. VIII, № 44, XI; № 15, XVII; т. XI, № 53, I.

³⁵ Богочжи теперь кость койбалов; в актах они фигурируют под именем Богучсева или Бугачева улуса. Доп. к А. И. т. VIII, № 15, XIII; Пам. Сиб. истор. т. I, № 59. Кастрен кость богоже зарегистрировал в Абакаловском улусе Reiseberichte стр. 380); эта же кость имеется у карагасов (богоже). У Палласа—бугуже-аймак н. с. III, 526. Ручей Бугач и дер. Бугачева около Красноярска, вероятно, сохраняют это имя. Кайдынды (Кайдынов улус) у Ремезова—«землица Хантоска». Памят. Сиб. ист. I, № 59; Кузнецов, Архив Аскынской Степной Думы. Томск, 1892, стр. 2, 7. Ирпиты—улус Ургунов в Пам. Сиб. ист. I, № 59—соответствует кости койбалов ырген, у карагасов—иргэ, у сойотов и сагаев—иргит, у алтайцев ыргыт; в системе Кизира есть речка Ирпит; западн. иргиты жили около Юуса. Доп. к А. И. т. VII, № 72, II.

³⁶ Койбалы у Ремезова показаны в юго-восточной части Минусинского края.

³⁷ На Кане и Усолке кочевали тубинские князья Сойт и Унгур. Фишер, н. с., стр. 298, 478; походы тубинских князей Каяна (1629—30 г.), Талая (1678), Шандыка (1693). Фишер, там же. Доп. и А. И. т. VIII, № 44, III; Пам. Сиб. ист. I, 13—16; А. И., изд. Кузнецовым, т. I, № 27.

³⁸ Анты ист., изд. Кузнецовым, I, № 4.

³⁹ В 1908 году нам говорили жители в верховьях Аскыза, что они перестали охотиться в верхних течениях Амыла с Кандатом и Казыра лет за 15 перед этим. Те же сведения мы находим в литературе. Риттер, *Землеведение Азии*, III, стр. 505, 535: «койбалы вообще хорошие охотники. За соболями ходят к верховьям Ои и Тубы и на дикие белки (Ташкыл, или по маторски—Бейга)»; **нн. Костров, Качинские татары**, стр. 38: «охотился в тайгах, покрывающих верховья Амыла, Кизира (д. б. Казыра), Ои и отроги Саянского хребта». Степанов добавляет к этим местностям—Агул и Кан, где койбалы охотились с «Канскими ордами» (**Енис. губерния, I, 204**). Паллас передает, что койбалы запрещали охотиться здесь другим, и из за попыток нарушить запрещение происходили драки (**н. с., III, 515**); разрешение давалось «на известных договорах» (**н. с., 474**). Администрация, заинтересованная в правильном поступлении ясака, поддерживала койбалов и издавала запретительные постановления в отношении других инородцев. Кузнецов, *Архив асыкской Степной Думы*, стр. I; **Ватин, Минусинский край в XVIII в.**, стр. 97. В 1822 г. красноярское купечество свидетельствовало перед генерал-губернатором Лавинским, что инородцы асыкские охотятся на правой стороне Енисея, «в стороне нижеудинских карагас». **Вагин. Из истории сибирского межевания**. Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1872, т. III, № 2, стр. 101.

⁴⁰ Это объяснение не исключает возможности гипотезы об общем происхождении тубалар'ов от какой-либо древней народности, разбившейся на мелкие племена в силу исторических событий. Мы уже упоминали, что одно из подразделений Сяньби-Туба (Туфа) играло выдающуюся роль в истории Китая: китайские летописи сообщают об одном из подразделений северных уйгуров-Дубо. Фишер сообщает об «особливом роде тубинцев» у устья Абакана—караитах; государство карaitов было на Орхоне (ср. керaitы, как подразделением М. Орды киргиз-касаков. (**Радлов, н. с., стр. 237, 456**). Ср. **Н. Н. Козьмин, Туба**. Сиб. Зап. 1918, № 4.

⁴¹ Доп. и А. И. т. VIII, № 15. XVII, № 72, IV; т. XI, № 53, I; Пам. Сиб. ист. I, 181-182.

⁴² А. И. т. III, № 108.

⁴³ Степанов, н. с., ч. I, стр. 134; Пестов, н. с., стр. 81; Лаппо, н. с., 48—54 В 1912 г. инородцы на Б. Июсе объясняли нам, что «ызыр» это «кость», сеок, а «мунгат» — это «в роде как бы сословия» (прежнее административное подразделение, как мы видели).

⁴⁴ Ист. акты, изд. Кузн.—м. II, № 10 (под 1682 г.).—тайша-Матур собирается в поход против Кузнецка с черными калмыками, точами, мугатами и саянами; ср. Пам. Сиб. ист. I, № 20: алтырский князь Таин-Ирке собирается на Кузнецк с черными и белыми калмыками, точами и мунганами. Ср. Потанин. Материалы, стр. 89, 101. Гмелин передает, что он с проф. Миллером в 1735 г., с целью посмотреть татар в их обстановке, ездил из Красноярска в улус Мунгат на Каче. Gmelin, Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743; 1743, Erster Theil, стр. 383. Кача называлась Ызыр-су, так что можно предполагать, что ызыры были и на Каче.

⁴⁵ Доп. к А. И. т. XI, № 53, 1

⁴⁶ Пам. Сиб. ист. т. I, № 37.

⁴⁷ Пам. Сиб. ист., т. I, стр. 118, 181.

⁴⁸ Клеменц. Краткий предварительный отчет об экскурсии в системе Абакана. Записки Зап. Сиб. Отд. Р. Геогр. Общ. кн. XI, стр. 1.

Название «алтырцы» — не название племени, а, вероятно, также территориальное. У абаканских инородцев о смешанном, пестром населении говорят «бельтырлер» («пестрые, «всякие»); если название **бельтыров** ставит в связь с этим термином, то алатыр, алатар — может иметь аналогичное значение. Затем можно ставить это название в связь с перевальным положением Алтырской территории к Алтаю. Решить этот вопрос — дело знатоков турецких языков.

⁴⁹ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 33 На Июсе была взята в плен (1701 г.) дочь алтырского князя Таин-Ирке-Инь: см. «Чертежную книгу» Ремезова. Ср. Доп. к А. И. т. VII, № 72, VI.

⁵⁰ Ср. Паллас, н. с. стр. 487-488. Летом «до самых гор для прохлады»: зимою — «в беспешные вниз по Абакану степи».

⁵¹ Доп. к А. И. т. X, № 80, XVI; т. VII, № 72, VII; Пам. Сиб. Ист. т. I, № 33. «Со своих урочищ сошли для того, что ждут из городов на себя войны».

⁵² Миллер. Описание с. ц., стр. 389. II «кыргызы» и «бюрюты» составляют кости у абаканских инородцев (а также сагаев) и у сойотов. Бүрүтү — это кара-кыргызы, по замечанию проф. Катанова.

⁵³ Потанин, Материалы, стр. 62.

⁵⁴ Пам. Сиб. Ист. т. I, стр. 180, 181-182. Проф. Катанов отмечает кость «пюрют» у сагаев, входивших в состав Алтырского княжества; у акад. Радлова такой кости у сагаев не отмечено (есть «чети пюрю»). Но Радлов удивляется, откуда взялось это «явно киргизское» имя у теленгетов на Алтае, тогда как под ним известны у монголов тьянганские киргизы; он делает предполож., что это «потомки пленных тьяншанских киргизов». При нашем предположении, что алтырские киргизы были бурут, не представляется удивительным, что и теленгеты, их соседи, сохранили эту кость. Общие кости у кара-киргизов и алтайских теленгетов еще—мундус, толос (с другой стороны на Алтае есть общие кости с киргиз-касаками: «киргиз» и «найман»).

⁵⁵ Пам. Сиб. Ист. т. I, стр. 94: «от Киргизских кыштымов от Сагайцев слышали».

⁵⁶ Доп. к А. И. т. VII, № 72, II: «в государевы ясашные Сагайские волости и в киргизы»; № 72, II и IV. Паллас нашел, что сагайцы и в физическом отношении, и в отношении образа жизни отличны от качинцев и более сходны с белтирами; тело у них более крепкое, волосатое, менее отражает примеси калмыцкой крови (Паллас, н. с., стр. 488).

⁵⁷ Фишер, н. с., стр. 294; Доп. к А. И. т. VII, № 72, II и IV. Паллас, н. с., III, 496. Даже по уходе киргиз сагаи и белтиры не имели распашек на левой стороне Абакана, а пахали на правой стороне, среди койбалов. Только восстановление оросительной сети с 40-х годов XIX в. перенесло распашки на левую сторону.

⁵⁸ «Заехали у него Уразачка в юртах **Июс-Сагайского** ясашного татарина Кожеачка»; «до **первые (от Томсна)** Сагайские волости десять дней»; «в Сагайскую волость и в Алтырцы». Доп. к А. И. т. VII, № 72, II, IV и VIII. «Томнар» считают и теперь себя выходцами с Томи. Ср. **Дневник Мессершмидта**: «юс-сагайской степи, на р. Бире»; «на р. Бире, неподалеку от Юс-Сагайских юртов» (1722 г., Радлов, **Сибирские древности**. Спб. 1888, I, приложения, стр. 16 и 17).

⁵⁹ Доп. к А. И. т. VII, № 72, II: «на Ююс и в Иргиты»; Радлов, н. с., I, стр. 208.

⁶⁰ Потанин, Материалы, стр. 61, 106, 96, 109-110, 113; Катанов, **Образцы тюрнской народной словесности**, т. II, стр. 332 (предание сарыглар). Сарыг—желтый.

⁶¹ Пам. Сиб. Ист. I, № 20; Георги, н. с., II, стр. 176, 173-174.

⁶² Ср. **Доп. к А. И.** т. X, № 80, XVI; **А. И.** т. V, № 104; **Георги**, II, стр. 158. Калмыцкое влияние сказывалось на внешности. По свидетельству Палласа и **Георги**, и у телеутов, и так наз. качинцев молодые люди заплетали на затылке косы; Паллас обратил внимание на очевидную примесь монголо-калмыцкой крови у качинцев. У абаканских инородцев есть кость ойрат-касха, напоминающая об ойратах-чжунгарах.

⁶³ **Пам. Сиб. Ист.** I, №№ 29 и 33; **Фишер**, н. с., стр. 493, 474.

⁶⁴ Только один раз, если не ошибемся, имя «киргизы» употреблено рядом с алтысарами. **Доп. к А. И.** т. VIII, № 15, XV.

⁶⁵ В актах обычно упоминаются бохтинцы (у Палласа: Бук-тип, баагагарский род состоит из двух частей—тип и буга. **Ремизов**, листы 13 и 17; **Паллас**, III, 473; **Доп. к А. И.** т. VIII, № 15, XIII, XVII; **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 59; **Риттер**, н. с., IV, 552; ач (ачинцы) имеются и в Кузнецкому езде и часть их носит характерное название «ач-киштымы». **Радлов**, I. 214; ср. **Ярилов. Былое и настоящее сибирских инородцев**, вып. II. **Мелечие инородцы**. Юрьев, 1899, стр. 1—10; его же вып. III. **Кызыльцы и их хозяйство**. Юрьев, 1899, стр. 1-2.

⁶⁶ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 1, 3, 13; **Ярилов**, н. с., стр. 1—10; его же вып. III. **Кызыльцы и их хозяйство**. Юрьев, 1899, стр. 1—8; из Енисейского уезда, как и из Кузнецкого, а отчасти и Канского, кыргызы получали железо.

⁶⁷ Абалаковский, вероятно, по имени князя Абалака, брата алтысарского князя Иренака; Татуш был князем Аринской земли около 1630 г. (**Оглоблин, Сбозрение столбцов и книг. Сиб. Прик.** I, стр. 95).

⁶⁸ Кн. Костров имя аринов считает сохранившимся в названии с. Арейского, около Красноярска (Качинские татары, стр. 12). Известное предание аринов о змеях, истребивших улус аринов, записанное Миллером (н. с. стр. 40; см. *Castrén's Reiseberichte*, 320—321) рассказывает об одном улусе на Юусе (**Каратанов, Черты внешнего, быта начинских татар**. Изв. Р. Г. Общ. т. XX, стр. 39).

⁶⁹ **Пам. Сиб. Ист.** т. II, № 68.

⁷⁰ «Немирные» указывает, что это было не покоренное еще русскими племя; «коштные» — на табунную форму скотоводства.

⁷¹ Выше указывалось на распространение этого племени вплоть до Балаганского уезда Иркутской губернии.

III.

Борьба за независимость.

В эпоху прихода русских в долину верхнего Енисея, в прилегающих странах не было скольконибудь могущественного государства, которое смогло бы играть господствующую роль в средней и северной Азии и иметь организующее влияние на экономику соответствующих стран.

В середине XVII века монгольский хутухта перечислил московскому послу Гречанину следующие государства: Бухария, Еркешское (Яркенд), Кашкарское (Кашгар), Турфанское, Тангутское и Китайское. Посол Василий Тюменец называл еще государства монгольские—Халхасское, Желтого Царя, самого хутухты и Алтын-хана. По сведениям Тюменца, существовали, кроме того царства Тошкское, где два царя—Ишим и Батыр, Корейское и Лабинское (Тибет). «А меж теми государствами,—доносил Тюменец (1616 г.),—войны нет, и всех тех царей люди промеж себя торгуют, и посольством ходят, и торговые люди промеж себя ходят же».

Из названий перечисленных государств видно, что все значительные торговые центры (Турфан, Яркенд, Кашгар, Бухара) входили в состав обособленных государств. Ранее мы уже указывали, что мировые транзитные пути переместились из Средней Азии, и хотя люди различных государств «промеж себя торговали», и торговля эта, несомненно, была значительная, но она не давала накопления тех колоссаль-

ных богатств, которые служили приманкой для великих завоевателей и давали материальную основу для создания мировых монархий. Этот упадок производительных сил и товарообмена был причиной того, что к югу от Алтая и Саян не могло сложиться мощное политическое тело. Но потребность в такой объединяющей политической организации была, ибо только она могла взять на себя оживление замерших торговых путей, дать толчок возрождению производительных сил и снова ввести эти страны в круговорот мировой культурно-промышленной жизни.

В этом направлении лелеяли мечты Алтын-ханы, но для осуществления их у них не указалось ни материальных, ни моральных средств.

Алтын-ханы, объединяя под своею властью часть Монголии к югу от Тангу-ола, имели под своею властью нынешний Урянхай¹ и распространяли свое господство временами на кыргызов Минусинского края. Они далеко не были чужды империалистических стремлений и много работали над улучшением экономического положения, заботясь о развитии торговых сношений. «И Алтын царь,—доносил Тюменец,—со всеми теми государствами ссылается и торгует. А товар у Алтына царя в те государства покупают: лошади, соболи, лисицы, барсы, рыси, бобры и иную мягкую рухлядь, хвосты и гривы конские. А из тех же государств искут к ним бархаты, атласы, камки, серебро, золотого». Но уже в 1620 году московское правительство сомневалось в пользе тесных связей с Алтын-ханом: «у Алтына царя кочевные орды, люди воинские, нашему государству прибыли от них кроме запросов никаких нет и вперед не чаяти».²

С большим, чем он, успехом на путь создания дирижирующего в Монголии и Ср. Азии государства стали чжунгарские контайши.

На запад от Алтын-хана был целый ряд калмыцких княжеств. Калмыцкие князья (тайши) находились в постоянной борьбе между собою за первенство. То тот, то другой из них начинает упорную борьбу с целью подчинения или истребления других тайшей. Объединив большинство княжеств, он принимает титул великого князя (контайши), после чего вступает в борьбу с соседними государствами за обладание торговыми центрами и ключами торгового движения. Главные усилия обычно направляются на Туркистан, торговые центры коего играют первенствующую роль. Бухарцы в XVI, XVII и даже в первой половине XVIII в. являются главными коммерческими деятелями; они пропихают всюду вплоть до отдаленных сибирских городов.³ В их руках сосредоточивались наибольшие торговые обороты, и их коммерческие и личные связи с сибирским населением были настолько обширны, что русское правительство, начавшее борьбу с бухарской купеческой организацией, склонно было признаваться в бесплодности этой борьбы.⁴

В кыргызских княжествах бухарцы имели торговые обороты, служа посредниками в товарообмене.⁵ Их торговые фактории покрывали и калмыцкие владения.

И эта промышленная зависимость от торгового, предприимчивого народа обостряла политические отношения калмыков с Туркистаном.

Русские застали картину ожесточенной взаимной борьбы всех сильных народностей. В 1608 г. в Томске получены известия, что черные калмыки (чжушгары) откочевали от белых «далече и воюютца с Алтыном царем и с казачьей ордой, (т. е. киргиз-касаками) и меж себя черные калмыки воюютца». В следующем году опять сообщается, что «калмаки черные Алтына царя воюют и отогнали от зимнего его кочевья далече, где он презж сего кочевал, и ясашные

люди Алтын-царя отступили и с ним воюют-ца, которые от киргиз живут к Алтыну царя по дороге». ⁶

Кыргызы, с своей стороны, были угрожаемы и со стороны Алтын-хана и Черных калмыков и со стороны бурят. ⁷

Такая политическая ситуация облегчала завоевательное движение русских, устраняя со сцены сколько нибудь сильных соперников. Мало этого, борющиеся стороны начинают искать русской помощи. Черные калмыки соглашались на подчинение под условием прекращения враждебных действий русских и помощи против Алтын-хана и киргиз-казаков. Теленгетский князь Абак подчинился, выговорив обещание защиты против Алтын-хана. Наконец, и сам Алтын-хан, рассчитывая использовать русскую помощь в своих политических замыслах в Монголии, также завязывает с русскими сношения. ⁸

То же самое мы видим и в Кыргызской земле, в которой князья предоставляют часть ясака с своих киштымов русским. ⁹ Особенно хлопотал в этом направлении князь Номча. Он давал сведения о племенах, с которых можно взять ясак, направлял казачьи отряды и давал разнообразные сведения политического и топографического свойства. Его жена, оставленная в Томске с сыном другого князя, Кочесбая, интриговала против остальных князей, жалуюсь, что князья Кочесбай, Ноян и Кашка «не премят и мужа ее Номчи не слушают». ¹⁰ Очевидно, и здесь лелеялись мечты о создании объединенного, сплоченного государства.

Завоевание северной и средней Сибири русскими выдвигало и другой чрезвычайной силы фактор в междуплеменных отношениях. То обстоятельство, что на юг от Саян и Алтая все народности «меж себя воевались» постоянно, отражалось на ограниченном и без того товарообмене. Присо-

единение Сибири к Московскому государству переносило транзитный путь,—или, вернее, создавало новый—через среднюю Сибирь. Затем начиналась русская колонизация. Строились остроги, слободы. За отсутствием туземного земледелия в средней Сибири и трудностью хлебных доставок из поморских уездов при посредстве «сибирских отпусков»,¹¹ спрос на сельскохозяйственные продукты был очень велик. На землю садились не только крестьяне, но и капиталисты, строившие слободы и сажившие на них вольных гуляющих людей.¹² Это обстоятельство создавало и местный довольно емкий рынок, при этом представлявший спрос на такие продукты местной производительности, которые прежде могли являться лишь предметами домашнего потребления: лошадей, скот, продукты животноводства.

Этим объясняется постоянное упоминание в исторических документах о «торгах», хлопотах о разрешении присажать в города «с торгом», об отводе мест для торговли и т. д. Особенно оценили скотоводы спрос на скот и лошадей, возможность «приходить с лошадьми и коровами». Уже в самом начале предложение оказалось обильным. «И с тех мест,—констатируется с удовлетворением в одном документе,¹³—Абак князь и мурзы Калмыцкие, их люди и Черных Колмаков люди немногие с Белыми Колмаки почали часто с базаром, с лошадьми и с коровами приходить в Томской город и лошадьми, государь, и коровами служилые люди напоянились в Томском городе». И служилые люди, и «иноземцы» ценили и это хозяйственное улучшение, и надежду, что новые завоеватели принесут более устойчивый, крепкий порядок. Князья сами указывали «места угожия» для городских поселений, указывали, где «пашенных крестьян устроиши мочно».¹⁴

Но вскоре же, на ряду с этими известиями, рисующими картину успехов культуры и мирного экономического завоевания, появляются другие известия, сообщающие о кровавых столкновениях, «изменах великих», об огромном взаимном озлоблении.

В объяснении этого печального явления сходятся и первые сибирские историки. Миллер и Фишер, и московское правительство XVII века. Последнее открыто заявляло, что местные начальствующие лица «насильством» грабили иноземцев—«и от того в ясашных людех стала измена великая и в Томской город не приходят».¹⁵

Князь Номча с женой первые испытали на себе это «насильство». Хлопоты кыргызской княгини кончились неожиданно и грубо. На ней была дорогая соболья шуба; томские воеводы не устояли против соблазна и «сняли грабежом шубу...» Вбешенный кыргызский князь ворвался в подведомственные Томску волости и разгромил их.¹⁶ Это явление не было случайное. Характерной иллюстрацией могут служить действия красноярских воевод второй половины XVII в. Воевода Никитин (1663—66) притеснял и грабил калмыцких и кыргызских торговых людей, приходивших в Красноярск. То же было при Затряжском (1678—79), при котором кыргызы и калмыки делали в отместку набеги на Красноярский уезд. Башковский (середина 90-х годов) с бухарских и калмыцких торговых людей брал «великия взятки» деньгами, товаром, ясырем. Кроме того, Башковский с подручным человеком Артамачком посылал в Кыргызскую землю разные товары, в числе коих фигурировали порох, ситнец и «добрые кони». С этими запасами кыргызы являлись громить Красноярский уезд.¹⁷

Присоединившиеся добровольно племена отпадают, отказываются платить ясак и участвуют в походах кыргызов.

«Те же киргизы,—говорит Фишер,¹⁸—показавшие россиянам дорогу к помянутым народам, в том же еще году сами отпав, посланных к ним для сбора ясака казаков били плетями».

В Томске служилые люди часто чувствовали жуткость положения, и это жуткое настроение усиливалось разными зловещими слухами. «И женки приходят, сказывают, что есть над Томским городом умышление».¹⁹ В этой атмосфере страха и связанной с этим чувством озлобленности могли возникать те странные события, примером коих может служить следующее. 29 марта 1608 г. «учинилась болесь тяжелая босовским недугом в Томском городе над служилыми людьми и над женками». Служилые люди сообразили, что дело тут не без «злого умысла». Были заманены и схвачены²⁰ некоторые окрестные татары, которые под пыткой признались, что пускали на русских шайтанов. Шаман²¹ Ивашка показал, что «велили де ему на служилых людей наущать шайтанов Кузнецкие и Чулымские татаровя и князец Лага с товарищи да Томской татарин Басаңдай». Лага был схвачен и также подвергнут пытке. Он признался, что «с Чулымских волостей к нему, к новокрещену Ивашку, многих шайтанов присылал и из Кузнецка многих шайтанов присылали-ж».²² В 1614 г. киргизы и «иных орд многие люди» вторглись в Томский уезд, «и об острог ударились и служалых людей, и пашенных крестьян многих побили».²³ В следующем году большой отряд казаков и стрельцов был окружен 5000-м отрядом киргизов и белых калмыков и спасся только благодаря счастливой случайности.

Положение подчиненных племен было невыносимое. Их разоряли и грабили русские, а за подчинение последним им мстили киргизы. У них должна была рождаться одинаковая ненависть к тем и другим. В ту и другую сторону

переезжают ясачные люди, сообщая озлобляющие вести, тайно проводит неприятельские отряды, а так как сильнее русские, то последним услуги оказываются охотнее. При этом оплачиваются услуги часто самой черной неблагодарностью: «вожи» (проводники) подвергаются истязаниям и часто умерщвляются под какимнибудь грубым предлогом. Начинает остро сказываться деморализованность, отсутствие порядка, обнищание...

В Чжунгарии, в первые десятилетия, шла, как мы выше упоминали, борьба за объединение. Калмыцкие тайши оспаривали друг у друга великокняжеское достоинство. Этой раздробленностью и междоусобицами объясняется бессилие «черных калмыков», как русские называли чжунгар, по отношению к Алтын-хану и киргиз-касакам. Напротив, Алтын-хан был в периоде счастья и удач. Чжунгары загораживали его от западных торговых центров и путей. Ему нужно было пробиться к ним. Поэтому Алтын-хан вмешивается в чжунгарские дела. Вместе с тем он стремится не допустить установления мирных отношений между черными калмыками и русскими. Последние также стремятся использовать Алтын-хана и против кыргызов и против могущего возникнуть чжунгарского государства. И в 1616 году московское посольство появляется у Алтын-хана. Обе стороны приняли меры к тому, чтобы блеснуть пышностью. Алтын-хан давал аудиенцию в присутствии представителя Желтого Царя и Хутухты, который был, по отчету русского посла, со всем своим «крылосом», т. е. свитой из ламайского духовенства. С другой стороны, русские послы «великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России титулу перед золотым царем вычли, и царское величество возвышали, и про иные цари и царевичи и про короли и королевичи, которые государю царю и великому князю Михаилу

Федоровичу всеа России служат, сказывали противу тиглы и возвышали государя царя и великого князя Михаила Федоровича и всеа России, титулу велели подъяему прочесть». В это время к Алтын-хану прибыли послы от кыргызов с просьбой о защите против русских. Алтын-хан принял их демонстративно сурово и пригрозил военной силой, если они будут ссориться с русскими. Он отправил, в свою очередь, послов в Москву и повторил посольство через три года, при чем на этот раз и кыргызы послали послов с своей стороны.

Чжунгары были в это время принижены. Наиболее сильный тайша, Кара-Кулай, был на голову разбит Алтын-ханом; с другой стороны вторглись киргиз-касаки, и черные калмыки искали спасенья в русских ясажных волостях.

Алтын-хан, достигнув этого успеха, оборвал сношения с русскими. Кыргызы согласились платить ему албан взамен обещания защиты от русских.

Обезопасив себя договором со стороны Алтын-хана, кыргызы в 20-х годах XVII в. продолжают борьбу с русскими. Они нападают на Томский уезд,²⁴ а также посягают в Канском уезде.

Как мы видели ранее, кыргызы получали железо и железные изделия из Канского, Кузнецкого и Енисейского уездов.²⁵ Завоевание русскими киштымов, поставлявших железо, прекратило доставку последнего. Сократилось и количество пушнины, которая одна могла идти на вывоз в обмен на необходимые кыргызам фабрикаты. С заселением присоединенных русскими земель, слободы «наполнялись скотом», и спрос на него сокращался. В виду этого в кыргызской земле хозяйственный кризис принимал острые формы.²⁶

В конце 20-х годов тубинский князь Каян, с вспомогательными отрядами мунгалов и калмыков, вторгся в Кан-

ский уезд и разгромил котовов, так что у последних не осталось даже лопаток для копанья сараны. Но еще ранее в пределы Канского уезда выкочевали и с людьми, и со скотом тубинские князья Унгур и Соит; последний кочевал на реке Усолке и имел 300 человек, очевидно, взрослого люда. Очевидно, эта новая эмиграция из кыргызских княжеств имела аналогичные причины с теми, какие обусловили выход сахаларов и каштаров. Более благодатный при-тубинский край оказывался тесным и не соответствовал изменившимся хозяйственным условиям.

Несмотря на действия против тубинцев красноярского и енисейского атаманов Злобина и Галкина, соединившиеся князья Каян и Соит отбились от нападения русских. Вероломное убийство в Красноярске взятых в плен тубинцев вызвало общее возмущение в кыргызской земле и поход кыргызов на Красноярск, окрестности коего подверглись опустошению. Кыргызы жаловались вообще на вероломство русских. Когда, после одного удачного похода кыргызов, воеводы прибегли к посредничеству бухарских купцов, кыргызские князья указывали на невозможность вести переговоры с русскими, так как они потеряли уверенность, что договорные условия будут соблюдаться.²⁷

Между тем на юге положение начинает изменяться. Тайша Кара-Кулай уюрно шел к объединению калмыков, и его талантливому сыну Багатиру удалось настолько в этом деле, что в 1635 году он мог уже провозгласить себя контайшей. В это же время начинается быстрый рост государства манчжуров, простиравших свои виды на Монголию. В этих условиях Алтын-хан опять возобновляет сношения с Москвой, которую также беспокоило усиление калмыков. И с 1632 года снова начинается обмен посольствами. К следующему году относится интересный проект «пертоприво-

ного листа», согласно коему предполагалось поставить Алтын-хана в вассальные отношения к Москве.

В это время борьба с кыргызами и объединенными с ними племенами достигает большего напряжения. В 1633—34 г.г. алтысарский князь Бехтеней подступал к Кузнецку и разорял уезд. Совершаются походы и на Красноярск. Арины, «кашиицы» и др. племена переходят на сторону кыргызов.

В Томске решают прибегнуть к помощи Алтын-хана. Последний отправляет к кыргызам в качестве посредника для переговоров с русскими ламу Дани-Мерген-Данзу. Но кыргызы, в свою очередь, жаловались на русских, и лама, увидев безуспешность своей миссии и дав совет русским сделать первый шаг к примирению, возвратив награбленное у кыргызов имущество и пленных, уехал (1635 г.).

Этот шаг, повидимому, заставил кыргызов окончательно порвать с Алтын-ханом. В том же году среди них появились калмыки и предложили от имени контайши Багатира помощь и покровительство. Князь Бехтеней с некоторыми другими князьями отправился к контайше и отдался под его покровительство.

Такой оборот дела заставил Московское правительство ухватиться крепче за Алтын-хана. В 1636 году к нему отправляется новое посольство. Хан согласился наказывать кыргызов, но взамен отправленное в Москву посольство просило о присылке вспомогательного отряда в 10.000 человек. Последнее условие не было выполнено. Поэтому русское посольство 1638—39 г.г. было принято холодно и не любезно. Алтын-хан, видимо, разочаровался в надеждах на реальную помощь. Вместо обычного словесного обещания наказывать кыргызов, он их оправдывал. После этого Алтын-хан отправился в восточную Монголию, где и оставался целых три года.

С другой стороны, и контайша Багатир с 1635 года ведет войну с Туркистаном. Эта война отвлекает его внимание от севера. В 1643 г. султан Янгир нанес Багатиру сильное поражение.

Кыргызы были предоставлены самим себе. С 1639 г. против них действует один из способнейших русских воссначальников того времени, Тугачевский.²⁸ Кыргызы терпят одно поражение за другим. Тугачевский основывает Ачинский острог. Контайша лишен возможности непосредственно помочь кыргызам и ограничивается лишь попытками переговоров. В 1641 году в ответ на упрёки относительно набегов калмыков на Тарский уезд, Багатир указывает, что русские воюют кыргызов и взяли в плен его родственника, князя Ичженея. В 1643 году он пишет царю: «наши киргизы наступали на ваших подданных, а ваши подданные взаимно училили то же киргизам; сему не должно быть между народами, которые хотят жить между собою в мире».

Между тем возвратившийся из Монголии Алтын-хан воспользовался описанным выше политическим положением. С военным отрядом он вошел в кыргызскую землю до Абакана и обложил кыргызов данью.

В 1648 году князь Бехтонец решается даже принять русское подданство.

В 1652 г. Алтын-хан с сыном Лочжаном вошли, преследуя племянника хана Мерген-тайшу, с 4000-м отрядом и осадил преследуемого «в каменном городке, ниже Сыды реки». Кыргызы перед этим перенесли погром со стороны русских и не могли сопротивляться. Их князья отступили за Июс и укрылись в крепости²⁹ на рч. Енике, пославав в Красноярск просить о помощи. Между тем к Алтын-хану подошел еще один мунгальский тайша с отрядом в 1000 ч.

«И Киргизских и Тубинских всех лучших князцов поимал Алтын царь к себе сильно семдесят человек, и его Алтыновы люди у Киргиз и у Тубинцев и у всех иноземцев кони и скот отгоняют, и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают». Кыргызские кинштымы в страхе «разбежались в дальные места, в Камень и в черные леса».³⁰ Посланному для переговоров с ханом Коловскому удалась угроза войском «из четырех городов». Видя враждебное отношение кыргызов, старый хан возвратился в свои владения. Перед кыргызами он оправдывал свои действия желанием представить им своего сына—наследника, которому он собирался передать правление.

Лочжан, действительно, принял правление. Новый правитель решил разом покончить с неопределенным положением на севере. Он вторгся с 4-тысячным отрядом в Кыргызскую землю. Кыргызы пробовали преградить ему путь, но были разбиты. Присоединив кыргыз и томских татар, Лочжан довел численность отряда до 8 тысяч. Кроме того он достиг соглашения с Теленгетским князем Колой о совместных действиях против Томска.

Положение русских было критическое. Но неожиданно умер старый хан и Лочжан поспешил домой, чтобы утвердиться в своих владениях.

Московское правительство продолжало сношения и с Лочжаном. Посольства обменивались подарками. Но на предложение подданства Лочжан дал определенно отрицательный ответ.³¹ Обе стороны давали обещания и не исполняли их, ведя дипломатическую игру, в которой едва ли не первую место занимали кыргызские дела. Кыргызами пользовались как внушительной ставкой.³²

Так же неопределенен был в своих действиях контайна Багатир. И мунгальские, и калмыцкие общественные вер-

ли были всецело заняты западной Монголией и Ср. Азией. Здесь шла борьба за обладание торговыми путями.³³ А для этого пужно было создание крепкого государственного строя. И мунгалами и калмыками сознавалась необходимость покончить с застоєм и перейти к позаимствованиям с запада. Контайша Багатир ведет речь о постройке кирпичных городов, о выписке колонистов-земледельцев из Бухарии; просит Московское правительство о присылке племенных свиней и индейских кур. И он, и Алтын-хан настаивали на присылке знающих ремесленников.

В виду этого титулярные сюзерены кыргызов оставляли их на произвол судьбы, интересуясь лишь поступлениями пушнины с кыргызских киштымов. Неудачи конца 30-х и 40-х годов сильно ослабили кыргызов; взрослое население сократилось вследствие потерь в битвах. В 1652 г., во время нашествия Алтын-хана, служилые люди констатировали, что в кыргызах «подросло много молодых людей, и умами не искрепчали, и впредь от них чаять штатости большие».³⁴ В 50-х годах поэтому мы не встречаемся с известиями о больших событиях, но они назревали.

Изменялись и обстоятельства на юге. Контайша Багатир умер в середине 50-х годов.³⁵ В калмыцких землях снова начались междоусобицы. Его сын Сенга добивался временами первенства, но сана контайши не мог себе добыть. К 1666 г. относится любопытный договор, заключенный тайшами Сенгой, Чокуром и Баханом-Убаши с Москвой. Тайши согласились быть «под царского величества высокою рукою». Кроме прекращения военных действий они выговаривали, чтобы «с торги к Томску их улусным людем ходить было повелено». Это разрешение, с небольшим ограничением, было дано. С другой стороны, калмыки должны были оберегать тех служилых людей и бухарцев, которые

будут посылаемы «в Китай с царского величества грамотою или для торгу с товары». Русские получали право «торговать поволною торговлею».³⁶

Лочжан терпел неудачи. Он должен был бежать из своих владений и искать убежища у калмыков. В 1666 году его послы в Томске просили о присылке вспомогательного отряда против поднявшихся на него «желтых мунгалов». Речь шла о постройке русского острога в кыргызской земле. Русские настаивали на выдаче кыргызского князя Иренака. Это требование ставило Лочжана в большое затруднение, и он уклончиво спрашивал, за что «воюют его киштымов киргис»...³⁷

В кыргызской земле положение тоже меняется. Среди кыргызов появляется замечательная личность — алтысарский князь Иренак, сын Ишея и внук Номчи. Это был человек выдающейся энергии и широкой инициативы. Свыше 20 лет он был грозой Красноярска, Ачинска, Кузнецка, Томска, Канска и даже Енисейска и Нижнеудинска (Удинска). Положение кыргызов было затруднительное. Проницательные кыргызские князья приходили к мысли о безнадежности борьбы. К середине 60-х годов Иренак и другие князья обсуждали план, «развоевав Красноярский и Енисейский уезды, от'ехать в Калмаки со всеми своими улусы, и на Киркизской земле не жити».³⁸ Успехи, одержанные Иренаком, почти на сорок лет отсрочили выполнение этого намерения.³⁹

С 1665 года начинаются волнения среди «красноярских подгородных качинских и аринских татар». Они откочевывают «вверх по Бузиму и Под'емным и к вершинам Кемчука и Кети и сносятся с кыргызами».⁴⁰

В следующем году Иренак с отрядом из 300 человек переправляется через Енисей и идет воевать «Красноярских,

Удинских и Еписейских Братцких, Саянских ⁴¹ и иных многих ясачных людей». Он имел успех и из Канского уезда послал пленных «тубинских и канских ясачных людей», с женами, детьми, конями, рогатым скотом и «со всеми животы» «в свою киргизскую землю» под охраной небольшого отряда, под начальством своего брата Абалака». ⁴² Отсюда он прошел до Удинска, где забрал «казну пороховую и свинцовую», а «ясачных людей грабил». ⁴³ В Красноярске и Еписейске спешно стягивали военные отряды и приготавливались к откору. Отряд служилых людей напал на князя Абалака и отбил полон. ⁴⁴

Между тем против Лочжана действовала коалиция из желтых мунгалов, брата Лочжана-Хутухты и двоюродного брата Мерген-тайши. Осенью 1666-го года, 3 октября, Лочжан появился на р. Уссе (Тубе) и «стал со всеми своими людьми и с кочевьи». «Тубинские князцы и киштымы разбежались от него в Камень и в черные леса». ⁴⁵

Положение создалось чрезвычайно деликатное. И русские, и мунгалы, и кыргызы не доверяли и боялись одни других. Лочжан должен был считаться с усилившимся кыргызским князем, но вел переговоры и с русскими, ибо нужно было противопоставить солидную силу против двигавшихся с юга врагов. Иренак же волей неволей должен был считаться пока с силами Лочжана. Наконец, русские боялись нашествия желтых мунгалов и не доверяли Лочжану, потому что «к нему пристал» Иренак. Это критическое положение было разрешено тайшей Сенгой, который явился с войском и взял в плен Лочжана; кыргызы, конечно, немедленно перешли на сторону калмыцкого тайши. Переговоры между Сенгой и вождями не дали положительных результатов, и весной следующего года калмыки и кыргызы осадили Красноярск. Остроги удалось отстоять, но деревни были повоеваны. В

следующем году силы Сенги были направлены на русские остроги на Ангаре. «Немирные воинские мунгальские люди с Мунгальские степи перешли из-за Камени на Братскую степь, к Балаганскому и Верхоленскому острожкам»...⁴⁶

Походы Сенги имели то значение, что закрепили связь кыргызов с калмыками. Сенга не был достаточно силен, чтобы продолжать великодержавные замыслы своего отца. Для него имели значение земли к северу от Саян и албан, получаемый в виде пушныны, имел для него ценность.

В 1672 или в начале зимы 1671 г. Сенга был убит братьями Цэцэн-ханом и Цзотба-батуром.⁴⁷ Ему наследовал его брат, знаменитый Галдан, снова начавший великодержавную политику в Монголии.

Галдан воспитывался в Тибете, как лама. Поэтому у него образовались обширные связи в этом религиозном средоточии буддистов. В это же время один из тибетских правителей Дэсрит-Сангэ, скрыв смерть Далай-Ламы, захватил власть в свои руки и правил от его имени. Сангэ покровительствовал Галдану и поддерживал его в борьбе за создание калмыцкой монархии, пользуясь, в свою очередь, помощью калмыков против Китая и соседних враждебных племен. Галдан совершенно уничтожил царство алтын-ханов и овладел Кашгаром. Он подчеркивал, что его власть имеет источником святую волю Далай-Ламы; имел титулы Гегена и Хутухты.⁴⁸ Приведя к гибели своего противника Цэцэн-хана (1680), Галдан до конца 80-х годов был занят войнами с Туркестаном и бурутами. С конца 80-х годов начались его походы в Халху, где он столкнулся непосредственно с Китаем и его императором Кан-си, руководившим лично военными действиями. В этой борьбе Галдан и погиб в 1699 г. Его преемник, сын Тайши Сенги, Цаган-Арантан, бывший одним из выдающихся военачальников Галдана, принимал

большое участие в гибели своего дяди. Приняв власть, он поправил дела чжунгаров. В его руки перешла большая часть торговых городов бассейна Тарима. В начале XVIII в. он, при поддержке русских, разгромил киргиз-касаков, присоединил значительное количество кочевавших до этого на Волге калмыков и расширил свои владения во все стороны. Араптан делал попытки овладеть тибетским духовным центром, но, после кратковременного успеха, калмыки были вытеснены из Тибета китайцами.

Таковы в общих чертах были обстоятельства к югу от Саян и Алтая, и их надо иметь в виду для уяснения событий в Кыргызской земле.

Галдан и особенно Араптан усиленно искали установления мирных отношений на русск. границе. Уже в 70 г. Галдан посылает посольство в Москву, пытается организовать торговые сношения и просит томских и красноярских воевод не беспокоить киргиз.⁴⁹ Последних он также удерживает от неприятельских выступлений. Один из влиятельнейших князей и, повидимому, правая рука Галдана в его владениях на Алтае и в Кыргызской земле, тайша белых калмыков Матур категорически запрещает воевать. Одного из ослушавшихся алтайских тайшей, сделавшего нападение на русских, «за то его воровство Очуртукан разорил совсем без остатка, а разорили его по договору с Кегенем» (Галданом). Другого ослушника «Кегень Кутухта взял к себе, а хочет на его место послать владельца иного».⁵⁰ Московское правительство также склонялось по временам к миру и предписывало воеводам решать дела с кыргызами переговорами, а не войной; не отказывать в удовлетворении их справедливых претензий, чтобы кыргызы «видя великих государей милость», «всякого добра хотели».⁵¹

Но на местах этот призыв не находил единодушного отклика. В сибирских городах была партия мира. Ее составляли те служилые люди, которые заживались на местах и были не в особенно крупных чинах; к ним примыкали те, кому была дорога безопасность «сенокосных и пашенных земель». Уже в XVII в. были владельцы крупных займок, имевшие значительное хозяйство, большие количества скота, лошадей. Войны, набеги кыргызов разоряли их. Напротив, высшие чины были заинтересованы в войне, ибо она давала большие доходы, в виде денег, добычи, «ясыря», т. е. рабов, в которых обращались пленники. И московское правительство постоянно вынуждено было считаться с невыполнением его распоряжений о возвращении пленных, которые оказывались вывезенными уже в Россию.

С другой стороны, аналогичную раздвоенность в отношении мира мы встречаем и в Кыргызской земле. Мирные переговоры имели тенденцию базироваться на признании *status quo*. Между тем наиболее ценные охотничьи «ухожия», особенно в верховьях Кана, Агула, Бирюсы энергично отстаивались русскими, а без них тубинские звероловы-киштымь существовать не могли. Поэтому Тубинские князья, не смотря на сознававшийся ими риск и опасность, вынуждались делать походы в Канский уезд под прямым давлением бунтовавших против них киштымь. Таков был поход тубинского князя Талая в 1678 г. Таким же вынужденным был и последний поход князя Шандыка в 1691—1692 г.г., тщетно напрягавшего усилия в 80-х годах сдерживать своих киштымь и обращавшегося даже за содействием к езерскому князю. Опасения князей оправдались. Тубинцы потерпели страшное поражение от Василия Многогрешного, и после него Тубинское княжество уже не могло оправиться.⁵²

Семидесятые и половина 80-х годов обильны событиями. И русские и кыргызы ведут то наступательную, то оборонительную войну. Русские вырабатывают план систематического завоевания кыргызской земли, при посредстве одновременно «из Томского и Красноярского на Кыргызскую землю похода государевых ратных людей», с отправкой боевых и хлебных запасов «водою и горою». Служилые люди рассчитывают, что «Кыргызские люди, увидя, что государевы ратные люди из Томского степью, а из Енисейского с хлебными запасы, впадут в великую ужесть» и «станут мыслить привести в свою землю иных земель многих людей, или с земли бежать, или вовсе великим государем учиняться покорны». ⁵³

Такой план русские пытались осуществить не раз. В 1675 г. они поднимались вверх по Енисею на дощаниках и пытались построить острог сначала на Абакане, а потом ниже устья последнего на острове «Карагас» («Сосновом»). Иренаку, привлечшему на помощь алтырских князей, удалось не допустить русских утвердиться. ⁵⁴ В начале 80-х годов из Москвы посылается Иван Суворов, который с тобольскими, тарскими, томскими, кузнецкими и красноярскими ратными людьми и вспомогательными отрядами юртовских татар выступает на кыргыз, «чтоб однолично, за божию помощью, промысел и большую им тесноту учинить». Но Суворов потерпел неудачу. Князь Иренак, «собрався со многими людьми», не допустил Ивана Суворова вторгнуться в Кыргызскую землю, запер его в лагере и осадил, — «и видя он, Иван, что с кыргызы биться не в мочь, шли от них в Томской отходом». ⁵⁵

В свою очередь и Иренак, с помощью калмыков, организует большие походы. В 1673 г. кыргызы совершают поход на Енисейск, но доходят лишь до Бельского острожка.

На следующий год кыргызы и калмыки выступают тремя эшелонами. Один под предводительством самого Иренака и калмыка Сахая идет на Томск, другой разоряет Енисейский уезд, а третий под начальством алтысарского же князя Шандыка осаждают и сжигают Ачинский острог.⁵⁶ Такой же широко организованный поход совершается в 1679 г. Весною Иренак появился под Красноярском «с киргизами и с тубинцами и с алтырцами и с езерцами и с маторцами и с байготовцами»—«и разорение великое учинили». Летом выступили главные силы. Князь Шандык с сыном Иренака Шипом и зятем его Алтынаком Кашкой пошел на Томск «легкими малыми людьми»; Иренак же с главными силами «под Красноярской и на уезды, по обе стороны Енисея реки, и Енисеем рекою—в лодках». С русской стороны, в действиях приняли участие лучшие местные военачальники: из Томска—сын боярский Роман Старков, а из Красноярска—атаман Родион Кольцов. Шандык был разбит Старковым и пал в битве. Его отрубленная голова была торжественно ввезена в Томск на кошке.⁵⁷ Но дальнейшие действия Старкова, повидимому, были неудачны.⁵⁸ Ачинск был сожжен.⁵⁹ Родион Кольцов встретил на стругах плывших в лодках и разбил их выше Караульного острога. Но Иренак, не смотря на это, осадил Красноярск. Качинцы, аринцы, ястынцы и бохтинцы восстали против русских и приняли участие в осаде. Красноярцы понесли ощутительные потери.⁶⁰

Не смотря на неблагоприятные условия, Иренаку удалось добиться положительных результатов. Прежде всего его система наступательных действий оказалась на переходе неприятелей от военных действий к попыткам мирного разрешения споров путем переговоров. К 1678 и 1683 годам относятся русские посольства к Иренаку.⁶¹ В 1684 г. мы

видим Иренака с большим отрядом около Белого озера (Ачинский уезд) организующим со своим зятем Алтынаком опять одновременный поход на Томск, Енисейск⁶² и Красноярск. В это время возвращаются его послы из Москвы, и поход не состоялся.⁶³ Очевидно, последний носил демонстративный характер. Во вторых, поступательное движение русскими было приостановлено. Граница намечалась с юга в районе Июсов, а отсюда в район Белого озера. В самом конце XVII в. русское правительство, отстаивая право на постройку Каштакского острога для охраны серебряных рудников, указывало, что «Каштацкой острог поставлен на государственной земле, а не на киргизской стороне, по сю сторону Июсов, против договора киргизского князя Ереняка».⁶⁴

Наконец, упрочивается связь с государством чжунгарским. Киргизы сохраняют самостоятельность во внутренних делах, но признают верховную власть контайши. Последний оказывает им систематическую военную поддержку⁶⁵ и при помощи договоров, соглашений, авторитета своей суверенной власти вносит элемент единства и порядка в киргизскую землю. И здесь деятельность князя Иренака оказалась довольно рельефно. Когда Галдан в 70-х годах потерпел неудачу в междоусобной борьбе с Очурту-ханом и Чокуром Убаши, он спасается в киргизских землях.⁶⁶ Иренак, принявший его сторону, был также разбит. Но затем мы видим его и других киргизских князей уже в Чжунгарии помогающими опять Галдану.

В начале XVIII в. во всех документах киргизская земля считается входящей в состав владений чжунгарского контайши: «к Томску прилегли немирные земли, Араптана Контайши люди, Киргизы, Телеуты, Черные Калмыки», «Араптана контайши люди, Киргизы, Калмыки, Тубинцы».

Жажда мира и спокойствия была повсеместна. Галдан посылал подарки в Москву и усиленно хлопотал о прекращении военных действий. Кыргызские князья также открыто высказывали общее желание «старые ссоры покинуть и договориться бы жить вечным миром».

Исторические судьбы решили вопрос о вечном мире не в той плоскости, в какой мечтали разрешить его кыргызские князья.

Примечания к 3-й главе.

¹ «Алтын царь Мугалской, ходу до него от киргиз месяц; а его ясашины люди живут матцы от киргиз два дня, а от мат живут до него все его люди». «Людей у него тысяч с двести, а бой у них лучшей». **Р. И. Б.** т. II, № 84.

² Ср. **Р. И. Б.** т. II, № 84: «а царь кочевой, кочует на лошадях и на верблюдах». Подданные Алтын-хана, обычно, называются мунгалы (ср. **Можаяев, Заметка о Мунгалах.** Изв. В.-С. Отд. Г. Общ. т. XXXVI (1908 г.), стр. 82—84).

³ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 2, 13, 18, 30; т. II, № 41, I и III.

⁴ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 70.

⁵ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 2.

⁶ **Р. И. Б.** т. II, № 84; **Миллер, Опис. сиб. ц.,** стр. 416; **Фишер, н. с.,** стр. 213.

⁷ **Р. И. Б.** т. III, № 84; **Миллер, н. с.,** стр. 441, 443; **Фишер, н. с.** стр. 497, 264, 519—522, 274-275; **Миллер, Сиб. Ист.** (Ежемес. соч. стр. 205).

⁸ **Р. И. Б.,** т. II, № 85; **Миллер, Описание,** стр. 414; **Фишер, н. с.,** стр. 212, 253, 489. Алтын-хан очень интересовался возможностью получить вспомогательный отряд с огнестрельным оружием.

- ⁹ Миллер, н. с., стр. 444.
- ¹⁰ Р. И. Б. т. II, № 84; Миллер, н. с., стр. 445.
- ¹¹ Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве. Сиб. 1890, стр. 412—416; Козьмин, Очерки прошлого и настоящего Сибири. Сиб. 1910, стр. 1—5.
- ¹² Козьмин, н. с., стр. 232.
- ¹³ Р. И. Б. т. II, № 85.
- ¹⁴ Р. И. Б. т. II, № 73.
- ¹⁵ Р. И. Б. т. II, № 83.
- ¹⁶ Миллер, Описание, стр. 407; Фишер, н. с., стр. 212; Словцов, Истор. сбсзр., т. I, стр. 36.
- ¹⁷ Оглоблин, Красноярский бунт 1695—1698 годов. Т. 1902, стр. 4-5. В конце XVII в. Левандиан, приехавший с большими полномочиями по рудному делу, жалуется: «уже мы едва в живых были не менши Киргиз и от Томских граждан». Доп. к А. И. т. X, № 77, X.
- ¹⁸ Фишер, н. с., стр. 216, ср: стр. 213-214. 217; Словцов, н. с., I, стр. 36.
- ¹⁹ Р. И. Б. т. II, № 75.
- ²⁰ «Обманом из ласки», как простосердечно говорится в документе.
- ²¹ Про Иванку сказано: «бывший в бубен».
- ²² Р. И. Б., т. II, № 82.
- ²³ Миллер, н. с., стр. 454.
- ²⁴ Фишер, н. с., стр. 266; Словцов, н. с., I, стр. 30, 31, 36; отложился даже всегда спокойные саган. Фишер, н. с., стр. 294.
- ²⁵ Миллер, н. с., стр. 417; Пам. Сиб. Ист. I, № 36.
- ²⁶ Сократились и охотничьи районы, так как сами русские стали «промышлять зверя». Начинают раздаваться жалобы, что «в лесах зверя, а в реках рыбы перед прежними годами стало малое число», сообщается, что «многие иноземцы с голоду умирают». Пам. Сиб. Ист. I, № 1; Ист. анты, изд. Кузи—м, I, № 4.
- ²⁷ Кыргызский князь Кара, прибывший для переговоров, был задержан в Томске, объявлен аманатом (заложником), а затем его «извели». Во время переговоров, когда кыргызы не ожидали нападения, против них послались тайно военные экзедниции. Ср. Фишер, н. с., стр. 295. Резкая характеристика «несищества и бесстыдства и

ненависти и неправды», которые были обычны у русских в переговорах, дана **Котошихиным (О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 40 и в др. местах)**. Для них было обычно «запираться» в своих словах и «превращать на иные мысли».

²⁸ Главные военные действия относятся к 1641 году.

²⁹ «Обсеклися в городке».

³⁰ **А. И. т. III, № 108.**

³¹ Лочжан выразился очень характерно, что на свете все проходит, но честь остается и после смерти; поэтому ни за золото, ни за другие блага он не согласится на такое бесчестие, как подданство другому. **Фишер, н. с., стр. 523.** Ср. ответ вдовы Цецен-хана толмачу Семенову. **Оглоблин, Сибирские дипломаты XVII в. Ист. Вест. 1891, т. XCVI, стр. 143.**

³² Известны посольства 7157-58 г., 165, 168, 170, 171, 173-174 и 187. **Оглоблин, Обзорение столбцов, т. I, стр. 213.** У Оглоблина отсутствует упоминание о посольстве Гречалина, описанном у Фишера (стр. 518 и сл.).

³³ Характерно, что старый Алтын-хан просил о пропуске послов в Персию.

³⁴ **А. И. т. III, № 108.**

³⁵ Позднеев относит его смерть к 1653 г., ссылаясь лишь на калмыцкую биографию Зая Пандиты. Он приводит возражения против мнения, что Сенга был наследником в достоинстве контайши. Русские источники подтверждают правильность этого взгляда. Сенга титулуется всегда тайшей (см. **Позднеев, К истории Зюнгарских намынов. Посольства к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану. Зап. Русск. Геогр. Общ. т. X, вып. 2, стр. 243 и сл.**).

³⁶ **Ист. акты, изд. Кузнецов, т. I, № 11.**

³⁷ **Доп. к А. И. т. V, № 24, II; Оглоблин, Обзорение столбцов, I, стр. 40.**

³⁸ **Доп. к А. И. т. V, № 4, IV и V.**

³⁹ Об Иренэке, см. **Н. Н. Козьмин. Князь Иренэке. Сиб. Зап. 1916, № 1.**

⁴⁰ **Доп. к А. И. т. V, № 4, I.**

⁴¹ В другом документе читаем: «сагайских», в третьем месте: «на саганов». Очевидно, дело идет об ассанах, и читать надо: ассанских.

⁴² Доп. к А. И. т. V, № 4, II, III и V; ср. т. VII, № 72, VI и VII.

⁴³ Доп. к А. И. т. V, № 24, II.

⁴⁴ Доп. к А. И. т. V, № 4, III, IV.

⁴⁵ Доп. к А. И. т. V, № 24, II.

⁴⁶ Доп. к А. И. т. V, № 33, I, II, III, IV и V; № 71; ср. **Спафарий. Путешествие**, стр. 87, 88.

⁴⁷ Позднеев. **Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи**, стр. 247.

⁴⁸ Позднеев передает калмыцкую версию, говоря, что «Далай-Лама послал его (Галдана) обратно в Чжунгарию и приказал вести олотов» (**Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи**, стр. 246).

⁴⁹ Доп. к А. И. т. VII, № 72, II, III, IV; **Словцов, н. с.**, I, стр. 112; А. И., изд. Кузн—м, II, № 13. Монголо-калмыцкое (ламайское) имя преемника Галдана-Цэван-Рабдан. Мы сохраняем начертание русских документов, очевидно, воспроизводившее произношение кыргызов. Также мы сохранили начертание Лочжап, Сенга и др.

⁵⁰ Доп. к А. И. т. VII, № 72, II и III.

⁵¹ **Ист. Анты**, изд. Кузн—м, II, № 14; **Фишер, н. с.**, стр. 467.

⁵² Доп. к А. И. т. VIII, № 44, III; т. XI, № 53, I; **Пам. Сиб. Ист.** т. I, стр. 13—16; **Ист. Анты**, изд. Кузн—м, I, № 27.

⁵³ А. И. т. V, № 104, II («роспись о походе на киргиз с войскою»); Доп. к А. И. т. X, № 80, XVI.

⁵⁴ Доп. к А. И. т. VII, № 72, II и IV. Кыргызы подступали к острожку на Абакане «со щитами»; русские отбили нападение, пустив стенной пожар.

⁵⁵ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, стр. 12-13.

⁵⁶ Доп. к А. И. т. VI, № 93, I, II, III, IV, V, VI и IX. У Ярилова приведено описание осады Ачинска, весьма интересное для характеристики быта того времени (**Кызыльцы**, стр. 4).

⁵⁷ Доп. к А. И. т. VIII, № 15, XIV; **Пам. Сиб. Ист.**, т. I, стр. 12 Кузнецов называет Шандыка тубинским князем, очевидно, смешивая его с действовавшим в Канском уезде в 1691—3 гг. (**Кузнецов. Из истории южн. частей Енисейской губернии**, стр. 3). Кыргызские князья имели 300 с лишним человек, а Старков—417.

⁵⁸ **Оглоблин. Обзорение**, I, стр. 116; **Пам. Сиб. Ист.** т. I, стр. 13.

⁵⁹ **Ист. анты**, изд. Кузн—м, т. II, № 12.

⁶⁰ **Доп. к А. И.** т. VIII, № 44, I; № 15, XVII. Красноярец, в отместку, расстреляли тубинских князей, которые были в городе в качестве заложников. Это были «лучшие князцы, которые владели всею Тубинскою землею». Правительство Московское протестовало против этого, и от государя было объявлено, как условие помилования, требование добыть новых аманатов и—«самых лучших».

⁶¹ **Оглоблин. Обзорение**, т. I, стр. 215; в 1679 г. мы видим послов Иренака в Красноярске. **Доп. к А. И.** т. VIII, № 44, III.

⁶² Томск и Енисейск были главные, «разрядные» города.

⁶³ **Доп. к А. И.** т. XI, № 53; I и II. Были освобождены, по приказанию из Москвы, сын Иренака и сын Шандыка, и посланы подарки.

⁶⁴ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 13; **Доп. к А. И.** т. X, № 77, X и XI.

⁶⁵ **Ср. Доп. к А. И.** т. VIII, № 15, XII; № 44, II.

⁶⁶ **Доп. к А. И.** т. VII, № 72, VII; **Сиб. Вестник** 1820, ч. IX, стр. 81; **Позднеев. Материалы для истории Халхи.** Сиб. 1883, стр. 175. Надо думать, к этому пребыванию Галдана относятся начертанные на скалах его повеления, напр., т. н. Шалоболинская писаница. **Попов. О памятниках тангутского и монгольского письма в Минусинском крае.** Изв. Сиб. Отд. Р. Геогр. Общ. 1874, т. V, №№ 3 и 4, стр. 102.

V.

Кыргызская государственность.

Прежде чем изложить последние события и перейти к изложению исторического очерка края русской эпохи, необходимо вкратце остановиться на хозяйственной и политической организации кыргызской земли как она сложилась к концу ее существования.

Выше мы видели, что кыргызская земля не была объединена в одно политическое целое. Она распадалась на отдельные «землицы» и улусы, во главе которых стояли независимые или полузависимые от более сильных князья. Очевидно, еще задолго до прихода русских центральная политическая власть ослабела, потеряла прежнее значение; племенные князья получили самостоятельность. Преподанный же носитель верховной власти кыргыз-хакасов, ажно, остался при судебных функциях. Под этим титулом мы находим судей в княжествах.¹

Власть князя, помимо его происхождения, имела, в значительной доле, основой его хозяйственное значение. Это был богатый хозяин-скотовод, обладавший значительным относительно капиталом. «Киштымы» были не только его подданные, но и люди, связанные с ним долговыми обязательствами и хозяйственными отношениями. Таким образом, как и русский князь удельного периода, кыргызский князь

был хозяином своей «вотчины», и в отношении киштымов частно-правовые и публично-правовые отношения должны были смешиваться.² Раздробление кыргызской земли не шло до распыления на мелкие независимые улусы. Группы улусов были объединены в «землицы», как их называют русские исторические документы, или «княжества», как мы их называли. Таких княжеств было четыре: Алтырское, Алтысарское, Исарское (Езерское) и Тубинское. В основе их лежали не только хозяйственные, но и племенные отношения. Сами кыргызы делились на отдельные племена: некоторые турецкие племена были окиргижены, так сказать, после долгого совместного сожительства. Была разница в племенном происхождении и входивших в состав княжеств «киштымов». Есть данные предполагать, что кыргызской землей владел один княжеский род. Алтысарские князья в XVII—XVIII в. это род князя Номчи.³ На ряду с Иренаком мы видим его братьев, зятьев: Езерский князь Шорло говорит о своем племяннике Зансае, что он «Ишено-Мергеню внук». О погибших в Красноярске князьях говорят, что они «владели всею Тубинскою землею»; при этом князей Тубинской земли называют кыргызскими. Это родовитые князья: чжунгарские контайши подчеркивают свое родство с ними.

Были ли кыргызские князья в определенном и постоянном иерархическом подчинении один другому, решить за недостаточностью имевшихся в нашем распоряжении материалов затруднительно. Во всяком случае с русскими ведут переговоры одни и те же князья; их же мы видим и во главе военных сил. Вотчинный характер власти князя ведет, с другой стороны, к раздроблению улусов. Сыновья Иренака становятся во главе обособленных улусов («Борчунов улус», «Шин улус»).

Кыргызский князь не был родовым главой, родоначальником. Под его властью не были одни родовичи. Около него стояла значительная группа «многих знатных улусных людей», или «лучших людей», как выражались русские служилые люди. Затем под его властью были просто «улусные люди», или «киргизские мужики», лично свободное население, и, наконец, были кнштымы. Последние разделялись на две группы. Были «улусы кнштымов», имевшие своих князьков, но платившие алман кыргызам, и были лично зависимые, личные кнштымы, рабы кыргызских князей и лучших людей.

Кроме того в Киргизской земле жило много иноземцев, купцов. Прежде всего это были бухарские купцы, имевшие здесь торговые фактории. Свои операции они не ограничивали Кыргызской землей, но распространяли и на русские уезды, что поощрялось в то время Московским правительством.⁴ Но кроме бухарцев были русские, греки, даже упоминаются турецкие подданные. Особенно их много было к концу XVII в. Власть контайши давала уверенность, обеспечивала безопасность и зарекомендовала себя покровительством торговле. Купцы были довольны положением дел и получаемыми прибылями.⁵

Торговые сделки, связанные с кредитом, долговыми обязательствами, и условия скотоводческого хозяйства, связанные с необходимостью регулирования выпаса и кочевков, требовали довольно сложной административно-полицейской и судебной организации. И мы действительно, находим упоминания о целом ряде должностных лиц. Мы уже указывали на судей—«ожо». В памятниках упоминается «яргучи», что соответствует монгольскому и калмыцкому «заргучи», «дзаргучи».⁶ Кроме того, мы находим эсаулов, на

которых, по указанию русских источников, возлагалось, между прочим продовольствие послов и снабжение их средствами передвижения, ⁷ «алманных сборщиков» («урухта»?), казначеев. ⁸ Князь Иренак вел сношения с воеводами письменно, при чем эти сношения велись на калмыцком языке. Очевидно, при нем были знавшие монгольскую письменность секретари. ⁹

Осложнившиеся международные отношения и военные действия против таких сильных врагов, как «мунгалы» и русские, выдвигали необходимость объединенных действий всей кыргызской земли, а следовательно главенства одного лица. Такая гегемония обычно принадлежала алтысарскому князю.

После подчинения кыргызских князей контайше, последний естественно сосредоточил в своем лице объединяющую, центральную власть. Но он был далек от Кыргызской земли и не мог править ею непосредственно. Поэтому на сцену являются, если не наместники, то уполномоченные представители контайши, которых русские служилые и торговые люди называли «посланцами» или «послами» контайши. ¹⁰ В качестве таковых посылались обычно калмыцкие зайсаны (или «яйзаны», по произношению алтайских турков). В последние десятилетия XVII в. и в начале XVIII в. «посланец» имеет постоянное пребывание в Кыргызской земле. Так как Алтырское княжество имело тесные связи с алтайскими, то естественно, что «урга» ¹¹ посланца находилась в резиденции алтырского князя, на реч. Нине, правом притоке Уйбата. «Посланец» не только объединяет дело установления внутреннего распорядка, но и уполномочен входить в сношения с русскими. Он руководит военными приготовлениями и военными действиями, разделяя командование с кыргызскими князьями.

Около «посланца» начинает создаваться новое учреждение — с'езд князей и лучших людей кыргызской земли. Переговоры с русскими посланец ведет сообща с князьями. Посланец председательствует в с'езде князей и лучших людей и руководит ходом переговоров. Посланцы принимали меры, чтобы высоко поставить свой авторитет. Когда к одному из них явился от русских простой толмач, посланец принял его вежливо («принял с честью»), но от переговоров отказался, объяснив, что не считает его компетентным вести переговоры и просил передать о необходимости послать «знатного человека» с надлежащими полномочиями.

Калмыцкое влияние в эту эпоху сказывалось сильно. Кыргызские князья начинают титуловаться тайшами и пользуются калмыцким языком и письмом для дипломатических сношений. Знание этого языка было, очевидно, достаточно широко распространено, так как Галдан свои манифесты, начертанные на скалах и назначенные для общего сведения, излагал по калмыцки. В языке минусинских и алтайских инородцев и в географических названиях сохранилось значительное количество монгольских слов. Примесь калмыцкой крови была отмечена еще Палласом для некоторой части абаканских туземцев. В XVIII в. сохранялись еще некоторые монголо-калмыцкие обычаи, как, напр., заплетание волос в косы. Среди соков сохранился один, носящий название ойрат-касха и указывающий на свое происхождение от калмыков (ойрат). Но указанного влияния не следует преувеличивать. Во-первых, не смотря на указание исторических документов, что среди кыргызов жило много калмыков, надо иметь в виду, что здесь подразумевались и т. н. белые калмыки, а это были телеуцы, т. е. турецкое племя. Во-вторых, турецкая народность отличалась устойчивостью. «Татарский» язык, гибкий и богатый

формами, оставался победителем в борьбе и усваивался не только осытскими и самоедскими племенами, но и русскими.¹²

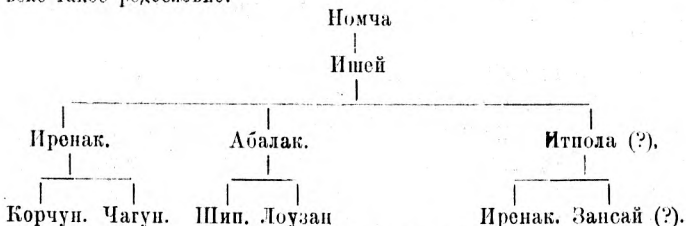
Описанная выше политическая организация Кыргызской земли явилась поздно. Ни хозяйственные, ни общие политические условия не позволили ей упрочиться и развиться. Основное богатство страны, помимо скотоводства, — пушнина, дорогие меха, — ушло из рук населения. Киштымы отошли к русским; повсюду раздаются жалобы на уменьшение зверя, паденье промыслов. Само московское правительство проявляет беспокойство по этому поводу и принимает меры, усиливая надзор за вывозом особо ценных сортов пушнины и охрану лесов от пожаров. С другой стороны, кантайша Арантан попадает в такое международное положение, что должен устранять поводы для ссоры на русской границе, так как дружбы с его главным врагом, китайским императором Кан-си, усиленно добивался русский император Петр I. Сами кыргызы ослаблены. Тубинское княжество к началу XVIII в. почти сходит со сцены после поражений в своих бывших канских владениях.

Примечания к 4-й главе.

¹ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 15 и 37. Несколько аналогичный процесс разложения монархической власти мы находим в римской и греческой истории (особенно интересен сан «тагоса» в Фессалии). См. проф. Вилпер. Лекции по истории Греции. М. 1905, стр. 62; сборники «История Греции со времени Пелопоннесской войны». М. 1896, стр. 418 и сл.; «История Римской Республики». М. 1900, отд. 2.

² Ср. Доп. к А. И. т. VII, № 72, II и IV.

³ Род Номчи, княживший в «Алтысарах» представляет в XVIII веке такое родословие:

⁴ Ср. **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 2; **Ист. Анты**, изд. Кузнецовым, т. I, № 10. Их караваны вывозили в Китай сибирской «мягкой рухляди множество». **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 70.

⁵ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 13, 3.

⁶ «Яргы» — суд (см. **Словарь** Вербницкого), у калмыков — «зарга». При калмыцком тайше был совет и суд — зарга, в котором заседало 10 зарчучи. **Позднеев. Посольство**, стр. 194; **Гурлянд. Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие**. Казань. 1904, стр. 83.

⁷ **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 37; ср. **Кузнецов. Архив Аси. ст. Думы**; **Лаппо. Общественное управление**, стр. 48 и сл.

⁸ **Доп. к А. И.** т. VIII, № 15, XII; № 44, III; **Яновлев. Этногр. обзор**, стр. 68.

⁹ **Доп. к А. И.** т. XI, № 53, II. У сойотов в Урянхасе в хошунном управлении, при князе (ухерида), есть секретарь — «бичечи». **Кон. Предварит. отчет**, стр. 53.

¹⁰ **Доп. к А. И.** т. VIII, № 44, VП; № 15, XII; **Пам. Сиб. Ист.** т. I, № 37.

¹¹ Резиденция, ставка, дворец.

¹² Ср. **Щапов. Историко-этнограф. организация русского населения**. Русск. Слово 1865, I, стр. 15 и 38.

V,

Падение государства кыргысов.

В начале XVIII в. разыгрываются последние события, приведшие к развязке. Борьба ведется с большим ожесточением с обеих сторон. Если один из указов Петра I говорит о «суровых степных народах, которые безо всякой причины обыхли звероподобно незапными своими приходами под наши великого государя грады и слободы подбегать и побиение людям и всякое раззорение чинить», то и названные в указе «божие и великого государя люди, православные христиане» вызывали, во всяком случае, не меньшие жалобы со стороны иноземцев, допуская жестокости, о которых современному человеку жутко читать. За утонченными пытками следовала обычная для туземца смерть — «повешение за ноги на деревьях». Надо сказать, что в походах все более участвуют «охочие люди», не дисциплинированные и деморализованные. Кыргызы мстят, подражая и вешая пойманного казака вверх ногами, или, обозленные, распарывают «груди и застилают ими» глаза убитого.

Князь Иренак умер, вероятно, в середине или во второй половине 80-х годов, и после него мы уже не встречаем у кыргызов равных по таланту и энергии вождей. Перевес переходит явно на сторону русских. Не последнюю роль играла и клнущая энергия правительства Петра I. Пла-

пы оборонительной и наступательной борьбы характеризуются детальной разработкой. В опасных местах и в страдную пору выставляются военные караулы, броды заваливаются лесом. Крестьянам вменено в обязанность иметь огнестрельное оружие; предписывается «безоружным людям и за оплошку караулов чинить наказание». Мало этого, Петр I издает указ «устроив у крестьян у ста человек по капитану и поручику, и их же братья мужиков воинскому делу учить без отговорки». Наибольшее значение имели походы русских из Красноярска на Алтысарский улус в конце XVII или в начале XVIII в., когда этот улус был жестоко разгромлен, и походы из Томска Лаврова, Качанова и Цицурипа в 1703—4 г.г., имевшие вид набегов и повлекшие разгром кыргызов к северу от Июсов.

В 1701 году была сделана последняя попытка уладить дело миром. По инициативе посланца контайши, сначала на Нине, в Урге посланца, а потом у князя езерского Шорло Мергеня, на Абакане, съезжаются кыргызские князья и русские послы из Томска, Кузнецка и Красноярска, так как «то дело обще всем и миритца заодно». Соглашение было достигнуто в общих чертах на месте, а детали установлены частичными переговорами в Кузнецке и Красноярске.¹

К осени 1703 года относится выдающееся для дальнейшей судьбы Минусинского края событие. 15 октября в Караульный острог приехал кизыльский татарин и сообщил: «приехали де 2500 калмыков в Киргизскую землю и киргиз де к себе загнали всех и ныне де в Киргизской земле киргиз никого нет».² Это известие было принято в Красноярске недоверчиво, но и вызвало беспокойство. Было решено командировать служилых людей, чтобы разведать, где стоят кыргызские князья и много ли среди

кыргыз калмыков. В январе 1704 года из Красноярска командированы дети боярские Иван Злобин, Иван Садовской и Дементий Скварский в Кыргызскую землю, чтобы настоять на выполнении условий уюминавшегося выше мирного договора 1701 г. и собрать выговоренный этими условиями ясак с кыргызских киштымов. Злобин донес, что он с товарищами «из Красноярска в Кыргызскую землю ездили и **киргизских князцов никого не из'ехали**, а из'ехали прежде остальных Тубинцев семи человек».³ Из позднейших документов мы узнаем, что зайсаны-контайши Духар, Сандык и Чинбиль явились с войском в Кыргызскую землю и увели с собой около 2500 кибиток («полутысячи с три дымов»), которые, по воспоминаниям среди уведенных, «стояли особливим кочевьем».⁴ Остальное население, очевидно, как оно обыкновенно в таких случаях делало, разбежалось в «Камни и черные леса». Киштымы объяснили Злобину, что полного количества ясака внести не могут, «затем, что были в бегах». Они обещали сыскивать разбежавшихся сородичей, но предупреждали, что им приходится скрываться. «И о том договор был с ними, что мне Ивану с товарищи их где сыскивать, договорились, что по тем местам ставить им меты, и по тем метам вы де нас найдете; а мы будем **жить в прикрыте**, для того, что опасны от иных земель».

Из этих документов уясняется смысл разворачивавшегося события. Как ни был несовершенен государственный порядок в Кыргызской земле, он давал известную охрану общественной жизни, обеспечивал жизнь и имущество. И вот носители этого порядка ушли. Какая паника должна была овладеть оставшимся населением! Оно укрывалось в пещерах, в горных ущельях, живя «в прикрыте», притаившись от страха пред нашествием «из иных земель». И

киштымы, найденные Злобиным, «били челом великому государю, чтоб указал великий государь в Киргизской земле построить острог, для сбережи от иных земли». Таким образом замена государственной власти кыргызских князей и контайши явилась уже неизбежной необходимостью. Русские должны были принести государственный порядок и восстановить нормальные условия жизни в стране. «А как де,—говорили киштымы,—острог построен будет, и они де в казну великого государя станут платить со всякого человека по шести соболей, чтоб им жить под великого государя державою безопасно».⁵

Мы уже видели, что попытки поставить острог в Тубинской земле в XVII в. кончились неудачно. Русские имели в Минусинском крае один Караульный острог, построенный, вероятно, около середины 70-х годов. Не удалось построить острог, несмотря на просьбы самих «татар», и в 1704 г., так как в Красноярске была «хлебными запасы великая нужда, потому, что в Красноярску (был) хлебу великий недород». Постройка осуществилась лишь в 1707 году.⁶

С постройки Абаканского острога и надо считать совершившимся присоединение кыргызской земли к русским владениям. Алтырское княжество, приблизительно по Уйбат, вошло в состав Кузнецкого уезда, а остальные—в состав Красноярского. Враждебные отношения между русскими и чжунгарами по временам еще вспыхивали, но они ограничивались границами Кузнецкого уезда. Так в 1710 году зайсан Духар с черными и белыми калмыками делает поход на Кузнецк.⁷ В 1720 году к границам уезда подходил сын контайши Галдан Церен с 20-тыс. войском из чжунгар, белых калмыков и кыргызов.⁸ Бельтиры, каргинцы, карачерцы, камлятцы, июс-сагаи и др. племена представляют из себя двоedanцев и еще в середине XVIII в. платят дань

и русским и чжунгарам.⁹ Это положение прекратилось лишь с падением Чжунгарского государства, завоеванного китайцами.¹⁰

Уже в 1715 году, по поводу недоразумений с постройкой крепости на Катунь, Петр I мог высказать в грамоте к контайше то положение, которое легло потом в основу переговоров с Китаем. «И о том бы контайша,—говорится в грамоте,—велел осведомитца, что та земля на Бии и Катунь, где был построен город его царского величества, и те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь, Енисей и Лена, искони сибирские, и от устья, где впали в северное море, и до гор, из которых те реки потекли. Також которые реки впали в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества, и о том и самому Эрдени Журькту контайше ведомо. Кочуют на тех землях и посторонние люди, по обиды его царское величество таким чинить не велит, для того, что в тех местах пустота и поселения не было. А искони сибирские земли граничат от устья тех рек, где выпали в море и до вершин, откуда из которых гор потекли; тако-ж и в те реки, которые впали реки також до вершин их Сибирская земля.¹¹

С кыргызскими князьями ушла кыргызская аристократия,—«знатные улусные люди», которые, вероятно, вошли в ряды калмыцкой аристократии. Спустя 40 лет сын Алтырского князя Тангут-Батура, Чайлыш, упоминается, как живущий в урге, резиденции контайши. Но часть богатых людей осталась, и из их родов выходили те «князцы», «башлыки», которые стояли, с утверждения русской администрации, во главе улусов, аймаков и других административных единиц вновь присоединенных земель.

Когда спокойствие водворилось и вновь построенные остроги обеспечили охрану границ, разбежавшееся население постепенно возвратилось на старые места, восстанавливая свое хозяйство и имущество. Несомненно, в хозяйственной и социальной группировке произошли огромные изменения. Кыргызские племенные группы утратили свое социально-политическое первенство. Зажиточные, состоятельные кочевники заняли равное положение; с другой стороны, обедневшие кыргызские семьи спустились до уровня независимого населения.

За два года перед «утоном» кыргызов Цаган-Арантаи присоединил откочевавших с Волги 15000 кибиток торговцев, отняв их у князя Салджи-чжаба, и распределил их между чжунгарскими «отоками». Очевидно, также он поступил и в отношении кыргызов. Они были, в целях ассимиляции, распределены по чжунгарским владениям. В Урянхае и теперь есть род «кыргыз», пользовавшийся до последнего времени влиятельным положением.

Несомненно, с присоединением Минусинского края к русским владениям, должны были происходить перемещения туземцев внутри занятой ими территории, но они не имели сколько-нибудь существенного значения для этнического состава местного населения. Последнее лучше признать «аутохтонами», — конечно, в том относительном смысле, который может быть усвоен этому термину в свете современного научного знания.

С присоединением кыргызской земли к русскому государству, для нее наступила новая эпоха хозяйственной жизни. Экономические связи со странами за Саянским хребтом резко оборвались. Если можно так выразиться, вся экономика повернулась лицом от юга к северу.

Примечания к 5-й главе.

- ¹ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 37.
- ² Пам. Сиб. Ист. т. I, № 58.
- ³ Пам. Сиб. Истории, т. I, № 59.
- ⁴ Потанин. Материалы, стр. 128.
- ⁵ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 63.
- ⁶ Пам. Сиб. Ист., т. I, № 78.
- ⁷ Потанин. Материалы, стр. 122.
- ⁸ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 68.
- ⁹ Потанин. Материалы, стр. 69, 88, 89, 90.
- ¹⁰ Последний контайша Амурсана, разбитый китайцами, бежал в русские пределы (1757). Чжунгария погибла в потоках крови.
- ¹¹ Пам. Сиб. Ист. т. II, № 22.

VI.

Экономический переворот и его последствия.

Русские сравнительно быстро колонизовали среднюю Сибирь. С уменьшением пушнины на дальнем севере, центры хозяйственной жизни перемещаются из Сургута, Мангазеи, Якутска в Тобольск, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, где земледелие и скотоводство могли служить основой хозяйства. Эти пункты уже во второй четверти XVIII в. связываются проложением т. н. «московского тракта». В 1721 г. комиссия, состоявшая из сына боярского Ивана Кохтурова, трех конных казаков и одного пешего, была командирована пройти «из Красноярска до Иркутска и замерять версты, против указу великого государя, пятидесятыми верстами, от села до села и от деревни до деревни».¹

Таким образом создается новый великий транзитный путь. Последний начинает обслуживать и местную производительность. В узловых пунктах, где с трактом пересекаются водные пути, возникают города с торговым значением. В них сосредоточивается сравнительно большое количество людей, обслуживающего торговлю и отчасти промышленность. Этот люд потребляет значительное количество продуктов местного земледельческого хозяйства, опла-

чивая их теми денежными знаками, которые дает извоз и служба в торговых предприятиях. Мы уже видели, что русская колонизация дала рынок для туземного хозяйства. Но этот рынок был не высокой емкости. Города и поселення скоро «лошадами и коровами наполнились». Это были крепости («остроги»), с преобладанием служилого элемента. Находившееся под их защитой население слобод занималось земледелием и скотоводством, продукты коих удовлетворяли нужды жителей острогов. Самые служилые люди занимались сельским хозяйством, имели деревни и займки. Правительство вместе с денежным выдавало и хлебное жалование, а затем стало вместо последнего отводить земли.² В этих условиях не могло быть места для широкого обмена. Между тем московский тракт не обладал исчерпывающей грузоподъемностью. Гужевую доставку могли выдерживать лишь, особо ценные и не громоздкие товары. Таким товаром, прежде всего, была пушнина, шелковая и на запад, и на восток. Поэтому не только бухарские и русские купцы заняты скупкой мехов, но и крестьяне не ограничиваются сельским хозяйством, а соединяют последнее с промыслами и меновой торговлей. Это соединение сельского хозяйства с промыслами у сибирского крестьянина сохранилось до последнего времени.³

В XVII в. крестьянин «пахал на государя» государеву десятинную пашню и отбывал многочисленные, натуральные же, повинности по «острожному и судовому строению», доставке казенных грузов и т. д.; но уже в том же веке он переходит на денежный оброк, заменяющий оброк хлебный и «государеву пашню». Таким образом, помимо необходимости покупать необходимые для жизни товары, он должен иметь деньги для уплаты податей.

В этих условиях и правительство ставилось в затруднение в способах извлечения доходов. С сокращением пушных богатств, необходимо было открывать новые источники дохода. Поэтому уже в XVII веке начинаются усиленные поиски месторождений ценных ископаемых (серебра, золота, слюды). Мы уже упоминали, что еще в 40-х годах XVIII в. «двоеданцы» платили чжунгарскому контайше дань железными изделиями. Упомянувшиеся также серебряные прииски на Июсе, где был построен Каштакский острог, были открыты вследствие того, что «по ведомости всяких инуземцев тое руду у Калмыцкого Бошухту хана плавили, и выходило из нее серебро».⁴ Начало рудного дела в Минусинском крае относится к глубокой древности. «Нет ли единой горы,—писал Паллас,—а особливо в сей стране, где бы не находились древние огарки, или полувываленные колчеданы, также древние конали и ширфы, и долины наполнены вышеописанными гробницами, в коих находят множество меди и золота, которое здесь прежде бывшие обитатели достали».⁵

В пределах Минусинского края началась усиленная разработка рудных богатств. Медные рудники были открыты на Карыше, около о. Иткуля, на р. Коксе, на Сырах (между Камыштой и Аскысом), недалеко от Сайнского острога «на обысканном рудоискателем Андреем Соколовским медном руднике» и др. Для переработки руды был основан (1740 г.), на правой стороне р. Енисея, Лугавский завод, с применением труда каторжан. Этот завод дал начало селу Лугавскому. Железные и чугуноплавильные заводы были основаны на рч. Ирбе, правом притоке р. Тубы, и на Езугаше, на р. Енисее.⁶

Петр I и его приемники фактически продолжали мероприятия московского правительства. Но в то время как

последнее действовало эмпирически, первые могли вести уже определенную экономическую политику, руководясь в лице государственных деятелей той эпохи началами т. н. учения меркантилизма.

Уже в 1713 г. командируется «дозорщик» Тихон Беляев, к которому дается распоряжение осмотреть и привести в известность рудоносные местности—«и учиня тем рудам пробу и описав места, много-ль рудны те места и какие можно завести заводы, и буде можно быть не малому промыслу, то ему дозорщику должно заводить в удобных местах заводы».⁷

В 1720 году была опубликована «всемилодивейшая привилегия», «дабы каждому охотнику, какова б чина и достоинства ни были, как горное и плавильное дело, так и железные заводы и разные к тому подобные фабрики и мануфактуры заводить свободно было, також и всякие руды приискивать, как на собственных, так и на чужих землях». Когда этой «привилегией» пожелал воспользоваться Тобольский посадский человек Пиленко-Борзов, которого «возбудила весьма охота для пользы Российскому государству завести железные заводы», между прочим, в Енисейской провинции, то правительство немедленно пошло ему навстречу. Будущий заводовладелец был изят, «покамест опой завод содержать будет в добром состоянии», из общей подсудности, с подчинением берг-коллегии; было строжайше запрещено вмешиваться в заводские порядки или применять меры, могущие повлечь остановку завода, «под опасением его императорского величества гнева и пени и платежа за убыток, который тою остановкою учинится».⁸ И впоследствии мы видим те же заботы о горнопромышленниках. В 1760 г., например, мы встречаем приказ Абаканского комиссара о том, чтобы «находящемуся в здешних

верховых местах у прииску к пользе государственной секретных вещей рудонскателю, томскому разночинцу Дмитрию Васильеву и сыну его Матвею, где ими прииски производятся, там живущие обыватели никаких ему в том ни мало помешательств, обид и налог не чинили, по как они, так и находящиеся здесь командиры, старосты, сотские и десятские для пользы высокого интереса чинили всякое вспоможение и ему, Васильеву, охранение».⁹

Рудное и заводское дело в крае пало очень скоро. К приезду Палласа его можно было считать прекратившимся. Причиною неудачи Паллас считал недостаток технически и научно подготовленных служащих, примитивность приемов и плохую организацию дела.¹⁰

Более прочно организовалась добыча соли. Самосадочное озеро Тустыколь снабжало солью весь тогдашний Красноярский уезд, включавший значительнейшую часть нынешней Енисейской губернии.¹¹

В деле колонизации края эти опыты развития горной промышленности тем не менее сыграли свою роль. Железо из Ирбинского завода шло сплавом по Тубе и Енисею до д. Яновой, отсюда гужем до д. Легостаевой на Чулыме, где оно снова погружалось на суда и шло по Чулыму и Оби на алтайские заводы. Таким образом эти две деревни играли роль пристаней. Впоследствии Янова играла роль складочного места и пристани для вывоза казенной соли с Тустыколя. Семьино-каторжные, работавшие на Лугавском и Ирбинском заводах, положили начало селениям Лугавскому, Минусе и селениям при-Ирбинского района.

Озабочивало правительство и развитие винокурения, помимо его доходности, дававшего место для сбыта хлеба. В 1706 году издается указ для Сибири «в острогах и в слободах и в деревнях кабаки сделать по всем улицам и

по переулкам, или где пристойно, чтоб перед прежним сделать кабаки во многих местах».¹² Производство вина велось за счет запасов казенного хлеба, но разрешалось и покупать хлеб для этой цели.¹³ Но, конечно, ощутительного влияния на колонизацию края винокурение не могло иметь.

Не имела всего возможного влияния в этом направлении и внешняя торговля.

Петр I усиленно заботился о торговом и политическом сближении с Китаем. В этом отношении он опять шел по следам своих предшественников. Еще послам к Алтынхану постоянно наказывалось собирать сведения о Китае, путях в него и товарах, могущих иметь там спрос. В 1676 году на знаменитого Николая Спафария было возложено деликатное поручение определить, насколько осуществимо «у царского величества с Китайским богдоханом дружба и любовь и ссылка», (т. е. обмен посольствами и политические и торговые сношения).¹⁵ В 1719 г. правительство Петра I «с китайцами договорилось Лоренца Ланга при дворе богдоханова величества оставить агентом», на положении равном с «другими консулами, которые обретаются от других государств». К Лангу был прикомандирован «по-сылаемый для усмотрения тамошнего купеческого обхождения Николай Крисниц».¹⁶ Китаем была допущена т. н. караванная торговля, и китайцы стремились ограничить и регламентировать размеры этой торговли. К такой же регламентации стремилось и русское правительство. В 1706 году царской грамотой на имя енисейского воеводы запрещается всяким людям, под страхом смертной казни, ездить без особой грамоты в Китай, так как «ведомо учинилось, что всяких чинов люди многие ходят, и тем китайский торг портят, и многую чинят ссору».¹⁷ Из донесений Ланга

в 1722 г. мы узнаем мотивы этого запрещения. Во-первых, в торговых операциях помещались царские капиталы; во-вторых, стремились не допустить большого наплыва русских товаров, чтобы последние пришли «в Хине в лутчую цену»; в третьих, Ланг указывал, что китайцы действуют сплоченно, «сочиня между собою кампанию», и «не позволяют другим лицам, кроме компанейщиков, ходить в посольские полаты». В караване достигалось некоторое объединение.¹⁸

Привилегированное положение китайской торговли неблагоприятно отражалось на торговых сношениях с другими странами. В 1709 г. «о пропуске чрез сибирские города русских людей и иноземцев в Мунгалы с товары и без товаров было запрещено». Через пять лет иркутским купцам удалось получить разрешение ездить на Ургу «для торгового промыслу», при условии «объявления товаров и платежа пошлин»; товары пропускались «по выписям». Через восемь лет это разрешение распространяется на другие города в виде временной меры («до указа»). Требовалось, «чтоб купецких людей для торгового промыслу по выписям с товары в Мунгалы отпускать с такими ж товары, которые **в китайской отпуск неудобны**».¹⁹

Таким образом наиболее ценная и имевшая значение для колонизации Сибири, а в частности Минусинского края, торговля с Монголией и Чжунгарией, была обречена на уничтожение. Эта торговля должна была развиваться не только без содействия правительства, но и против его воли. В начале XVIII в. торгующие люди («гости») и их прикащики вели в калмыцких землях довольно значительные операции. Одна такая группа располагала капиталом свыше 10 тыс. рублей. Правительство, узнав об этих «гостях», обосновавшихся среди калмыков, ведет настойчивые пере-

говоры с контайшей, требуя выдворения их в русские пределы. Эти хлопоты о высылке торговцев оправдывались опасением, что «они, захав в степь, живут многое время и с иноверцы души свои сквернят и в христианском законе попечение и возвращение на подлежащее свое христианство знатно не имеют, и опасно, чтоб они не отпали веры христианские». Государственные люди эпохи Петра I не боялись уже «скверны для души» от общения с иноверцами; поэтому реальное основание было в подозрении, что товары торговцы «возят или высылают безпошлинно, утайкою».²⁰ Через полстолетие мы снова находим переписку с контайшей о высылке русских купцов. Чжунгарский контайша по этому поводу писал тобольскому губернатору: «А что касается до желания твоего, чтоб ваших купцов, не пропуская в другие места, отпускать к вам по прежнему, и у нас издревле такое обыкновение есть, что мы никаких купцов, чьи б они ни были, не принуждаем, чтоб они ехали возвратно, или б у нас жили, но они каждый по своей воле и желанию у нас живут и возвратно отъезжают. А чтоб мы принудили их силою возвратиться, или здесь жить, такого обыкновения у нас нет».²¹

Между тем развитие торговли с Монголией могло бы иметь огромное значение для хозяйственного развития Миусинского края, тем более, что и самая торговля с Китаем могла бы быть улучшена. Тот же коммерческий агент в Пекине, Лоренц Ланг, писал, что «томские жители удостоверяли, что нет ближе дороги и прямее ехать в Хину, как через Бакан скрозь некоторые горы». Прошедшие с торговым караваном по этому пути в 50 дней «татары сказывают, что нужно есть починить дорогу для езды на телегах и посылать тем путем вперед караваны».²² Речь шла об одном из упоминавшихся нами исторических путей

через Июсские и Абаканские степи, Абакан, Джебаш с Чеханом, Кантигир и Кемчик. Этому пути, несмотря на признанные его удобства, суждено было дожить до нашего времени в виде выючной тропы.²³

Смутные обстоятельства, наступившие в Засаянье, а затем разгром китайцами Чжунгарии совершенно отрезали Минусинский край от стран к югу от Саян и пресекли торговые сношения. Последние возобновляются через много лет казаками пограничных форпостов. После трактата, заключенного Рагузинским и установившего отдельную границу между Китайской и Российской империями, на казаков была возложена обязанность периодически выезжать на проверку пограничных знаков.²⁴ Надо иметь в виду, что после заключения упомянутого трактата (1727 г.) Чжунгарское государство существовало еще около 30 лет, и значительная часть Засаянья составляла владения контайши.²⁵ Поэтому особым вниманием пограничных караулов должен был пользоваться знак, отмечавший пересечение границ трех государств. Инструкцией и предписывается пограничным «дозорщикам» разезды чинить между Российской и Китайской империями, начиная от Кузнецкого ведомства, от Контайшина владения, от первого **граненого маяка**, где поставлен знак на хребте Шабина Дабага; также и к Иркутскому ведомству определенные на устье рек Чабану и Чаган Махапа.²⁶ Главный съезд казаков и сойотских бойцов и происходил у этого «граненого маяка», сохранившиеся по традиции и после падения Чжунгарского («контайшина») государства. Съехавшиеся дозорщики удостоверились в сохранности знака, обменивались официальными приветствиями, осведомляясь, что в соседних государствах все, бог дал, обстоит благополучно, и передавали друг другу следы, т. е. сведения о признаках чьего либо проезда в

ту или другую сторону. Казакам разрешалось брать с собою немного товара, на который и выменивался у сойотов скот, после окончания официальных церемоний.

Эти меновые сделки стали заметно увеличиваться лишь в XIX в. К середине последнего появились русские засельщики в Усинском крае. С их водворением русская торговля в Урянхае сохраняет почти монопольный характер до начала XX в., пойдя быстро на убыль с появлением здесь отделений китайских фирм.²⁷

В описанных условиях внешняя торговля могла иметь значение для экономики Минусинского края постольку, поскольку в ее результате в Восточной Сибири стали развиваться крупные городские центры, являвшиеся рынками для сбыта сельских продуктов. По состоянию путей сообщения из Минусинского края мог идти лишь скот на иркутский рынок. Иркутск в последней четверти XVIII в. уже испытывал большую нужду в мясе, и администрация принимала постоянно разные меры к «уравнению цен и к удовольствию неотяготительному говядиною обитателей».²⁸ Обычной мерой являлась обязательная такса на мясо и другие съестные припасы.²⁹ Но принимались и более широкие меры. В 1781 г. был объявлен указ Качинской земли ясачным князьям о вызове желающих пригонять в Иркутск скот на продажу и к продовольствию тамошних жителей.³⁰ Такой же спрос на скот был на Алтае, где потребителями являлись заводы. Торговля, главным образом, сосредоточивается в руках красноярских купцов. «Рогатый скот, — писал Паллас о левобережной части Минусинского края, — которого здесь отменно много родится, гоняют из сих земель не только через Удинск в Иркутск, но также через гору в Кузнецк к Колыванским рудникам и заводам, оттуда далее в Барабу, даже до Тобольска в великом множе-

стве, где оной становится тучнее киргизских быков. Гоняют же его летнею порою, ибо тогда только дороги к сему способны, но для возов оне по причине диких гор совсем непроходимы. По Кузнецкой стороне первая половина дороги по Саянской степи весьма изрядна,³¹ но сколь половина сия хороша, столь затруднителен въезд на гору, за которою находятся в Томь впадающие реки, где торгующие скотом строят плоты и на них его в Кузнецк отсылают».³² Для первой половины XIX в. об Иркутском рынке говорит кн. Костров, отмечая, что и лошади, и рогатый скот обывались почти всегда за бесценюк.³³ При удаленности и сравнительно малой емкости рынка и дурных средствах передвижения, цены на местах скупа и должны были быть низки. Тем самым скотоводческое население, лишенное покупательных и платежных средств, должно было прибегать, в широких размерах, к запродажке наличного скота или приплода под забираемый вперед товар. Эту торговлю, основанную на кредите и раздаче товара под скот, естественно взяло в свои руки купечество ближайшего при трактового города Красноярска.

Красноярское купечество ревниво защищало свое монопольное положение в торговле минусинским скотом, опираясь на то основание, что «инопородным купцам по городскому положению в других уездах торговать запрещено». Когда иркутские купцы, считаясь с дороговизной мяса на иркутском рынке, сделали попытку непосредственно на местах закупать скот и лошадей «за наличные деньги», то Красноярский Городовой Магистрат немедленно обратился в Иркутский с просьбой воспретить иркутским купцам и мещанам производить в Красноярском уезде торги. В дело вмешались Красноярский Нижний земский суд и администрация. Доверенный иркутских купцов, производивший за-

куп скота, был «взят под стражу и посажен на цепь, бит по щекам». Сторону иркутских кушцов принял иркутский губернатор, который снесся с колыванским губернатором, и последний разрешил пропустить закупленный скот, «изъявляя обязанность вспоможения по соседству у губерний и надобность Иркутскому городу в скоте». ³⁴ Но Красноярское купечество, ссылаясь на причиняемый ему в «комерции немалый подрыв и предубеждение», добилося того, что переписка по вопросу о дальнейших закупках затонула, между тем как иркутский губернатор в следующем году обращался в Иркутскую Думу с предложениями «всеми мерами отвратить недостаток в мясе и доставить посредством доброго ея распоряжения безбедную мяс продажу». ³⁵

В 1822 г. последовал указ о разделении Сибири на Восточную и Западную; одновременно учреждалась Енисейская губерния из частей Томской и Иркутской. Относительно наиболее целесообразного проложения губернской границы были запрошены мнения представителей городских и сельских обществ. «Красноярский городской голова, по приговору общества, доносил, что красноярские кушцы (19-ть капиталов) и зажиточные мещане издавна занимаются торговлей в русских селениях по рекам Енисею, Абакану и Июсу и по инородческим улусам в ведомстве Красноярской округи, по притокам Енисея: Биче и Коксе, Абакана—Уйбату, Камышите с левой стороны и Бии и Уту справа». «По всем этим местам Красноярские жители закупают разные товары». ³⁶ Вся их торговля поддерживается только этими местами. Они имеют большие долги на инородцах. Покупаемый у инородцев скот употребляется для продовольствия в Красноярске и отправляется в Иркутск и Енисейск, а оттуда получают разные китайские и русские товары». «Красноярские жители признают необходимым продолжать

и на будущее время торговлю с теми же инородцами, тем более, что эти инородцы пользуются их доверием, и кроме того, находящиеся в Кузнецкой округе покупают хлеб из Минусинской и других волостей, находящихся по Енисею, и продают свои припасы красноярским купцам, так как из Кузнецка купцы к ним никогда не приезжают для покупок, вследствие неудобного проезда (через высокие горы). Пушнина также проходила через руки красноярских купцов, которые указывали, что «промысел зверей инородцы Кузнецкого ведомства³⁷ производят по правую сторону Енисея, вообще с качинцами, к стороне Нижнеудинских карагас». «Товары, скот и лошади доставляются от них во всякое время года, удобными степными местами, в Красноярск. Всех товаров получается от кузнецких ясачных на сумму от 50 до 80 т. рублей». «Если,—по мнению красноярцев,— эти ясачные, при определении границы, останутся в Томской губернии, то красноярские купцы, не имея в виду других выгодных для торговли мест, должны будут подвергнуться упадку торговли и не будут в состоянии записываться в гильдию».³⁸

Чтобы уяснить, какое значение имела эта торговля для экономического развития края и хозяйственного положения инородцев в частности, надо помнить, что она, как мы указывали, была в сущности меновая и основывалась на кредите. Купец «задавивал» товар под скот, шкурье, меха, сало, шерсть, масло. Все это сырье шло за бесценок. Паллас писал, что в его время в Красноярске бык продавался за 1 р. 50 к., корова за рубль, кони по 2-3 рубля, овцы по 30-40 коп., пуд мяса 15-25 к., пуд ржаной муки 2-3 коп., пшеничной 4½-5 коп. Кн. Ростров также говорит, что и в первой половине XIX в. скот продавался «за бесценок». Инородцы могли получать ничтожное количество фабрикатов,

в то время как сами отдавали большие количества продуктов своего хозяйства. С другой стороны, инородец, раз задолжав, редко распутывается благополучно с долговыми обязательствами. Как показывает недавняя практика в Урянхае, часто половина долга в таких случаях уплачивается, а остальная удваивается.

Красноярские купцы, указывая в 1822 г., что инородцы пользуются их «доверием», сообщали, что «качинцы» (т. е. так называемые абакапские инородцы) имели торговые обороты с белтирами, сагаями и бирюсами.³⁹ Богатые инородцы принимали деятельное участие в торговле, являясь поручителями и посредниками по сбыту товаров. Таким образом прежние «киштымы» продолжали сохранять экономическую зависимость, а запутываясь в долгах, переходили на положение бесхозяйных рабочих богатого скотовода.

Красноярский торговый капитал разрушал среднее хозяйство, ведя к обеднению низов и сосредоточению достатка в немногих руках. Первый енисейский губернатор Степанов отметил отражение этого расслоения в бытовой обстановке. Низенькие, плохо прикрытые срубы служили зимними жилищами для недостаточных инородцев; внутри — не чисто, бедно. Внутренность легких юрт, прикрытых вываренной берестой, — не лучше. «Но загляните, — говорит Степанов, — в степную ротонду богатого татарина. Против самого входа стоит диван с сафьянным красным тюфяком, за шелковою занавескою китайской материи. От него по обеим сторонам, вокруг степ. поставлены в два ряда сундуки, обтянутые сафьяном разных цветов, окованные в решетку белым железом. Над ними, ближе ко входу, развешены седла и узды с серебряным прибором. Ближе к дивану стоят на полках фарфоровые чашки, чайнички, медная чистая посуда, самовары». «Все убранство, между костром и сундуком, покрыто кошмами, коврами, сафьянными подушками».⁴⁰

Аналогичную роль с торговым капиталом играла и организация податного обложения. Ясак уплачивался ясачными князьями, которым за исправный взнос давались подарки — «табак, бисер и прочие штучки». ⁴¹ Обычно князец вносил ясак за свой улус из своих средств, при помощи часто и других богатеев, а затем уже собирав в свою пользу, конечно, с выгодой для себя. ⁴²

Мы уже указывали на падение звероловного промысла в XVIII в. и на те меры, которые принимались правительством для охраны звероловных «ухажий» от лесных пожаров. Водворение русских влекло за собой не только сокращение поступления в казну пушнины, переходившей в руки частных лиц, но и хищническое истребление промыслового зверя. В 1745 г., напр. возникает дело о разnochинце Песелове, который разорил бобровые гнезда на р. Шуне, поселившись насильно среди койбалов, в д. Шунерской, и вызвав жалобы инородцев. ⁴³ Еще в 1732-33 г.г. делаются распоряжения о разных лицах, которые «поселились и живут в ясачных землях самовольно без указа или по закладным и **поступным** записям и по письмам от ясачных иноземцев»; таким приказывалось «высылать на прежние их жилища, не взирая ни на какие их крепости, а дворы их и прочие заводы сломать». Указывается, что от этих самовольных засельщиков «иноземцам немалое разорение» чинится. ⁴⁴ В конце XVIII в. правительство продолжает бороться с наносившей ущерб казне деятельностью русских торговцев и промышленников. Князьям запрещается пропускать «к ясачным, прежде сдачи ясака, русских и особливо купцов»; издаются «правила для в'езда русских в ясачные земли»; запрещается давать в долг вещи или деньги. ⁴⁵ Запрещение в'езда русским до уплаты инородцами ясака вошло и в заменявшую положение об инородцах инструкцию, данную в

1763 г. майору Щербачеву, согласно которой, требовалось, дабы «въезд в стойбища инородцев позволяем был не иначе, как во время ярмонок и в присутствие сборщиков податей».⁴⁶

Уже самое обилие запрещений и повторение ограничительных и запретительных распоряжений указывают, что борьба правительства в защиту инородческого звероловного промысла имела слабые результаты. Ценные звери (как, напр., бобер) были истреблены; звероловный промысел утратил совершенно самостоятельное значение, превратившись в подсобный. Хлебная торговля развивалась за счет снабжения хлебом северных районов в системах Оби и Енисея. Опыты земледельческого хозяйства в Енисейском уезде не дали положительных результатов, «по причине холодного и мокрого положения», как выразился русский переводчик сочинения Палласа. Поэтому, с передвижением хозяйственного центра к югу, из Енисейского уезда двинулась часть населения, привлекаемая «великим удобством к земледеливанию» и «наибольшими прибытками от звериной ловли и сожигания пепла для юфтенных заводов». Этими енисейскими колонистами был основан целый ряд селений в районе Чулыма и Кемчуга—Кемчуг, Сосновское, Назарово и др. Хлебный рынок не мог быть емким соответственно производительности свежих, чрезвычайно плодородных земель.⁴⁷ «Под самую деревню,⁴⁸—говорит Паллас,—построены на Чулыме житницы, каковые, сказывают, построены также в 60 верстах далее в сторону у обыкновенных амбаров для товаров, при устье Кемчука. В сии житницы кладут тот хлеб, который подрядчики по Чулыму в Обь, частью в Сургут, Нарым и прочие на севере лежащие безхлебные страны, частью вверх по Оби в императорские сибирские заводы и на линию на Иртыш возят. Красноярский уезд⁴⁹ столь благословенное имеет в хлебе обилие, что крестьяне из близких

и дальних мест охотно отдадут в сии житницы рожь за 5 и за 6 копеек пуд». ⁵⁰

В таких условиях земледельческая колонизация не могла развиваться быстро и широко. Мы видели, что некоторые селения возникали под непосредственным воздействием горной промышленности. Скототорговля и хлеботорговля также способствовали росту благоприятно расположенных селений. Паллас называет Балахту, как большое село, разделенное на несколько деревень. Тогда же начинает приобретать значение центра по скототорговле Абаканск, сохранивший это значение и в XIX в. и заявивший аналогичное место и в хлебной торговле. Абаканское село в эпоху Палласа было административным центром. ⁵¹ «Здесь находится, — писал Паллас, — судебное место и управитель, который не только около лежащие русские деревни и под начальством комиссара состоящих крестьян под своим ведением имеет, но также по левую сторону Енисей Качинских, а по правую Койбалских и Киштымских татар». Село Абаканское расположено весьма благоприятно. Оно лежит несколько выше устья р. Сыды, по которой идет скотопротонный путь в Канский уезд. Выше в Енисей впадает р. Туба (Упса семнадцатого века), пересекающая самый богатый по хлебной производительности район. ⁵² «Промысел Абаканских жителей, — по сообщению Палласа — так, как почти всех по вышеим областям. Енисей рассеянных России, состоит, кроме нужного земледелия, главным в скотоводстве и в скотной торговле». ⁵³

Несомненно, направление и размеры земледельческой колонизации определялись не одними экономическими обстоятельствами, но и естественно-историческими условиями отдельных районов. Эти условия в XVIII в. не были ни теоретически, ни практически изучены. Колонисты путем опы-

та, эмпирически, закрепляли одни местности за сельскохозяйственным хозяйством, а из других принуждены были уходить. Паллас упоминает о русской деревне Синявиной, населенной «кузнецкими мужиками». ⁵⁴ Это и теперь существующее небольшое село на рч. Нине, в пределах бывшего Алтырского княжества. Но русского сельскохозяйственного населения там совершенно нет. Русские колонисты ушли. Здесь сельскохозяйственное хозяйство недоступно, вследствие высокого положения над уровнем моря и близости «Белгорья». ⁵⁵ В таком же положении находятся верхние части левых притоков р. Абакана—Уйбата, Аскыса, Еси и Теи, ⁵⁶ и правых притоков Б. Июса—Уленей, Тунгужулы, а также вся юго-западная часть нынешнего Ачинского уезда, которую еще кн. Костров отмечал, как «совершенно неудобную» для земледелия. ⁵⁷ Северо-восточная часть кизыльских земель этим писателем отмечается, как «весьма удобная для земледелия, но—по его изучениям—производить его (земледелие) в большом количестве невыгодно, п. ч. снега выпадают здесь довольно рано и очень долго лежат весною», чем и объясняется незначительность распахов в то время у инородцев. ⁵⁸

Примечания к 6-й главе.

¹ Комиссия установила такое направление тракта: от Красноярска до Лодейки 7 верст, затем до Канска 223 в., до Удинска (теперь Нижнеудинск)—402, до Балаганска—448, до Бейтоповой—58, до Малты—48, до Жилиных—86, до Иркутска—10 верст, всего 1282 в. *Пам. Сиб. Ист.* т. II, № 72. Из этих данных видна слабая населенность средней полосы Сибири в то время.

² Козьмин. *Очерки прошлого и настоящего Сибири*, стр. 4, 234.

³ В этом отношении весьма интересно хозяйство усанских крестьян и русских колонистов Урянхай. Ср. *Ошурнов. Из странствий по земле урянхов*. Сиб. Сборн. 1892, т. I; *Родевич. Очерк Урянхайского края*. Сиб. 1910.

- ⁴ Доп. к А. И. т. X, № 77, X.
- ⁵ Паллас, н. с., т. II, кн. 2, стр. 471; ср. Катанов. Известия Лоренца Лянга о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск, 1905, стр. 5; Попов. О чудских могилах Минусинского края. Изв. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ., 1876, т. VII, №№ 2 и 3, 4 и 5.
- ⁶ Паллас, н. с.; ср. Ватин. Минусинский край, глава «Горное дело».
- ⁷ Пам. Сиб. Ист., т. I, № 121.
- ⁸ Пам. Сиб. Ист. т. II, № 116. Борзов предполагал разведывать также медные и другие руды, «дабы от заводов плод показать и подземное открытое богатство втуне не лежало, но процветало». В 1722 г. был издан указ, что его императорскому величеству известно учинилось об обидах и препятствиях, чинимых помещиками и их управляющими «при прииске всяких руд и минералов»; указ грозит за это «штрафом не малым».
- ⁹ Ватин, н. с. стр. 183. Этот документ и другие подобные извлечены автором из архива бывшего Саянского острога.
- ¹⁰ Паллас, там же, стр. 470 и др.; ср. Из истории горной промышленности. В. О. 1883, № 7, стр. 3.
- ¹¹ Около Сарагана некий Потехин добывал соль в озере, носящем теперь название Варчаго (1758), когда на Тустыколе соль перестала осаждаться (Паллас, II, 2, стр. 479; теперь на этом озере соляной завод).
- ¹² Пам. Сиб. Ист. т. I, № 70.
- ¹³ Пам. Сиб. Ист. т. II, № 7: «Если будет хлеба государева доволство на вишное курение, то не покупать и сидеть из государева, а будет не достает, то в то время хлеб покупать на вишное курение». Казенная запашка еще существовала в то время в Минусинском крае. В 1751 г. саянскому прикащику предписывается донести, «каков уродился» «нынешнего лета казенный и партикулярных людей хлеб» (Ватин, н. с., стр. 81). Указ об отмене «государевой пашины» в Сибири вышел в 1761 г. (Козьмин, н. с., стр. 234).
- ¹⁴ Этим мотивировались мероприятия по развитию винокуренного дела и в первой половине XIX в. Ср. Прутченко. Сибирские окраины, Спб. 1899, т. I, стр. 322 и сл.
- ¹⁵ Путешествие, стр. 152—163.
- ¹⁶ Пам. Сиб. Ист., т. II, № 82.
- ¹⁷ Пам. Сиб. Ист. т. I, № 68.
- ¹⁸ Ланг предлагал проект объединения и русских купцов в компанию, «сочиня добрые уставы». Пам. Сиб. Ист., т. II, № 82.

¹⁹ Пам. Сиб. Ист., т. II, №№ 80 и 86.

²⁰ Пам. Сиб. Ист., т. I, № 40. «Скверна для души» была впрочем популярным мотивом у московских людей. Ср. Котошихин. **О России в царствование Алексея Михайловича**. Спб. 1840, стр. 41: «для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веру и обычаи, начали бы свою веру отменять и приставать к иным, и о возвращении к домам своим и к сродичам никакого пощения не имели и не мыслили».

²¹ Потанин. Материалы, стр. 119-120.

²² Пам. Сиб. Ист. т. II, № 82 (Бакал-Абакан; Хина-Китай).

²³ Об этой тропе см. у Адрианова. **Очерки Минусинского края**. Т. 1904, стр. 25-28; Родевич. **Очерк Урянхайского края**, стр. 86.

²⁴ Словцов. н. с., кн. II, стр. 278.

²⁵ Это обстоятельство опускалось из вида всеми авторами, писавшими по вопросу о правильности государственной границы, проходящей по Саянам. Путилов. **Путешествие на Ус и в землю урянхаев**. Сибирь 1877, №№ 42 и 46, 1878, № 3, корреспонденция из Минусинска—Сибирь 1879, № 10; Родевич. **Очерк Урянхайского края**.

²⁶ Потанин. Материалы, стр. 68-69 (1745 года).

²⁷ Местная Сибирская администрация по традиции относилась отрицательно к водворению русских за Саянами. Русские засельщики выдворялись мерами полиции. См. Ландарма. **Русские поселки в Урянхае**, Сибирь 1910, № 222; ср. Ошурнов. **Из странств. по земле Урянхов**. Сиб. Сборник. 1892, вып. I, стр. 85-86: «Само Усинское селение представляет из себя, можно сказать, почти сплошную торговую факторию, непрерывно ведущую меновой торг с сойотами». Запрещение торговли в Урянхае имело место на протяжении всего XVIII в. Ср. Ватин. **Минусинский край**, стр. 131, 163-165; устраивались облавы на торговцев, ездивших в Мунгальское владение.

²⁸ А. М. Серебренников. **Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введении городского положения 21-го апреля 1785 г.** Иркут. 1894, вып. I, стр. 55.

²⁹ Таксировка цен на продукты восходит по указу Сената 1725 года «о продаже с естных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов». П. С. 3. т. VII, стр. 402.

³⁰ Кузнецов. Архив Аск. ст. Думы, стр. 3. *Молит. 1892*

³¹ К Кузнецкому уезду, как было выше указано, принадлежала вся юго-западная часть Минусинского уезда, ограниченная Уйбатом

и Абаканом. Дело идет о т. н. Сагайской степи, которую надо подразумевать под «Саянской» (последнее название, вероятно, результат ошибки или опечатки).

³² Паллас, н. с., II, 2, стр. 476. Относительно способности инушского скота к быстрому улучшению см. **Дубенский. Скотоводство «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ.»**. Иркут. 1893, вып. IV, т. IV, стр. 239.

³³ **Кн. Костров. Кизильские татары**, стр. 11.

³⁴ Иркутский губернатор писал Колыванскому, что «вверенные им губернии состоят в соседстве и под начальством одного генерал-губернатора, следовательно и обязаны в рассуждении в которой либо недостатка, в чем случится, а колым паче в жизненных припасах, подавать всякое возможное пособие».

³⁵ **Серебrenников, н. с.**, стр. 53 и сл. (эта интересная небольшая работа представляет извлечения из архивных данных).

³⁶ Хлебная торговля также была в руках красноярцев, в значительной мере. «Из Балахтинского комиссарства купечество нередко доставляло по р. Юсу, получившей впоследствии название Чулыма, всякого рода хлеб в Нарым и Сургут» (те же сведения; торговый оборот красноярских купцов определялся в 250-350 тыс. рублей).

³⁷ Под этими инородцами подразумеваются аскыские инородцы, за исключением койбалов («Белтирская, Сагайская и Бирюсская инородческие волости, кочующие по левым притокам Абакана—Аскысу, Исе, Тее, Таштыпу, от вершин Томи, и правым—Табату и Сосе»). В Енисейскую губернию они и вошли в результате приводимых сношений.

³⁸ **В. И. Вагин. К истории сибирского межевания (разграничение Западной и Восточной Сибири)**. Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. 1872, т. III, № 2, стр. 100-101.

³⁹ **Ср. Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях**. Предание о белтирах говорит, что кацинцы презжали к ним с мелочным торгом; торговля была очень выгодная, ибо за иголку и наперсток можно было брать кобылу с жеребенком. В этом предании, конечно, есть преувеличение, но не столь значительное, как может показаться. В первый период торговли с сойотами за иголку брали барана. Покойный деятель в Урянхее, Г. П. Сафьянов, показывал нам дорогие сойотские футляры из камня для иглоков. На наш вопрос, почему сойотки для такой дешевой вещи, как игла, имеют

такие ценные помещения, Сафьянов ответил, что он сам помнит время, когда игла стоила рубль в Урянхае.

⁴⁰ Степанов, Енисейская губерния, ч. II, стр. 86. Мы должны представлять, какие количества скота должны были, при его дешевизне, пойти за эти предметы элементарной роскоши. К середине XIX в. упадок благосостояния был уже так велик, что сафьянные красные тюфяки и шелковые китайские запавески были, по словам кн. Кострова, «неслыханной редкостью в качинских кочевьях» (кн. Костров. Качинские татары, стр. 31-32). О жилищах бедняков см. Паллас, н. с., т. II, кн. 2, стр. 449-450; Риттер. Землеведение Азии, т. IV, дополнения, стр. 551.

⁴¹ Кузнецов. Архив, стр. 2.

⁴² Фактически это был откуп. Эта система дожила до недавних дней; инородческие общества по безнедоимочности были всегда на лучшем счету у администрации. К этой системе в XVIII в. вели суровые меры, как введение воинских команд и их постой у инородцев. Кузнецов. Архив, там-же. «Земский суд не упустит умножить на двойную порцию солдат».

⁴³ Ватин, н. с., стр. 95.

⁴⁴ Ватин, н. с., стр. 93-94, 121 и сл. «Поступные записи», очевидно, документы аналогичные т. н. «уступительным», на основании коих происходит водворение русских в Урянхае. См. цит. ст. «Русские поселки в Урянхае» в газ. «Сибирь».

⁴⁵ Кузнецов. Архив, стр. 6 и 9.

⁴⁶ Прутченко. Сибирские окраины, т. II, стр. 175-176; Ватин, н. с., стр. 121-122. В положение об инородцах 1822 г. вошло ограничение водворения русских без общественных разрешительных приговоров.

⁴⁷ Миллер и Фишер отметили, что в XVIII в. переселенцы попробовали, по привычке, удобрить земли, но потерпели неудачу: хлеб не дал колоса, т. е. «пошел в дудку», как говорят сибирские крестьяне.

⁴⁸ Это село Ачинское, будущий г. Ачинск. От бывшего Ачинского острога едва оставались следы, хотя татары продолжали называть и село Аче-Тура («тура» — город, «аче» — племя ачинцев; Кузнецк называется Аба Тура, т. е. город абинцев).

⁴⁹ Красноярский уезд тогда заключал и значительнейшие части Ачинского и Минусинского уездов.

⁵⁰ Паллас, н. с., II, 2, стр. 443.

⁵¹ Абаканский острог так же, как Ачинский, представлял уже руины; состоял из одной деревянной церкви и нескольких домов. **Паллас, там же, стр. 475.**

⁵² Такое же положение занимает упомянутая выше Балахта, лежащая на Чулыме и в соседстве с скотопронным путем на Красноярск через Бирюсинскую тайгу («Лом»—XVII и начала XVIII века).

⁵³ Там же, стр. 475.

⁵⁴ Паллас, там же, стр. 480. Синявино, вероятно, получило имя от фамилии кузнецкого воеводы Синявина (1-я четверть XVIII века).

⁵⁵ Это обстоятельство отметил еще Словцов. «Как ни занимательна долина Абаканская,—писал он,—но пчела там не жужжит и не слышать соловья. Причина в возвышенности земли над океаном». (Словцов, н. с., ч. II, стр. 193). В 1890-х и в 1900-х годах русские пытались снова здесь обосноваться. Между прочим сюда пробовали переселиться крестьяне д. Иудиной, одни из лучших хозяев Минусинского края,—но эти опыты дали отрицательные результаты.

⁵⁶ Этот район находится в менее благоприятных условиях, чем расположенные в Саянах д.д. Арбатская и Абаканско-Заводская. Абаканский завод находится на высоте 2260 ф. над уровнем моря; между тем долина Узунжула, впадающая в Камышту южнее Нини, на высоте 3253 ф.

⁵⁷ **Кн. Костров. Кизильские татары, стр. 8.**

⁵⁸ Там же; ср. Риттер, там же, стр. 554-555. Паллас обилием снегов объяснял незначительные размеры скотоводства у кизильцев. Этим нужно объяснить их зависимость от кыргызов и звероловческий промысел (Паллас, н. с., II, 2, стр. 450; Риттер, там же). Кыргызы, как мы выше упоминали, имели широкий размах кочевков, и из за Июсов переходили в при-абаканские степи.

VII.

Два хозяйственных типа.

Миусинский край довольно резко разделяется на две различные и в естественно-историческом, и хозяйственном отношении половины. Правобережная, преимущественно земледельческая, половина и создала Миусинскому уезду репутацию «житницы Восточной Сибири». В ней преобладает лесостепь. Левобережная представляет, в большинстве случаев, высокоподнятые, волнистые степи, пересеченные отрогами Саян и Кузнецкого Алатау и всхолмленные возвышенностями, сложенными из осадочных пород¹. Горные массивы, окаймляющие ее, дают уклон к сев.-востоку, так что долина Енисея проходит как бы по дну огромного понижения, и к востоку снова начинается повышение, ограниченное отрогами Саян, наполняющими всю восточную часть Миусинского уезда и юго-западную часть Канского уезда. Преобладающее значение в Миусинском крае принадлежит ветрам западных румбов, преимущественно юго-западному, господствующему во время короткой, бурной и сухой весны.² Благодаря этим ветрам, лево-бережные степи представляют пастбища выдающегося значения. Зимой снежный покров выдувается, почему скот легко добывает подножный корм. Те же ветра высушивают почву, не позволяя напитываться влагой; этому способствует и волнистый рельеф, благодаря

которому вода быстро скатывается со склонов. Поэтому гололедица на сплошных пространствах в минусивских степях редкое явление. Летом ветры умеряют жару и не позволяют размножаться «гиусу» (овод, мошка и пр.). Разнообразный рельеф восполняет почвенную скудость. Смотря по времени года, туземцы скотоводы перестояют табуны и стада то на пригретые солнцем южные скаты, то на обильные травой и затененные северные склоны, то к озерам равнины, то в горные ущелья, служащие прикрытием от пург и от зноя. Пастбищные достоинства степей отмечались исследователями XVIII в. и писателями недавнего времени; «Обширная качинская степь,—писал кн. Костров,—покрытая роскошными пастбищами и перерезываемая речками и ручейками, как будто сама указывает своим жителям, что главною отраслью их хозяйства должно быть скотоводство»³.

Но эти же условия, благоприятствующие скотоводческому хозяйству, делают левобережные степи часто совершенно непригодными для земледельческой культуры. «Постоянные ветра и сильный летний зной,—говорит Яковлев,—не дают свободы действия атмосферным осадкам, этому могучему фактору разрушения твердых пород, а потому культурный слой почвы бывает ничтожен по глубине, тем более, что чаще всего ветер уносит почти весь мелкозем, оставляя крупнозернистую почву с неразрушенными кусками твердых пород в виде галешника и плитняка».⁴ В этом отношении у исследователей на протяжении полутора столетий нет разногласий. «Солнце палит жестоким образом,—описывает Степанов свои поездки,—воздух рябует в необозримом пространстве; ни деревца, ни кустарника; изредка цветы при-са: мало травы; вся поверхность земли растрескалась; все бледно и желто; источники, пересекающие поперек степь, мутны и теплы; только влево, вдали, из густой зелени вы-

казываются иногда жаждущему страннику струи Абакана. Там и сям, на пространстве 75 верст до Аскиза, разбросаны куполовидные берестовые юрты татар».⁵

Действие ветров на почвенный слой настолько велико, что к этому явлению население вынуждено приспособлять формы полеводства. Начальник командированной Переселенческим Управлением экспедиции для почвенных и ботанических исследований, Волков, в своем отчете писал: «Вспаханые поля особенно в засушливую осень, подвергаются очень сильному выносу мелкозема. Этим то обстоятельством объясняется тот факт, что поля осенью очень редко подвергаются вспашке, не смотря на кажущуюся необходимость в смысле обогащения их влагою зимних осадков. Иногда поля, вспаханные осенью, не имеют не только снега, но вместе почвенного слоя, под влиянием ветров, остается только грубый щебень и хрящ».⁶

Весенние ветры отличаются огромной силой. Тучи песка и пыли несутся на большие пространства. Возникает вопрос: куда же девается этот уносимый со степей мелкозем? На этот вопрос может быть дан довольно определенный ответ.

Пройдя известное пространство, ветер теряет силу; с другой стороны, наталкиваясь на препятствие, на возвышенность, он развивает большую механическую силу, увлекая довольно крупные частицы, но, преодолев препятствие, ослабевает и отлагает наиболее тяжелые вещества; далее уносится более легкая пыль. Мы видели, что наиболее энергичное действие принадлежит весенним, сухим юго-западным ветрам. Следовательно, и аэральные отложения надо искать в северо-восточном направлении. На левой стороне это будут горные складки, а на правой—главным образом при-тубинский район; при этом на правой стороне должны отлагаться наименее грубые частицы. Таким образом, пра-

вобережная сторона своим почвенным богатством, до известной степени, обязана соответствующему почвенному обеднению левобережных степей.⁷

Отмеченные явления определили пути и направления земледельческой колонизации, захватившей правую сторону и на левой районы расположения горных складок, образуемых, главным образом, отрогами Кузнецкого Алатау и Чулымско-Енисейской возвышенностью.⁸

На левой стороне от Енисея Паллас называет целый ряд русских селений, составляющих теперь Новоселовскую и Знаменскую волости и расположенных в районах указанных горных складок. Это уже названные Янова, Легостаева, затем—Ерба, Копены, Тесь, Сарагаши, Новоселово; теперь в Ачинском уезде: Копьева (тогда займа), Иркин, Сосновское, Балахта, Назарова, Серезж и др. В предгорьях Саян основываются Таштып и Абаканский Караул (теперь Арбаты).⁹

На правой стороне, во время Палласа, были значительные по тому времени деревни—Калтырева, Шунь, Усть-Ойская, Шунерская, в которой, между прочим, жили три брата «мунгальских пришельца», Коя, Минуса, Ульянова (Майдаши), Курагино, Пойлова, Шалаболина, Листвигова, Мальцева, Копранова и Тубинский городок; кроме того казачьи форпосты и караулы—Саянский, Ой-Кебежский (очевидно, нынешний Н. Суетук), Шадатский (потом перенесен на новое место, образовав Каратуз). Гмелин уже в 30-х годах XVIII в. нашел значительную часть этих селений.¹⁰

Сохранилось предание, что Курагино основано было тубинским князьком Курага, крестившимся при Петре I. Ряд селений в Минусинском крае (в при-тубинском районе, в Абаканской, Беллыкской, Комской, Знаменской волостях) инородческого происхождения. И вообще в состав земледель-

ческого населения правобережной стороны инородцы вошли в значительной массе. Это были те инородцы, которых Паллас называет «киштымскими и койбальскими татарами». Постепенно они выходили из под таежных районов в русские селения, то сразу обзаводясь самостоятельным хозяйством, то входя в качестве рабочих и членов семьи в крестьянские дома.¹¹ Характерны слова одного из старожилов д. Означенной. «Прадедушки наши еще жили в юртах, но хлеб уже засекали; деды переселились в избы. Я сам родился и вырос в дедушкином доме. Мы еще знаем, старики, по татарски, а дети кроме русского языка никакого не знают».¹²

В XVIII в. переселились с Казыра на Туоу, а потом вошли в состав койбалов маторы, численно сильно уменьшившиеся вследствие свирепствовавшей дважды оспы.¹³ Другую часть их Пестерев нашел на Амыле. В легких берестовых лодках они поднимались для охоты по этой реке.¹⁴ Степанов еще застал их у Шадатского форпоста, при чем они говорили все на татарском языке и не отличались от койбалов. По Палласу, это было бедное племя, жившее охотой и службой у богатых качинцев; земледелием они не занимались, но собирали сарану, сушили и толкли ее, подмешивая потом в кушанья.¹⁵

Остатки племен, объединенных под именем койбалов, сохранились до XX века. На правой стороне это была т. н. Салбино-Койбальская земля, обруселое население коей, причисленное к бывшей Абаканской управе, было устроено в земельном отношении паравне с русским населением. Точно также устроены и койбалы в междуречье Абакана и Енисея. Уже ранее значительная часть их была известна среди инородцев под именем «чжарым-газыхтар» (полу-русские). И теперь вопрос недалекого будущего—их ассимиляция с русским населением.

Здесь, быть может, уместно будет остановиться на вопросе о причинах этой этнической неустойчивости племен, объединяемых именем койбалов.

Известный историк и этнограф Щапов высказывал взгляд который можно формулировать, как **теорию расовых свойств**. По мнению этого ученого, койбалы были самоедского происхождения, и их туркизация закончилась к середине XIX века.¹⁶ «Койбалы,—писал он,¹⁷—составляли некогда чистую разновидность или ветвь самоедского племени, стеснившись в промежуточной полосе, в меньшем количестве, между татарами и русскими, сначала подверглись татарскому влиянию, потом русскому и, таким образом, мало по малу поглотились подавляющей силой этих двух народностей». Рядом Щапов подчеркивает поглотительные, ассимилирующие способности турков—татар и русских, как представителей сильных расовых типов. Эта теория, прежде очень распространенная, должна считаться поколебленной. История не знает чистых расовых типов. Насколько вглубь веков может проникнуть исследование, всюду приходится иметь дело с смесью племен, постоянно входящих в новые и сложные комбинации. Сам Щапов вносит существенную поправку, указывая, что присаянские самоеды представляли оторванные от самоедской массы, загнанные в глухие места и лишенные экономической самостоятельности остатки. С другой стороны, едва ли можно в настоящее время поддерживать мнение Палласа, Георги и Кастрена о туркизации этих племен лишь в русскую эпоху. Русские застали их жившими уже совместно с турками и говорившими на турецких наречиях. Маторов, байкотовцев, кайдынцев, сагаев, басагаров и др. они определенно называют татарами («байкотовские татаровья», «сагайский татарин», «кизильский татарин»). К ним, несомненно, примешивались и котовы, и ка-

масицы, т. е. енисейско-самоедские элементы, но в незаметных для глаза русских того времени размерах. Это были те же захваченные в плен канские и из других местностей зверолювы, которых тот же Иренак, как мы видели, отсылал в Кыргызскую землю, чтобы водворить среди одинаковых по образу жизни киргизских кнштымов. С потомками этого «ясыря» и могли беседовать Паллас и Кастрен, считая за сохранивших прежний язык племени, среди которого они были водворены и которому они могли, конечно, сообщить некоторый запас слов, оказать влияние на фонетику, как ссыльные поляки впоследствии сообщили сибирскому населению некоторые польские слова и речения.

Другая теория подменяет расовые типы хозяйственными. По этой теории происходит борьба не расовых типов, а хозяйственных. Несколько грубое и наивное применение этой теории к судьбам минусинских инородцев дал Кулаков, производивший исследование по поручению Енисейского Губернского Статистического Комитета в 1897 году. По мнению Кулакова, борьба происходит между земледельцами-русскими, как представителями высшего культурно-хозяйственного типа, и инородцами-скотоводами, носителями отсталых хозяйственных форм. Побеждает всюду земледелие, и скотоводы бегут перед лицом земледельческого населения в более удаленные места. «Так как процесс перехода от скотоводческого к земледельческому хозяйству совершается в последнее время у татар очень быстро, и границы земледельческого хозяйства, вытесняющего скотоводческое, быстро расширяются, то, обыкновенно, вслед за откочевывающими с полосы земледелия татарами, эта земледельческая культура следует вглубь татарских земель». «Это какое то вечное блуждание, оканчивающееся по большей части смертью, угасанием не сумевших приспособиться инородцев». ¹⁹ Эта

схема, при кажущейся простоте, страдает неопределенностью и сбивчивостью. Прежде всего Кулаков не отличает физического вымирания, физической неустойчивости от этнической. Поэтому он делает вывод, что «наиболее сильная часть» инородцев усваивает русские обычаи, обрусевает, а «менее сильная» борется против русского влияния и спасается бегством. Во-вторых, ассимиляция русскими коснулась, главным образом, той части инородцев, которую исследователи в XVIII и XIX в. отмечали, как наименее обеспеченную скотом, живущую охотой, собиранием съедобных растений или службой у скотоводов. В третьих, массовое исследование, произведенное Переселенческим Управлением, не подтвердило данных реконструктивного исследования Кулакова об изменениях в скотоводческом хозяйстве, изображенных им. В четвертых, борьба хозяйственных типов имеет место, но она происходит в условиях естественно-исторической обстановки. Наиболее сильная форма хозяйства по имеет абсолютного характера; она создается наибольшим соответствием данным природным условиям. Наиболее сильна та форма, которая, при данных условиях экономики, культуры, наиболее продуктивно и полно использует силы природы. Между тем, физико-географические условия Митусинского края ставят предел распространению земледельческой культуры, и если в лево-бережных степях имела место борьба за землю, то она происходила между скотоводами-инородцами и скотоводческим же русским населением.²⁰

Н. М. Ядринцев, на основании своих работ по изучению алтайских народностей, и в частности, т. н. черневых татар, высказал мнение, что оседлость и земледельческая культура зародилась не в степях среди скотоводов, а в лесах среди лесных кочевников и звероловов.²¹ «Природа,—писал он,—сокращает размах кочового маятника. Если горы ста-

вят уже препятствия для перекочевов, то еще более превращений совершается в условиях лесного кочевья. Леса ставят уже решительную преграду к большим передвижениям со стадами. Блуждание по лесам и беспрестанные перемены места были под силу только одинокому дикарю-охотнику без стад. У лесных же кочевников мы находим лошадей, коров и овец, хотя и меньше, чем у помадов. Лесной кочевник живет обыкновенно в долинах рек, где есть луговые места и пастбища, лежащие полосками около лесов. Но так как скот, все таки, требует перемены места, то он переходит с зимника на летовку и обратно, при чем расстояние и размах его движения еще меньше, чем у горного кочевника». «Лесной простор ничего не дает для пастбищ, он препятствует им, уголья в лесах начинают цешиться как для скотоводства, так и для начинающегося первобытного земледелия. Леса же создают страсть к охоте и к уединению. Борьба за существование в лесах поэтому, не смотря на простор, проявляется резче и хозяйство интенсивнее. Эта раскиданность лесного кочевника, однако, создавала иллюзию и заставляла ставить его в разряд зверолова, хотя он давно пережил эту стадию и перешел к скотоводству и земледелию. Уменье обходиться с животными и воспитывать их было перенесено лесниками²² из степей. Они, так сказать, переносят в леса пережитую скотоводческую культуру и применяют к другим условиям. Собственно уход за скотом в переходах разных стадий хозяйства совершенствуется и видоизменяется. Охота, хотя составляет зимнее занятие лесника, но она идет рядом с другими промыслами и приобретает свою манеру, отличную от настоящего зверолова. Кочевой лесник есть уже охотник оседлый. Он делает из своего постоянного жилища-зимовки только экскурсии на промыслы; уходя в леса иногда на месяц, на два, он возвра-

щается в постоянное свое жилье, а не бродит по лесам круглый год».

Все, что Ядринцев говорит об алтайских черневых тарах, может быть распространено на все охотничьи племена, занимавшие положение кыргызских киштымов, — кайдыхцев, байкотовцев, уштирцев, бохтинцев и т. д. Мы видели, что представители этой группы племен называют себя «туба». Следовательно, этим именем может быть охвачен известный культурно-племенной тип. •

Мы видели также, что кыргызские киштымь, в соответствии с теорией Ядринцева, имели лошадей и скот. Кыргызы и русские, нападая на них, захватывают домашних животных. Но количество последних невелико; поэтому существенное значение в их жизненном обиходе имели съедобные растения, как сарана, кандык и др.²³ Добыча этих растений имела настолько серьезное значение, что русские указывали, как на серьезное лишение, на отнятие у канских киштымов лопаток для копания сараны. Это был примитивный земледельческий промысел, но его примитивность обуславливалась не какими либо племенными или хозяйственными типическими особенностями, а отсутствием крепкого общественного порядка. Не было военной охраны. Население жило в готовности, при появлении русских, бурят, мунгалов, бежать в Камни и черные леса, прятать имущество и семьи в пещерах, в вершинах горных речек. Значительных распахов в таких условиях нельзя было иметь. Население долины Качи в начале XVII в. сеяло кырылык, но, собрав урожай, уходило в леса из опасения набегов бурят и др. Сагаи имели распахивки в системе р. Томи, куда уезжали для полевых работ, возвращаясь на зиму в уйбатские и июсские степи. Надо думать, что и белтиры издревле занимались земледелием. Паллас нашел у них зем-

деление в таких размерах, что «сколько им потребно муки и круп, имели собственные». Как обычное сельскохозяйственное орудие у них, знаменитый натуралист называл «абыл», которым в настоящее время сойты обрабатывают землю. Это искривленная, суковатая палка, с сучком на конце, на который насаживается железный сошник. Таким же орудием обрабатывали землю тубинны во время прихода русских, назвавших его «суковаткой». Такая «суковатка» служила плугом. В нее впрягали лошадей при помощи широких подпруг с нагрудником. Заборанивали при помощи тасканья сосновых вершин, что также мы находим у современных сойтов. На древность земледелия указывают и туземные названия месяцев—**оргаг-ай** (жатвенный месяц), **от-ай** (сеннокосный месяц).²⁴

Владычество русских принесло с собой безопасность «от иных земель». Племена лесников получили возможность жить около своих пашен, уходя в леса только на охотничий сезон («тайга-ай»). Не имея ранее возможности усовершенствовать приемы и орудия обработки земли, они, конечно, брали теперь готовые образцы у русских колонистов. Все это сближало их более, чем кочевников-скотоводов, с русскими, делало восприимчивыми к усвоению не только хозяйственной техники, но и быта, мировоззрения, языка русских. Они долгое время находились в зависимости от кыргызских князей; были раздроблены на мелкие группы, подчинявшиеся различным князьям. У них не создалось племенного единства и самосознания. Поэтому так незаметно, тихо, за некоторыми исключениями, совершался процесс обрусения всех этих байгола, ингара, кайдын и др.

Сагаи, белтиры, карга, кобый, удаленные от наиболее привлекательных сельскохозяйственных районов и пастбищного простора, сохранили свой язык, обычаи и верования, не

смотря на широко развитое сельскохозяйственное хозяйство. Заимствования ограничиваются техническими приемами. Заимствовали они у русских даже одежду, как более приспособленную для сельскохозяйственных работ, чем широкая одежда кочевника-скотовода. Но русский язык знает местами не более 10% населения, в то время как у скотоводов, имеющих постоянно дело с рынком, часто все понимают и объясняются по русски. На древность земледелия указывают и остатки огромных по захватываемой ими площади оросительных сооружений, т. н. «чуждские каналы», энергично возобновляемые туземцами в последние десятилетия, когда уплотнившееся население и изменение рыночных условий заставили вводить в культурный оборот участки сухих песчаных и щебневатых степей.²⁵

Приблизительно до 30-х годов XIX в. рыночные условия были крайне неблагоприятны. Если в начале XVIII в. пуд муки в Красноярском уезде (правда, «на дальних службах») обходился служилым людям по 6 алтын 4 денги (т. е. 20 коп.), то к середине XVIII в., с развитием земледелия и при отсутствии занятого в промышленности, в массе, населения, цены пали до невероятно низкого уровня «По Чулыму,—говорит Словцов,—²⁶ с 1760 г. более пятнадцати лет продавался пуд муки ржаной по 2—2½ коп., пшеничной по 4—5 коп., что при такой бесценности не стоило труда приниматься за соху». Нами уже приводились аналогичные сообщения Палласа. Те же сведения дает для своего времени Степанов. «На рынки,—говорит он,²⁷—в города привозится хлеб в достаточном количестве и продается, к сожалению, очень часто самими низкими ценами, так что иногда пуд муки по 15 копек; овса по 12. Эти условия заставляли оседлое население отказываться от исключительного занятия земледелием, комбинируя его с скотоводством и промыслами.

А это, в свою очередь, отражалось на доходности и формах скотоводческого хозяйства. Ранее уже приводились сообщения, что скот шел «за бесценком». Между тем самый уклад скотоводческого хозяйства исключает совмещение его с промысловой деятельностью. В этом же направлении действуют топографические условия и удаленность пастбищных степей от крупных поселений. Скотоводами остались, главным образом те племена, которые и администрацией, и исследователями XVIII и XIX в. неправильно объединялись под именем «**качинских татар**». О «качинцах» Паллас определенно говорит, что «их богатство состоит в скоте, который в прекраснейших гористых степях, в коих они обитают, во всю зиму пасется, а в летнее время ходит в прохладных и приятных долинах».²⁸ Также и Пестерев (1777 г.) говорит, что «скотоводство единственный промысел качинцев, п. ч. они очень редко ходят на охоту, не возделывают полей и изредка сеют только ячмень и сибирскую гречиху».²⁹ Это слабое развитие, или пожалуй, вернее, отсутствие земледелия проходит через весь рассматриваемый период. Для 1852 г. кн. Костров констатирует, что, «если в год засеваются во всей степи до 30 дес. преимущественно ярицы, то и слава богу».³⁰ Относительно размеров скотоводства у «качинцев» мы располагаем соображениями и цифрами, приводимыми в труде Степанова.³¹ По официальным данным, у кочующих качинских татар в 1835 г. числилось: лошадей—92911, рогатого скота—73012, овец—51885, свиней—280. «Родовичей» насчитывалось 10922 души. Степанов считает цифры скота преуменьшенными. Откидывая половину на бедняков и проживающих работниками в русских селениях, он в самостоятельных хозяйствах насчитывает 5461 родов., или 2230 тягол. Следовательно, на одно тягло падает 32 головы скота, а считая по три тягла в семье,

на одно хозяйство—96 голов. Тогда спрашивает он, откуда составятся табуны и стада богачей. «Семейства зажиточные имеют по 100 табунов по 60 коней в каждом». ³² Кн. Костров для середины XIX в. устанавливает упадок скотоводства, но лет за 20 перед этим (т. е. как раз во время Степанова), по его словам, «Качинцы обладали бесчисленными стадами рогатого скота и табунами лошадей, так что снабжали мясом и скотом не только всю Енисейскую, но даже и Иркутскую, северо-восточная часть которой всегда нуждалась как в мясе, так и в скоте». ³³

Сагаи ³⁴ также, хотя и продолжали заниматься земледелием, но считались и зажиточными скотоводами. «Многие из них,—говорит Паллас, ³⁵—принялись за пашню, однако, чтобы остановиться жить на одном месте, нарочитое у них количество скота еще возбуждает. ³⁶ Они для него летом перекочевывают с места на место вдоль по рекам Аскышу, Базе, Сыру, ³⁷ Нине и Уйбату, до самых гор для прохлады и приходят к зиме кочевать на прекрасные сии бесснежные вниз по Абакану степи».

По сообщению Палласа, и среди белтиров были «многие богаты крупным скотом и овцами». Пестов в 1831 году также отмечает у них «большие табуны конского и рогатого скота, от чего они весьма зажиточны». ³⁸

Койбалы, по словам Палласа, были «скотом не очень богаты», но восполняли этот недостаток промыслами и хлебопашеством. Среди них были хозяева, имевшие по 100 лошадей. Пестов переоценивал значение у них скотоводства, когда писал, что «они упражняются больше в скотоводстве, и у многих водятся избыточные табуны лошадей и рогатого скота, также овец и по нескольку верблюдов». Далее он сообщает, что «главное их упражнение составляет звериный промысел». ³⁹

У племен, вошедших в состав Кизильского родоначалия, скотоводство не было развито, по объяснению Палласа, вследствие обилия снега и хищных зверей.⁴⁰ Костров писал (1852), что лет за 20 перед тем среди кизильцев были обладатели тысячных табунов. Но последнее известие сомнительно, ибо пришлось бы допустить какой-то трудно объяснимый скачек в хозяйственном развитии после Палласа и такой же быстрый упадок.

Скотоводы в этот период сохраняли полностью свои кочевки. Для 1842 г. мы имеем такие сведения. Качинские татары меняют свои жилища три раза: весной, летом и осенью. Богатые кочуют целое лето, бедные проводят его на одном месте; многие не имеют особых весенних кочевков. Летние и весенние кочевки находятся на местах с хорошими кормами, а зимовки в лесной стране у реки или озера; зимовки состоят из деревянных избушек или войлочных кибиток, кругом которых находятся дворы, амбары, запасы сена; зимовки есть настоящие места жительства татар: здесь они имеют свои дуга и иногда пашни. Юрты у качинцев куполообразные и конические; последние у бедных».⁴¹

Примечания к 7-й главе.

¹ Такие степи носят туземное название **кыр**.

² **Аргунов. Очерки сельского хозяйства Минусинского края.** Казань 1892, стр. 9, 10; Ср. метеорологический очерк Буланова в 1-м вып. т. IV **Материалов по исследов. землепольз. и хоз. быта сельск. насел. Ирк. и Енис. губерний.**

³ **Кн. Костров. Качинские татары,** стр. 35; ср. **Пестов. Записки об Енисейской губернии,** стр. 59; **Риттер, н. с.,** т. IV, стр. 561.

⁴ **Яковлев. Этногр. обзор,** стр. 50; ср. **Григорьев. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края.** Спб. 1906, стр. 30: «Эти участки поразительно каменисты, и верхний слой почвы

изобилует крупным булыжником, выходящим на дневную поверхность довольно обширными, чаще всего выпуклыми, площадями, при чем даже вне этих, постоянно попадающихся сплошь усеянных камнями площадей, колеса телеги все время стучат о камни». Ср. отзыв Шварца, цитированный в книге В. Ю. Григорьева (стр. 26): «необозримая, тощая, безлесная, солонцеватая Абаканская степь» и т. д.

⁵ Степанов, н. с., ч. I, стр. 135.

⁶ Не напечатанный Отчет г. Волкова; ср. Аргунов. Очерки сельского хозяйства, стр. 17.

⁷ Несомненно, в почвообразовательных процессах принимают участие и более обильное орошение, и близость гор, и наличие древесного покрова.

⁸ Ср. Отчет по исследованию почв в 1910 г. Изд. Перес. Упр. Сиб. 1911, стр. 65; Отчет по иссл. почв в 1909 г. Сиб. 1910, стр. 58-62.

⁹ История основания Таштыпа весьма интересна, но за недостатком места ее не приходится излагать (см. Потанин. Материалы, стр. 68-70; Риттер, н. с., III, стр. 511).

¹⁰ Подробные сведения о ходе колонизации у Палласа, Аргунова в назв. соч., а также в книге Ватина. Минусинский край в XVIII в., стр. 13-166.

¹¹ В 1907 г. старики в д. Покровке, на р. Кизире, передавали нам, что на их памяти на другой стороне реки жило «много татар», они «как-то перевелись». В 1911 г. нам пришлось беседовать с Кочергинским крестьянином. Он оказался татаринком и в молодости отбывал еще повинности и общественную службу в Качинской управе, но его родные жили на Тубе. Он рассказывал, что в то время они занимались охотой в верховьях Казыра и Амыла; ходили в Урянхай для добычи бобров, которых сами уже не умели стрелять, а за порох и свинец напимали сойотов, которые и «скарауливали» этого уже редкого тогда зверка.

¹² Из путевых заметок. Сибирская Газета, 1885, № 43.

¹³ Паллас, н. с., т. III, стр. 529; Пестов, н. с., стр. 88-89.

¹⁴ Риттер, н. с., т. III, № 442.

¹⁵ Паллас, там же. Маторы оставили свое имя в названии с. Маторского, Маторской волости. Что касается села Сагайского, то это название не более, как результат этнографических увлечений представителей местной администрации.

¹⁶ Щапов. Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Русское Слово, 1865, кн. 1, стр. 15. Щапов пользовался данными Кастрена и Палласа.

¹⁷ Русское Слово, 1865, кн. III, стр. 176-177.

¹⁸ Минусинские и Ачинские инородцы (материалы для изучения). Статьи А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Красноярск, 1898. Кулаков говорит о «биологических законах», которыми «предрешен вопрос о печальной участи инородцев», ссылаясь на теорию Дарвина. Но приводимая им аргументация к биологии не имеет отношения. Это было в свое время отмечено Яриловым («В зачету науки») и Кауфманом («Новый труд по изучению сибирских инородцев». Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1899, т. XXX, № 1). Несомненное влияние имело на Кулакова ставшее популярным со середины 90-х годов минувшего века учение марксизма, но усваивавшееся весьма схематично.

²⁰ Н. с., стр. 30-31.

²⁰ Ср. История человечества. Гельмольта, т. II, стр. 117: «Кочевой быт ни в коем случае не является такой хозяйственной формой, которую без дальнейших рассуждений можно поставить на место земледелия, точно так же, как пастбища скотовода не могут непосредственно быть обращены в пашни земледельца. Кочевое хозяйство, наоборот, утилизирует, преимущественно, такие земли, которые не смогли бы прокормить оседлых земледельцев. Во время своих постоянных странствований со стадами по сухим, но богатым травой степям, кочевник превращает негодную для человеческого употребления растительность обширных обжитых природой областей в молоко и мясо. Земледелец умеет использовать по своему сухую степь лишь там, где он может снабжать свои поля достаточным количеством влаги».

²¹ Ядринцев. Начало оседлости. Литер. сборн., изд. ред. «Восточного Обозрения». Спб. 1885, стр. 139-177. Эта статья вошла в его книгу Сибирские инородцы. Спб. 1891, стр. 110 и сл. Ср. Отчет о поездке по поручению Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ. в горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня члена—сотр. Отдела Н. М. Ядринцева в 1880 г.

²² Этот термин, предложенный Ядринцевым, представляет, как и «черневые татары», перевод тюркского йиш низи, как зовут себя черневые татары (йиш—тайга, «чернь»; ср. «черные леса»: «разбежались в Камень и черные леса»). Йиш-кизи—черневые люди, люди горной тайги. Очевидно, сокращенно их называли просто

«йын», множ. число будет йынтер; откуда русские взяли своих йынтерцев, переделанных ими в «уштирцев» исторических актов.

²³ Сафьянов писал, что точжинцы (верховья притоков Би-Кема) употребляют в пищу сарану, кандык, листовичную заболонь и кедровые орехи, из которых «на зиму заготавливают колобки величиною с кулак». Сафьянов. Эпизод из странствий. Вост. Обзор. 1883, № 7, стр. 10; ср. Риттер, н. с., IV, стр. 576.

²⁴ Паллас, н. с., III, 497; Аргунов н. с., 81, 83; Castrén, Versuch einer Koilb und Karagass. Sprachlehre, стр. 150-151; Риттер, III, 510; Георги, н. с., ч. II, стр. 176 (о белтирах): «большая половина роет пашни заступами».

²⁵ О современных оросительных сооружениях см. статьи Тос-тожанова. Сагайская степь (Сибирь, 1910, №№ 48, 52, 54, 60 и 71), О водном законе для Сибири (Сибирь, 1910, № 252); Ландарма, Крестьянские оросительные сооружения в Минусинском уезде (Сибирь, 1908, № 230), его же, Русские поселки в Урянхае (Сибирь, 1910, № 222); его же, Керемэ (Сибирь, 1910, № 187).

²⁶ Словцов, н. с., II, стр. 72.

²⁷ Степанов, н. с., ч. II, стр. 20.

²⁸ Паллас отмечает, что скот медлен, относя это обстоятельство на счет влияния горного воздуха. Паллас, н. с., II, 2, стр. 463.

²⁹ Риттер, III, 519. Следует всегда иметь в виду, что все писатели берут, как этнографическое целое, административное подразделение. В состав «качинцев» входили, на ряду с кыргыз, кашха, бюрют и пр., и тинцы, кайдынды, ястынды (частых), принадлежавшие к группе «лесников».

³⁰ Костров. Качинские татары, стр. 38.

³¹ Эти цифры весьма глазомерны (данные волостной статистики 20-30 годов). Кроме того, они не отличаются определенностью. В состав Качинского родоначального входили и инородцы лево-бережные (салбино-койбалейская, иренская земли), а также и жившие под Красноярском (Костров, там же, стр. 13-14). Степанов не указывает, к какому району относятся его цифры.

³² Степанов, I, 210.

³³ Костров, там же, 35. Цены были такие тогда: лошадь 25-60 р. ассигн., бык—10-12 р., овца—1 р.—1 р. 50 к. При тогдашнем курсе ассигнаций, эти цифры надо уменьшать в 3-4 раза.

³⁴ Сагаи, белтиры, карга, кобый, шорцы входили в состав Кузнецкого уезда. Ср. **Паллас**, III, 479: Уйбат «разграничивает почти места Кашинским татарам, под Красноярским стоящим, принадлежащие, с Сагайскими, в Кузнецк ясак свой приносящими».

³⁵ **Паллас**, III, 487-488.

³⁶ С этим взглядом нельзя согласиться. Кроме нижней долины Аскыса, сагаи занимают очень высоко поднятую местность. Лишь с развитием сети оросительных канав, стало возможным спуститься к сухим степям около Абакана. Скотоводческое хозяйство являлось результатом невозможности вести земледельческое, а не наоборот. **Паллас** и др. исследователи сообщают, что и белтиры и сагаи, заводя пашни, переезжали на правую сторону Абакана в соседство с койбалами.

³⁷ **Паллас** говорит, что «на Б. Сыре стояло тогда множество юрт». Очевидно, это была временная стоянка. Теперь там весьма малочисленное население (**там же**, стр. 483).

³⁸ **Паллас**, 497; **Пестов**, 85. Последний число белтиров определял в 800 душ.

³⁹ **Пестов**, 86; о верблюдах сообщает и **Герги**. Описание, ч. III, 13; **Риттер**, III, 535. Георги насчитывал 402 души, платящих подушный оклад; в 1822 г. их было 862; в 1835 (по **Степанову**)—594; в 1843 (**Шукин**)—635; в 1858—672. **Риттер**, IV, 595. Очевидно, эти цифры относились не к одному и тому же району. **Степанов** говорит, что качинцы, сагаи и кизильцы были помещены в его время во 2-й разряд повинностей, а койбалы—в 5-й—«по своему убожеству» (**Енис. губ.**, I, 262).

⁴⁰ «Они обыкновенно бедные и имеют мало скота». **Паллас**, II, 2, стр. 450.

⁴¹ **Риттер**, IV, 573. Куполообразные юрты, обычно кочменные, войлочные,—типичные жилища степняков; конические—лесников; последние покрывались разваренной берестой; остов делается из жердей или кольев (**Паллас**, II, 2, стр. 449-450; **Костров**. Кач. татары, стр. 29—31; **Пестов**, стр. 84). Войлок и береста прикреплялись веревками из конского волоса или крапивы, дикого льна и конопля (**Пестов**, стр. 87). Богатые жили зимою в войлочных юртах, летом в покрытых берестой; бедняки—круглый год в берестяных, обкладывая на зиму дерном и назьмом (**Костров**, 29—31). Кизильцы уже в

XVIII в. строили избы примитивного типа в виде ящика из толстых бревен (Паллас, 450). С таких же построек начали и качинцы (Костров, 34). В настоящее время пожилые инородцы еще помнят войлочные юрты, которых теперь уже нет совсем; берестяные, корьевые («алачих») сохраняются у подтаежных бедняков. В описаниях быта XVIII и первой половины XIX в. мы находим очень много аналогий с бытом современных сойотов.

VIII.

Устройство и управление.

Административное устройство и управление инородцами до издания Положения 1822 г. не регулировались общим законом. «Все постановления о сибирских инородцах,—по признанию высшей правительственной власти,—ограничивались небольшим числом указов о приведении их в христианство, и двумя инструкциями: 1) инструкциею, данною в 1728 году Владиславичем-Рагузинским пограничным (по Китайской линии) дозорщикам, Фирсову и Михалеву, о разборе маловажных дел ясачных инородцев; и 2) инструкциею, данною, за высочайшим предписанием, в 1763 году, Секунд-Майору Щербачеву, о ясачной подати,—хотя, с течением времени, образ жизни, свойство промыслов и почти все обстоятельства быта большей части племен видимо изменялись. При этом обе последние инструкции, заключаая одно предварительное начертание тех оснований, на коих должныствовали быть составлены полные правила об инородцах, вовсе не определяли многих необходимых подробностей».¹

Поэтому необходимо выяснить, как административное устройство было организовано фактически в отношении минусинских туземцев, находившихся в составе бывшего Красноярского уезда.

Во время Палласа инородцами ведала Абаканская Управительская Контора, во главе которой стоял особый управитель. Последнему принадлежало и заведывание крестьянами, непосредственно подчиненными комиссару.² Но в 70-х годах уже издаются распоряжения в отношении инородцев «о небытии в ведомстве абаканской управительской конторы, а быть единственно под ведением красноярской воеводской канцелярии», повидимому, вследствие жалоб на «напрасные обиды» управителя.³ Судом ведал Нижний земский суд, в который инородцами избирался толмач. Земскому суду принадлежал и административный распорядок. Он рассылал указы, заведывал раздачей пороха, штрафовал «за небытие у исповеди и Св. Причастия», осведомлял даже инородцев о получении исправником ордена.⁴ Впоследствии инородцы перешли в ведение комиссаров, введенных повсеместно генерал-губернатором Селифонтовым. Непосредственное управление, внутренний распорядок, сбор податей лежали на выборных властях. «Но как все родовые управы, — говорит уже цитируванное выше официальное издание, — подчинены были Земскому Суду на том же основании, как и Волостные Правления, и должности старшин ничем не были определены, то все управление инородцами перешло большею частию в зависимость земских чиновников, и сделалось поводом к великим злоупотреблениям».⁵

Не было единства и в основах административных подразделений инородцев. Здесь, очевидно, лежали соображения и о племенах, и территориальных связях, и исторические воспоминания, и влиятельное положение какогонибудь князька, почетного инородца.

Паллас сообщает, что инородцы «разделены на известные улусы, над коими поставляют они главных начальников, коих называют они князьками, и коим дают они жа-

лованье».° С этими «князьками» или «князцами»⁷ обычно и сносилась администрация. Улус был официально принятым названием, соответствовавшим распространенному среди инородцев и в неофициальной речи названию «аймак», «род». Кроме этого деления на улусы или аймаки, было еще деление на «землицы», применительно к народностям, как они понимались русскими администраторами того времени. Такими землями были: Качинская, Койбальская, Яркенская, Камасинская, Сагайская, Белтырская, Верхне-Томская⁸ и т. д. Каждая земля разделялась на улусы. Поэтому и официальные обращения редактировались так: «Койбальской землицы улуса Кольского князю». Во главе такой земли, объединявшей группу аймаков, стоял особый начальник, башлык.⁹ Повидимому, эта должность не была повсеместно учреждена. Башлык занимал среди инородцев весьма почетное место. Он выбирался, по избирался бессрочно и мог передавать свое звание по наследству.¹⁰ Можно предполагать, что в числе первых башлыков были потомки «знатных улусных людей» и князьков кыргызской эпохи.

Родовые князцы были выборные и получали жалованье. В качестве помощников у них были ясаулы, отнoсившие полицейские обязанности и собиравшие ясак. В делах и суде принимали участие, по традиции, «лучшие люди»¹¹

Качинская орда, или Качинская земля, разделялась на 6 аймаков: Шулoшь, Татар, Кубан, Туба, Мунгет и Ястын.¹² После образования степных дум, по Положению 1822 г., в состав Качинской думы входили 11 улусов: Абалаковский, Шалoшин 1-й половины, Шалoшин 2-й половины, Яринско-Ястынский, Мунгатовский, Абултаевский, Татаровский, Татышевский, Тинский, Кубановский и Тубинский.¹³ Уже в административное деление времен Палласа, несомненно, был

внесен частично территориальный принцип. Еще более племенная группировка была нарушена разделением 20-х годов. Но, во всяком случае, эти аймаки и улусы еще отражали племенной состав. Поэтому, когда во второй половине XIX в. к качинцам был полностью применен территориальный принцип, с разделением их по определенным районам на роды: 1-й Шалошинский, 2-й Шалошинский, Тубинский, Тинский, Бирский, Бело-Июсский и Старо-Июсский, абаканские инородцы для раскладки тяглового бремени¹⁴ сохранили подразделение 20-х годов, дошедшие, таким образом, до наших дней. К Шалошинским родам принадлежали касха (кашха), к Тубинскому—кыргыс, к Кубановскому—сокха, к Мунгатовскому—ызыр (езерцы), к Татаровскому—бюрют, к Абаляковскому и Татышевскому—ара, к Яренско-Ястынскому—ара и частых, к Тинскому—тин и ара.¹⁵

В только что приведенных названиях можно вскрыть кое-какие исторические данные. При покорении аринов русские имели дело с князем Татышем: около Красноярска, против устья Качи, есть остров Татышев, где жили летом арины. Абалак был брат князя Иренака. В числе алтысарских князей (тайпней), ведших в 1701 г. переговоры с русскими, упоминаются князья Агалак Кашка и Голега Кубаши.¹⁶ Ранее мы указывали на связь между ызыр и мунгатами. Что касается имени «Шалошин», то существует распространявшееся даже среди инородцев мнение, что это искаженное слово «заложник». Как многие другие догадки этого характера, и эту надо считать наивным осмысливанием ставшего непонятным слова. Паллас, вероятно, ближе к первоначальному слову, дает название «Шулошь». «Сулас» по киргизски значит жить на одной реке.¹⁷ Кашха прежде жили вместе на правой стороне Енисея, а затем **из-за реки** переселились в лево-бережные степи; отсюда их название.

В следующем периоде, в сфере управления, самым выдающимся фактом является реформа Сперанского.

Еще за несколько лет перед этим министр Балашов формулировал очередную задачу в деле преобразований в Сибири—«каждому из мест составить устав и каждому лицу дать инструкцию». Сперанский и выработывал план «преобразить личную власть в установление и, согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающими, учредить действие ее так, чтоб оно было не личным и домашним, но публичным служебным упражнением». В вышедшем в 1899 году двухтомном исследовании Прутченко,¹⁸ посвященном, главным образом, анализу реформы Сперанского, подробно выяснены как характер законоположений, в которые вылились, в результате борьбы мнений в правительственных сферах, планы реформ, так и условия проведения их в жизнь и дальнейшая судьба. Общий вывод автора тот, что установления, созданные Сперанским, оказались мертвыми, так как, являясь результатом компромиссов, они по прежнему представляли лишь общие положения, неопределенные, бессильные внести незыблемые основания в систему управления. Осуществление реформы, кроме того, было передано в руки принципиальных противников ее в лице представителей высшей местной администрации, которые, используя разномыслие в правительственных сферах, свели на нет и те зачатки нового порядка, которые, в других условиях, могли бы получить соответствующее развитие. К тем же выводам приходили и прежние исследователи, Вагин и Ядрицев. «Установление Сперанского,—говорит последний,—существовало около 50 лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты, чтобы судить о нем. Придуманные Сперанским советы далеко не оправдали своего

назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников».¹⁹

Также и «законодательные определения, касающиеся инородцев, оказались, по выражению Прутченко,—мертвой буквой». Сенаторы, ревизовавшие Сибирь, находили, что разделение инородцев на разряды и административные единицы, произведено «неосновательно, неверно и вопреки правилам, в Уставе изображенным».²⁰ В позднейшее время высшая администрация края признавала, что «в Иркутской и Енисейской губерниях практика в управлении инородцами и прежде значительно расходилась, и теперь расходится с буквальным смыслом действующего закона, быть может, именно вследствие неопределенности и неполноты последнего».²¹

Чрезвычайно характерно наставление губернатора Степанова, данное инородческим властям по поводу введения нового устава. Он писал: «за такие милости царские должны вы жить мирно, вносить малые подати и повинности ваши в назначенные сроки бездоимочно и повиноваться окружному начальнику; **к нему то должна относиться донесениями степная дума и ходатайствовать о пользе родовичей**». Так был чужд духа реформы Сперанского даже этот благожелательный и романтически настроенный администратор.

Примечания к 8-й главе.

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. Напечатано по высочайшему повелению. Спб. 1841, стр. 53-54.

² Паллас, II, 2, стр. 475.

³ Кузнецов. Архив Аси. ст. думы, стр. 1, 2.

⁴ Там же, стр. 3, 4, 8, 10. Неясным воспрещалось отлучаться от жилищ свыше 30 в. (1797 г.). Большое значение должно было

иметь для них изданное в том же году запрещение принимать «прошения, многими подписанные».

⁵ **Обозрение главных оснований**, стр. 56. Губернатор Степанов в приказе по поводу введения в действие Положения 1822 г. обращался к инородцам: «доселе вы принуждены были по делам своим хлопотать по судам, не зная ни законов, ни языка русского, доселе с унижением и трепетом ставили вы по целым неделям и месяцам на крыльцах наших судилищ». **Кузнецов. Архив**, стр. 19. Ср. **Прутенко. Сибирские окраины**, т. II, стр. 175.

⁶ **Паллас**, II, 2, стр. 462.

⁷ Минусинские инородцы родовых старост вплоть до упразднения их называли «князь» («кнэз»).

⁸ **Кузнецов. Архив**.

⁹ «Башла» — начальствовать, предводительствовать (**Словарь. Радлова**, IV, 1203).

¹⁰ **Костров. Кыз. татары**, стр. 16.

¹¹ О выборе толмача делается распоряжение «всем князям и лучшим людям» (**Кузнецов. Архив**, стр. 8).

¹² **Паллас. Там же; Георги. Описание**, II, 152.

¹³ **Степанов, н. с.**, ч. I, стр. 134. Улусы Абалаковский, Ирнско-Ястынский, Абултаевский, Татышевский и Тинский входили в XVIII в. в состав, очевидно, Яренской и Кайдынской земель.

¹⁴ Сбором податей заведывали ясаулы, чжасал'ы.

¹⁵ **Лаппо. Общественное управление**, стр. 48 и сл.

¹⁶ Кубаци, вероятно, неудачная русская транскрипция. В 1703 году русскими был захвачен в плен кирииз Кубан. Надо думать, что один из князей сохалар послал это имя.

¹⁷ **Радлов, Словарь**, т. IV, 774.

¹⁸ **Сибирские окраины**. Спб. 1899, два тома.

¹⁹ **Ядринцев. Сибирь как колония**. Спб. 1892, стр. 520. Ср. **Прутенко и с.**, т. I, стр. 336: «Мертвые законы и в Сибири влекли за собою обычные последствия: законодательство оказывалось не в силах сдерживать органы управления в поставленных им границах, расстройству управления открывался простор в такой степени, при которой возможны факты, прямо отрицающие идею управления в куль-

турином государстве». См. также двухтомное исследование В. И. Вагина. **Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского.** Сиб. 1872.

²⁰ Прутченко, н. с., I, стр. 335.

²¹ О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1900, стр. 70. Это официальное издание, на праве рукописи. То же говорит и Ядринцев: инородческие установления сделались чет-то в роде волостных правлений; вмешательство земской полиции оказалось прежним (**Сибирь как колония**, стр. 552). Ср. Лаппо. **Общественное управление минусинских инородцев.**

IX.

Экономическая проблема.

Не изменились и общие условия хозяйственной жизни края. Промышленность ограничивалась, по-прежнему, почти одним винокурением,¹ на развитие которого в возможно большем объеме направлены были усилия высшей администрации в Сибири.²

Торговля почти исключительно состояла в вывозе пушнины и драгоценных металлов и транспорте мануфактуры и бакалеи на восток и чаев и шелка на запад. Для продуктов основной хозяйственной деятельности населения не было выхода. Торговля давала денежные средства населению лишь от обслуживания торгового движения извозом и сбыта продуктов на московский тракт и его ответвления. По поводу проекта замены натуральных повинностей денежными, сенаторы Безродный и Куракин писали: «Неоспоримо, и мы сами очевидцы, что крестьяне сибирские живут вообще, с малым разве изъятием, безбедно. Довольство их однако же состоит отнюдь не в денежной наличности, а в достатке продуктов. Трудом собственных рук из земли вырабатываемых, и в изобилии скотоводства. Достаток в сих предметах, без сомнения, снабжал бы их и деньгами, есть ли бы была возможность сбывать земные продукты и скот с выгодой, по великое пространство края, и отдаленность оного на тысячи

верст от мест, нуждающихся в хлебе и скоте, служит непреодолимым тому препятствием, — и земледельцы здешние, вынуждаясь ныне, подобно, как и прежде до преобразования управления Сибири, излишки произведений от трудов своих и от скотоводства продавать на месте, так сказать, почти ни за что, по дешевизне цен, здесь существующих, и не только не возвышающихся противу прежнего, но и еще упадающих, при всем недостатке хлеба и скота, до крайности нуждаются в деньгах»³.

Земледельческая колонизация должна была развиваться медленно и иногда приостанавливаться. Поэтому в конце 20-х годов XIX в. мы встречаемся с попыткой принудительной правительственной колонизации. В Минусинском крае с 1828 г. основываются казенные поселения для ссыльных: Восточное, Сагайское, Ермаковское, Сабинское, Дубенское и Тигрицкое.⁴ Идею казенных поселений генерал-губернатор В. Сибири Броневский приписывал зап.-сибирскому г.-губ. Капцевичу, стороннику «системы военных поселений». Сам Броневский дал совершенно отрицательную характеристику этой системы и достигнутых результатов. «По пути своему. — писал он в своих воспоминаниях,⁵ — я встречал большие селения, вновь, на казенный счет, выстроенные, под водворение ссыльных поселенцев. Эти дома — чистой плотничной работы, в пять окон на улицу, крытые тесом, на четыре семьи, разделенные корридором: обширный двор, обставленный амбарами, сараями и навесами. Все покрыто тесом и заборы дощатые. Кажется, что желать более ссыльному? Но дело в том, что впущены туда, большею частью, холостяки, по недостатку ссыльных женщин, по числу поселенцев, а старожилы нескоро решаются отдавать за них своих дочерей; расценка же лесов под напими выше их сил, при том содержание одной чистоты в обширных заведениях и ремон-

тирование повреждений в окнах, печах и проч. не под силу беднякам, ничего не имеющим, обзаводят к прочному водворению в слишком затейных для них жилищах, и постояльцы бегут, заменяясь новыми, такими же, почему и трудно ожидать чего-нибудь без новых жертвований казны. Я посещал многие из этих домов, находя там невыразимую скудость в первейших потребностях жизни».⁶

В 30-х годах появляется новый фактор, оказавший значительное влияние на экономику и колонизацию края,— это краткий, но быстрый расцвет золотопромышленности. У Ядринцева мы находим цифры, дающие представление о развитии золотого дела. В 1830 г. частная золотопромышленность в Сибири выработала только 4 п. 22 ф. золота. В 1836 г. добыча достигла 84 п., в 1837—106, в 1842—575, в 1846—1238, в 1847—1370 п. Затем добыча золота падает до 1200, 1100 пуд. и в 1852 г. до 900 пуд. В позднейшее время добыча идет скачками, то поднимаясь, то падая. В 1882 году в Сибири было добыто 1749 п. из 2207 п., добытых во всей стране; добычей было занято 33421 раб. на 646 приисках.⁷

Для Минусинского края особенное значение имело золотое дело в Енисейской и Иркутской губерниях. В последней, на Олекме, добывалось в среднем в год с 1856 г. по 1860 г. по 1014 п., с 1861 по 1870—по 1545, с 1871 по 1873—по 2166 п. В Енисейском уезде, с 1841 по 1870 г., средняя ежегодная добыча золота по пятилетиям изменялась так: 524, 1070, 798, 814, 557 и 390 пуд. В Ачинском и Минусинском уездах добыча золота не могла равняться с добычей золота в Енисейском уезде, но все таки была заметной: с 1834 по 1855 г. добывалось по 41 п. в год, а затем по пятилетиям—89, 50, 50 и 48 п.; имела значение добыча золота и в Бирюсинской тайге, в Канском и Нижнеудинском

уездах.⁸ На золотых приисках было занято большое количество людей; в Енисейском округе количество рабочих с 1841 по 1870 г. по пятилетиям выражалось ежегодно в круглых цифрах—12.000, 18.000, 20.000, 21.600 и 16.000 чел.; в Ачинском и Минусинском уездах, с 1856 по 1870 г.—3.800, 2.600, 2.000 чел.; на Бирюсинских приисках—1.000, 12.000 и 800 чел.

«Эксплуатация золотоносных площадей в Енисейской губернии,—говорит г. Григорьев,—достигшая таких поразительных блестящих результатов, не могла самым заметным образом не повлиять на экономическую жизнь населения Енисейской губернии. Принимая во внимание, что каждая сотня пудов добытого золота приносила владельцам приисков приблизительно 1½ милл. рублей, принимая во внимание, что таких сотен вывозилось из губернии по несколько и даже по 10 в год, можно себе представить широкий денежный поток, который стал изливаться на протяжении десятилетий в пределы края. Правда, едва ли не большая часть денег, уплачивавшихся казною за золото, оставалась у самих золотопромышленников—владельцев приисков, живших в Европейской России или Западной Европе, но, тем не менее, количество денег, привлеченных в край золотопромышленностью, было настолько обильно, что торгово-промышленная жизнь в нем не могла не оживиться. Прииски требовали и потребляли в больших количествах: хлеб, мясо, железо, массы самых разнообразных товаров. Они создавали большой и напряженный спрос на эти товары. Поэтому продукты местной земледельческой и скотоводческой промышленности стали находить себе свободный сбыт по хорошей цене, что не могло не повлечь за собой расширение сельско-хозяйственного производства путем введения новых и новых земель в распахку, путем увеличения скотоводства, тем более, что за это время

увеличились переселения сюда крестьян из Европейской России, которые получали возможность быстро устраиваться и приобретать хороший материальный достаток; потребности приисков увеличили производительность обрабатывающей промышленности, напр., винокурения и кожевенного производства. С другой стороны, те многие роды товаров, которые требовались на приисках, но не производились на местах, а получались из Западной Сибири, из Сибири Восточной или из Европейской России, должны были провозиться через территорию Енисейской губернии иногда на значительных пространствах. В то же время ранней весной каждого года совершалось движение рабочих масс и некоторых других людей на прииски, а по осени происходило обратное движение. Благодаря всему этому, развился прибыльный извоз и содержание постоянных дворов».⁹ Несмотря на некоторую схематичность, приведенная характеристика дает выпуклое представление о том положительном воздействии, которое золотопромышленность могла оказать на хозяйственное развитие края. Прежде всего, мы должны иметь в виду, что основы хозяйственной жизни не подвергались сколько нибудь существенному изменению. Экономические основы остались те же. Мы находим тот же сбыт сельско-хозяйственных продуктов на московский тракт и в безхлебные таежные районы, какой мы видели ранее. И прежде бывали моменты, когда деятельность на торговом тракту и в северных районах оживлялась, уступая затем место угнетенности рынка, не имевшего в самом себе сколько нибудь устойчивого равновесия, ибо, оживление приходило извне или зависело от случайных даров природы. Таким случайным даром было и золото. Но оно дало оживление более продолжительное и более интенсивное, чем предыдущие.

Колонизация снова оживилась. Правительство могло отказать от принудительного насаждения и расширения земледелия. С половины XIX в. выходцы из Вятской и Пермской губерний заселили подтаежные местности юга и востока Минусинского края (Калтыревская, Ермаковская, Маторская, Сагайская, Имисская, Пашачевская волости); орловцы, сарматцы, пензяки, нижегородцы, курыне и др. заселили лесостепную и степную части правобережной половины Минусинского уезда.¹⁰

Выше приводились данные о численности сельского населения, за первую половину XIX в.; для сравнения займем цифры из книги Аргунова, для второй половины столетия.

Населенных пунктов было в	1863 г.	в 1890
город	1	1
сел и деревень	163	187
замок и выселков	3	78
улусов, инор. стойбищ	208	361

Эти данные указывают, насколько колонизация могла более широко развернуться, чем в предыдущем периоде.

Вместе с тем происходит значительный рост некоторых населенных пунктов, расположенных или в центрах хлеботорговых районов, или на сплавных реках, или в выездах в приисковые местности. Особенно выросло значение села Абаканского, игравшего живую посредническую роль в торговле хлебом и скотом. Хлеботорговый при-тубинский район дал место крупным селам—Шалаболинскому, Теси, Курагину, Кочергину и др. Сравнительно новые поселения быстро разрастались в большие села, напр., Березовка, Курагинской волости, уже в 1890 г. насчитывала 327 дворов с 2100 жителями. Хлебная же торговля выдвинула значение

с.с. Шушенского, Лугавского, Бейского. Даже владывшие жалкое существование казенные поселения превратились в крупные села. Из них Ермаковское стало, до известной степени, торговым центром для обширного юго-восточного района Минусинского края. Непосредственно золотопромышленности обязаны своим ростом казачьи села Каратуз и Таштып, особенно первый. Сюда выходили рабочие с золотых приисков. Поэтому многочисленные лавки, постоянные дворы, торговля вином и съестными продуктами привлекали значительное количество денег и золота. Здесь же жили служащие, агенты по найму рабочих. В Каратузе имели резиденцию и сами золотопромышленники, чины горной полиции. Значение таких пунктов было, конечно, эфемерное. В настоящее время большие, городского типа, каменные дома стоят пустые; магазины закрыты. Но в продолжение трех-четырех десятков лет здесь была сравнительно оживленная жазнь.

Не без влияния на рост населенных пунктов осталась золотопромышленность и в инородческих районах. Во время Палласа только очень богатые инородцы, близко стоявшие к русским властям, как, напр., башлык белтиров и бирюсов Ептыш, или депутат кизильцев Учугаев, имели построенные на русский образец дома. Об Учугаеве Паллас говорит, что «сей депутат сделал похвальное начало со своими соотчичами—из дикого их рода жизни приводить к благоправной деревенской жизни и к землепашеству».¹² Несомненно, не только за энергичный сбор ясака и «безнедоимочность», но и за крещение соотчичей и понуждение их к считавшемуся в XVIII в., в период увлечения учением Руссо, особенно добродетельным занятием, земледелию, «впязцы» получали в награду кафтаны и разные «штучки». Поэтому и опыты «лучших улусных людей» имели скорее показательный, чем показательный характер. Об Аскысе Паллас дает сведение, что

в нем кроме причтовых домов и одного двора сагайского башлыка, который крещен, «еще нет никакого другого в село строения». ¹³ Через 60 лет Степанов писал: «Аскызом называется маленькая деревянная церковь, дом попа и кабак». ¹⁴ То же самое можно сказать и о с. Усть-Абаканском, где кроме церкви были, б. ч., берестяные юрты, и в 1859 г. считалось 189 д. о п. Проезжавший в 1858 г. от Минусинска к Таптыгу Шварц в Качинской степи, по левой стороне Абакана, встречал «только улусы качинских татар, состоящие из передвижных берестяных юрт». Он ехал «по передвижным станциям». ¹⁵ Между тем исследованием начала 90-х годов было выяснено, что на 100 жилых построек домов у инородцев приходилось 49,2, а принимая во внимание, что значительная часть населения, кроме дома, имела и юрту, нужно признать, что за 30 лет население значительно передвинулось в сторону оседлого уклада жизни. В пределах Аскысского ведомства появляются инородческие селения, приближающиеся по своему характеру к русским (главн. образом, койбальские и бельтирские—Уты, Бейская заимка, Киндырла, Усть-Сос, Летник, Горев, Сидоров); в Абаканском ведомстве развитие земледелия поставлено в трудные условия; оседлые селения здесь мы находим лишь в вершине Биджи и вверх по Коксе (Толчая). Инородцы-земледельцы иногда переселяются в земледельческие районы, в русские селения. ¹⁶ Благодаря развитшемуся сбыту, не только увеличивается производство продуктов, но и изменяется и организация обмена. Прежде всего, монополия деятельности красноярских купцов исчезает. Появляются местные торговцы, берущие в свои руки посредничество по поставке хлеба, скота и др. продуктов на прииска и на тракт. Так как скуп хлеба и скота давал большие прибыли, то в торговые операции втягивается значительное количество лиц. ¹⁷

Значение этого обстоятельства не следует преувеличивать. Необходимость и возможность развития распахек заставили сельское население с ограниченными денежными средствами. Затруднительность погашения прежних долговых обязательств и усиленная нужда в оборотных средствах не позволяли крестьянам использовать своевременно и полностью благоприятные рыночные условия.

В аналогичном положении находились и скотоводы-инородцы, у которых натуральный характер хозяйства также отражался на долговых отношениях. Инородец должен был не определенную сумму денег, а известное количество скота, вне зависимости от колебания цен.

В середине 40-х годов койбалы говорили Кастрену о качинцах с долей зависти, что у них круглый год не переводится айран, а скот, как муравьи, кишат около юрт.¹⁸ Между тем, кн. Костров, который и по своему служебному положению,¹⁹ и по деятельной любознательности, должен был удовлетворительно знать хозяйственное положение инородцев, это богатство скотом относил, в начале 50-х годов, ко времени отдаленному лет на двадцать. «Но лет 20, или несколько более тому назад,—говорит он,—эта промышленность (скотоводство) стала постепенно падать. Теперь на продажу в Иркутск не только уже не гоипют (скота), но и на потребности собственно Енисейской губернии выпускают его несравненно меньше прежнего. В особенности это должно сказать о рогатом скоте».²⁰ Несомненно, за эти предшествующие 20—30 лет красноярские купцы успели выкачать из степей большие количества скота. Что скота стало меньше показывает то обстоятельство, что на Иркутском рынке появились бийские купцы с монгольским скотом,²¹ что заставило минусинских купцов также перенести торговлю скотом за Саяны.²² Но здесь играли роль и пути сообщения. Упоми-

навшийся выше Г. П. Сафьянов в 70-х годах пытался открыть ближайшие пути в Енисейскую губернию, но безуспешно.²³ Между тем прогон скота степями Урянхая и Монголии представляет исключительные выгоды, так как идет прекрасными степными пастбищами, на которых скот отлично откармливается и жиреет. Из Минусинского же уезда единственный путь по долине Сыды выходит на Канск, т. е. весьма далеко от главного рынка и не дает тех же выгод в отношении кормов.

Решающее значение в сокращении количества скота в Минусинских степях кн. Костров приписывал эпизоотиям.

Падежи скота, при общей неблагоустроенности, отсутствии врачебного персонала и невежестве как администрации недавнего прошлого, так и населения, составляют, действительно, до последнего времени такое фатальное явление, что влияют на общее экономическое положение огромных районов.

К сожалению, за ранние периоды в нашем распоряжении не имеется почти никаких сведений относительно «появляющихся болезней», но, несомненно, последние уже в XVIII в. имели большое распространение. В 1748 г. был падеж скота в Караульном Остроге; был командирован «десятник, умеющий грамоте, для надзирания за зарыванием трупов в отдаленности от жилищ и без снятия кож». В 1750 г. получают сведения о падеже лошадей в Лугавском заводе; все павшие лошади «опухли». «Одна лошадь» — рапортовала красноярская канцелярия, — у священника Ивана Борисова пала такими мерами, что ее от земли взяло высоко и бросило от места прочь сажень на 10 и более».²⁴ Определения болезней очень смутные и примитивные даже для того времени: «скоропостижная болезнь в грудях и ноздрях пухнет», «пала от скорби лошадь», «от опухоли пуздр», «от грудной опухоли», даже просто «опасной болезни» и т. п.

Надежи скота в других местах Сибири исчисляются в сотни и тысячи голов. В 1791 г. администрация озабочена собиранием сведений о появившейся «ветроносной болезни называемой язвы». Затем требуются «ведомости о последствиях от происходящей сего года летом ветроносной болезни». Такие же указы и в следующем году. В 1793 г. делаются указания «о зарывании пропавшего от язвы скота в землю», и снова требуется «сочинение ведомостей, сколько людей померло и разного скота изгибло от ветроносной болезни, называемой язвы». ²⁵ Очевидно, что это бедствие продолжалось, по крайней мере, три года.

Более определенные и точные сведения имеются о чумных годах 1870--73 и 1885--87. В 1869 г. чума появилась в Усинском пограничном округе, погубив несколько сот голов скота и прекратившись весной 1870 г., но в июне она обнаружилась в Минусинском уезде, унеся в крестьянских волостях несколько тысяч голов; отсюда она перешла в ипородческие степи и погубила 8510 голов; в следующем году в Минусинском уезде пало свыше 50 т. гол. В последующие годы жертв было значительно меньше. ²⁶ Чума в 1885 году была занесена из зачумленных местностей Бийского и Кузнецкого уездов, откуда были пропущены гурты с больным скотом. Врачем она была впервые констатирована в апреле в одном из улусов на Абакане. Уже в июне в издававшейся в Петербурге газете «Восточное Обозрение» было напечатано тревожное известие о том, что чума «весьма быстро распространяется... и чем дальше, тем больший и больший район обнимает этот народный бич». ²⁷ Скоро сибирские газеты были наполнены корреспонденциями из разных мест Минусинского уезда о страшном распространении чумы. ²⁸ В официальном годовом «Обзоре» за 1885 г. говорилось что «всевозможные меры к прекращению этой болезни не в силах были

остановить ее распространения, и район ее губительного действия постоянно увеличивался, не смотря даже на зимнее время». ²⁹ По официальным сведениям в 1885 г. заболело в пределах Минусинского округа 81576 голов, пало 78552; для следующего года мы имеем заболевших 30463, павших 26721. Минусинцы же потери скота исчисляли в 150—200 тыс. голов. И это правдоподобно, так как инородцы из суеверного страха не сообщают действительных цифр в таких случаях, а преуменьшают или замалчивают потери.

По вычислениям местных жителей, потери в скоте от надежда восстанавливаются, при условии отказа от продажи, в течении 10—15 лет. Исследователями даже высказывалось мнение, что новые появления чумы соответствуют таким периодам. Чума истребляет скот и тем ставит преграду своему распространению. ³⁰

Кроме чумы и других повальных болезней (сибирской язвы, сапа, ящура и т. п.), губительно действуют бескормица, нурги, ливни и т. д. В 1888 г., к весне, мыши истребили корма, и скот стал валиться от бескормицы. По официальным сведениям пало более 25 тыс. лошадей, до 6 тыс. кр. рог. скота и более 135 тыс. мелкого. ³¹ По мнению весьма осведомленного Д. М. Головачева, в Енисейской губернии «редкий год проходит без каких либо неблагоприятных атмосферических явлений». ³²

Если принять во внимание, что в начале 70-х годов и в середине 80-х администрация была лучше вооружена для борьбы с общественными бедствиями, чем в первой половине XIX в., то объяснение кн. Костровым причин упадка скотоводства будет иметь много за себя.

Так как сбыт на прииска скота и мяса был значительный, то русская колонизация довольно широко захватила и такие местности, где природные условия допускали раз-

витие земледельческого хозяйства лишь в ограниченных размерах. Поэтому строй хозяйства русского населения этих местностей приближается к инородческому. Для иллюстрации можно взять данные по трем селениям Новоселовской волости, прилегающим непосредственно к инородческим дачам и сравнить их с цифрами по скотоводческому Абаканскому ведомству.

На одно хозяйство в среднем приходится:

	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Мелкаго.	Пашни.
У крестьян д. Б. Сютик	15,3	22,6	59,8	3,31
У „ Кугенека	14,4	22,2	86,8	1,13
У казаков д. Соленоозерной	40,2	27,8	207,8	0,13
У инород. Абаканского ведом- ства	26,1	33,9	106,5	0,4 ³³

Выше мы уже говорили, что крестьяне колонизовали, по преимуществу, местности, доступные для земледельческого хозяйства. Поэтому, распашки здесь более развиты. Но земли казаков д. Соленоозерной, за исключением отхожей дачи, отведенной им нарочито для хлебопашества, совершенно аналогичны с землями Бело-Июсского, Бирского и Старо-Июсского родов, и поэтому мы у них видим полную аналогию с хозяйством инородцев, вплоть до преобладания табунного скотоводства.

То же самое мы найдем и в приенисейских южных селениях Новоселовской, и в значительной части Знаменской волости.

На правой стороне Енисея, в при-тубинском районе, крестьяне также располагали ценными пастбищными землями; поэтому рядом с развитием земледелия, крестьяне таких сел, как Потрошилово, Городок, Кавказское, Шалаболино, имели большие количества скота, до изъятия у них земельных излишков при поземельном устройстве на осно-

ваний закона 23 мая 1896 года и использования этих излишков для образования переселенческих участков. Последнее обстоятельство лишило крестьян степных пространств и заставило сократить скотоводческое хозяйство.

Наконец, те же условия рынка дали место для образования сравнительно крупных скотоводческих хозяйств лиц не крестьянского состояния. Это были, в большинстве случаев, скотопромышленники. Указывавшиеся уже выше кредитные формы скототорговли обуславливали поступления в распоряжение скупщика больших количеств скота вне периода транспортировки гуртов, кроме того не всегда оказывается возможность одновременно произвести продажу набранных гуртов. Обычно остававшийся скот раздавался, за известную плату, местному населению на прокорм. Но скотопромышленники иногда предпочитали наемать пастухов и арендовать земельные участки для пастбы и заготовки сена. Отсюда был естественный переход к постройке сначала временных «табаров», а затем и более прочных заимок. При наличии последних скотопромышленники начинали находить выгодным скупать «малолетков», т. е. не достигший полного возраста скот, и дорастивать его на своих заимках, а также обзаводиться племенным скотом. Такие скотопромышленные хозяйства получили наибольшее распространение в Знаменской и Шалаболинской волостях. И здесь изъятие для земледельческой колонизации земельных излишков у крестьян, у которых арендовались земли скотопромышленниками, значительно сократило, а местами и совершенно уничтожило такие хозяйства.³⁴

В настоящее время, как общее правило, наблюдается, что на правой стороне Енисея крестьяне не выращивают скота, а пускают телят в побойню или сбывают скотопромышленникам. Объясняется это отсутствием выгонов сколь-

ко нибудь обширного размера и усиленной распашкой земель, в связи с уплотнением населения.³⁵

Здесь не лишне остановиться на значении скотоводства в бюджете минусинского крестьянина. По этому вопросу существует два мнения: одни³⁶ придают ему лишь потребительное и служебное значение в крестьянском хозяйстве; другие же³⁷ настаивают на его «более, нежели служебной роли», отводя ему значительное место в «денежном приходе» крестьянского хозяйства. Статистические данные, действительно, указывают на известный «резерв», по выражению Григорьева, живого инвентаря в хозяйстве, если сравнивать обеспеченность скотом и лошадьми Енисейской и, напр., Иркутской губернии. Кроме того, как отмечает Григорьев, цены на лошадей и скот в Минусинском уезде сравнительно с соседними губерниями весьма низки, что может объясняться сравнительным обилием в губернии лошадей и скота. Этому выводу противопоставляется указание, что своеобразные условия местного крестьянского хозяйства требуют повышенного количества живого инвентаря. «Редкие, но густо населенные пункты, — говорит Головачев, — обуславливают обширное, удаленное от жилых мест, землепользование, что вызывает излишний труд на переезды и перевозку с полей продуктов земледелия, а, следовательно, **содержание излишнего рабочего скота**; а если прибавить к тому плохие внутренние дороги, то станет понятно, какой излишек труда затрачивает енисейский крестьянин.³⁸ Противоречие между этими двумя взглядами, в сущности, только кажущееся. Дело в том положении, которое сельское хозяйство в Енисейской губернии занимает в отношении рынка. И Григорьев и Головачев не расходятся в оценке положения последнего. Рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов чрезвычайно неопределенный; спрос на нем отли-

чается неустойчивостью; цены в зависимости от этого испытывают огромные колебания. Поэтому крестьянин не может специализировать своего хозяйства на производстве продуктов земледелия или скотоводства, или даже ограничиться комбинацией скотоводства и земледелия. Григорьев был прав, указывая, что современное крестьянское хозяйство неизбежно выливается в комбинирование скотоводства, земледелия и промыслов. Поэтому предложение продуктов всех трех отраслей хозяйственной деятельности крестьянина **на рынке представляет постоянное явление**, не усваивая, вместе с тем, ни скотоводству, ни промыслам, а часто и земледелию самостоятельного значения **внутри его хозяйства**, где они имеют выраженный потребительный характер.³⁹ Поэтому предложение продуктов крестьянского скотоводческого хозяйства не может оставаться без воздействия на мясной рынок. По сведениям, сообщенным нам минусинскими скотопромышленниками за 1909 год, $\frac{7}{8}$ общего количества скота, идущего на вывоз из Минусинского уезда как на живом весе, так и в мясе, поставляется инородцами; $\frac{2}{8}$ — крестьянами и $\frac{1}{8}$ — «верховскими», т. е. населением вверх по Енисею. Отсюда ясно, что при всем подсобном и потребительном характере скотоводства в строе крестьянского хозяйства, последнее участвует в вывозе одной четвертой частью; но, вместе с тем, учитывая разницу в величине инородческого и крестьянского населения, мы должны заключать о слабом значении, какое имеет скотоводство в крестьянском бюджете, как самостоятельная отрасль хозяйственной деятельности.

Возвращаясь к оценке общего значения золотопромышленности для экономического развития Минусинского края, мы должны отметить, что она дала возможность, за краткий период своего расцвета, значительного напряжения хозяй-

ственной деятельности населения. Обеспечив населению более высокий и определенный спрос на продукты всех трех отраслей крестьянского хозяйства, она дала место для широкого развития и промысловой деятельности. Сплав хлеба, скота, шкуры и пр. сопровождался усиленным вывозом лесных материалов в плотах, барках; в транспорте было занято значительное число рабочих рук. С другой стороны, развитие торговых, посреднических операций сосредоточивало многочисленные кадры служащих в торговых предприятиях. Таким образом увеличился в объеме и местный рынок. Но, вместе с тем, золотопромышленность, так сказать, монополизировала спрос на рынке; все хозяйственные силы страны оказались односторонне направленными на обслуживание золотого, приискового дела. «Без большого преувеличения,—говорит Григорьев,⁴⁰—можно сказать, что сельское население, с начала золотой эры в Сибири до недавнего еще времени, занимаясь хлебопашеством, скотоводством и разного рода другими промыслами, работало для непосредственного удовлетворения своих потребностей и, затем, не без значительных для себя выгод—почти исключительно для приискового рынка». В этом была огромная разница с предшествующим периодом, когда рост сельско-хозяйственного населения, очень замедленный, находился в соответствии с медленным же развитием общей экономики страны. Золотопромышленность, доведя до быстрого, не нормального напряжения сельско-хозяйственную деятельность, не могла обеспечить достоянного, с правильно растущей емкостью, рынка. Организующего значения в экономической жизни она не могла иметь по самой своей сущности, так как ее существование и значение всецело находились в зависимости от наличия работающих запасов золота. Поэтому золотопромышленность не только не оказала организующего про-

мышленные силы воздействия, но, напротив, внесла подавляющую дезорганизацию, ибо оттянула все капиталы и технические силы на службу к себе, «задержав развитие других возможных видов горной промышленности, а, главное, воспрепятствовав созданию и расширению промышленности обрабатывающей».⁴¹

Поэтому, с упадком приисков,⁴² в хлебной торговле наступает крутой кризис. В 1881 г. хлебные торговцы «потерпели страшное фиаско на хлебе в Красноярском и Енисейском округах, где цены в то время на жизненные припасы ничем не разнились от минусинских,—овес даже был там дешевле». «В следующем году, в Енисейске, цены «круто падают», так что на протяжении двух недель разница достигает 25 коп.⁴³

Очень характерны письма корреспондентов Красноярского Отдела Московского Общества Сельского Хозяйства. Один из них (Курагинская волость, Минусинского уезда) писал: «Высокие цены на хлеб начались с 1837 г., а в 1848 г. дошли до небывалой цифры 1 р. за пуд; это было по случаю сильного развития золотопромышленности; потом цены опять сильно понизились и поднимались периодически в 10 лет один раз, а именно в 1867, 1878 и 1887 и в последнее время, когда начала строиться железная дорога; но повышение зависело не от неурожая в нашем крае, а от других причин, а всякое повышение цены для нашего края было благоприятным условием для хозяйства. Кажется, на что бы лучше условия для земледелия, но все мы мало обращаем внимания на наше географическое положение: мы живем в центре самого величайшего материка на нашей планете; ни одного морского порта ближе 5 тыс. верст от нас нет, и как бы ни был дешев провозной тариф, наше сырье в виде зернового хлеба нигде его не выдержит, разве тогда устро-

ится наш хлебный экспорт, когда изобретут воздушные корабли (я в это верю). Если бы устье Енисея было вполне надежно, то и тогда наш хлеб мог бы доставляться на иностранные рынки через два года, а на торговлю с двухлетним оборотом никто не согласится». Другой корреспондент (Сагайская волость) высказывает такие же соображения: «При неурожае в 1900 г. цены на хлеб были сравнительно низкие, потому что у многих были запасы хлеба от прошлых годов; кроме того население все увеличивается, а следовательно увеличивается и земледелие». «Сбыт же хлеба не только не увеличивается, но даже падает, так как в Красноярск и Енисейск хлеба плавят гораздо меньше, чем раньше; прииски по р.р. Амылу, Копи и Сисиму тоже не увеличиваются; остается один исход сдать хлеб на **винокуренные заводы**; но заводам не нужно всего хлеба, который может продать население; поэтому крестьянин волей неволей должен везти заводчику хлеб за ту цену, которую заводчик назначит». «Вот почему, не смотря на плохой урожай, цены на хлеб низкие; если же и будут высокие цены, то **тогда население само будет покупать хлеб**».

Таким образом сельское население, с падением приисков, фатально очутилось снова перед прежним рынком, дававшимся единственной отраслью крупной промышленности в крае—винокурением, развитие которой, конечно, должно иметь весьма ограниченные пределы.

Золотопромышленность и экономическая обстановка, ею созданная, имеют еще и другую важную сторону. Всякая страна, имеющая нужду в товарах, которых она не производит, должна производить и поставлять на рынок какой либо свой товар, в размерах, соответствующих размеру покупательной потребности. В обмен на продукты труда своего населения она получает потребные продукты со стороны.

Золото поступало в казну, которая не только оплачивала это золото, но и несла опромные расходы по организации порядка и благоустройства в стране. Все денежные средства, обеспечивавшие население, выходили из государственного казначейства. Таким образом и та обрабатывающая промышленность, которая нашла рынок для сбыта своих фабрикатов в Сибири, оказывалась в зависимости от покупательных средств, дававшихся казною. С кризисом золотопромышленного дела, правительство должно было считаться не только с расстройством сельско-хозяйственной производительности в Сибири, но и с потерей рынка для русских промышленных центров, т. е. с более глубокими последствиями для промышленной жизни государства, чем это казалось бы с первого взгляда. Поэтому правительственная власть, за которой золотопромышленность закрепила значение посредствующей и организующей силы в экономике страны, должна была фатально сохранять это значение, озабочиваться если не устранением, то смягчением кризиса, т. е. не прекращать притока в Сибирь значительных денежных средств.

Так оно и было до настоящего времени.

В 1890-х годах производится на протяжении всей Сибири постройка великого железнодорожного пути, вливавшая огромные денежные средства в страну.⁴⁵ Затем две войны 1900-х годов содействовали опять довольно сильному оживлению экономической жизни, и снова за счет тех миллионов рублей, которые были затрачены казною на усиление железнодорожного движения, спешные постройки, оплату рабочих, служащих, вознаграждение служилого персонала, закупку разнообразных сельско-хозяйственных продуктов и т. д. После окончания военных действий, получает колоссальное развитие переселенческое дело, связанное с усиленным дорожным строительством, работами межевыми,

гидротехническими и др. Сотни тысяч переселенцев в первое время, несомненно, не являются производителями, а усиливают потребление, т. е. содействуют созданию временного рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов, отдавая на него и собственные, и полученные в ссуду из государственного казначейства денежные средства.

Отличительной чертой этой своеобразной экономической ситуации, помимо изображенной роли государственных средств, является положение, что для продуктов местной производительности имеется сбыт почти исключительно на местном рынке, а все почти продукты обрабатывающей промышленности получают извне, что закрепляет посредническое положение казны.

Очевидно, что такое положение является экономическим абсурдом. И выход из последнего может быть только двоякий: нужно или приблизить обрабатывающую промышленность к местному рынку настолько, чтобы она им обслуживалась непосредственно, или дать возможность местным сельскохозяйственным продуктам достичь промышленных центров.

Эта дилемма выяснилась уже в начале 900-х годов и была формулирована опять таки уже цитировавшимися нами знатоками местной жизни, — Д. М. Головачевым и В. Ю. Григорьевым. Головачев отрицательно относится к возможности вывоза сырья на отдаленные рынки. «Все продукты нашего хозяйства дальше своей губернии идти не могут, потому что соседняя Томская губерния как дарами природы, так и продуктивностью труда жителей далеко нас богаче, а Иркутская губерния с увеличением населения и понижением золотой горячки, при ее богатстве и плодородии земли, от нас ничего не потребует, поэтому рядом с хлебопашеством и скотоводством должна развиваться и совершенствоваться

обрабатывающая промышленность». ⁴⁶ «И мне кажется—говорит он в заключение своего очерка, ⁴⁷ —нет сбыта хлеба не потому, что нет внешних рынков, нет дешевых путей сообщения, а потому, что сама губерния не в состоянии сбывать своего сырья на внешние рынки, благодаря своей низкой и дорогой производительности; но с другой стороны высокую и дешевую производительность можно придать только при наличии рынка. И таким рынком, но только рынком внутренним, должна явиться сама губерния, если только в ней самой разовьется обрабатывающая промышленность, а наряду с этим поднимется уровень потребностей массы; но для этого нужно, чтобы население было грамотно, культурно, чтобы нынешний правовой порядок в деревне, при котором личная и общественная самостоятельность населения стеснены, был изменен коренным образом». ⁴⁸ В своих «Возражениях» Григорьев оспаривал этот вывод Головачева. «По моему мнению,—писал он, ⁴⁹ —указанный вывод о рынке является экономическим абсурдом, ибо губерния, так сказать, неистребимо связана с мировым рынком и особого своего рынка с собственными ценами иметь не может, а потому сельское хозяйство ее должно обязательно для своего спасения производить на продажу лишь такие продукты, которые служат предметом спроса на общем рынке». По мнению Григорьева, коренные преобразования в экономическом и культурном состоянии страны могут быть «делом чрезвычайно длительным». Между тем, помимо сельского хозяйства, природные богатства страны (леса, воды, горные богатства) могут дать громадное количество продуктов на вывоз и таким образом создать покупательные средства в населении, даже «не форсируя» хозяйственной производительности. Григорьев признает, что «вследствие проведения железной дороги, рыночные усло-

вия, благодаря конкурирующему значению соседних областей, для существующего в Енисейской губернии производства, являются очень неблагоприятными, чтобы не сказать роковыми». ⁵⁰ Затем условия транспорта по железным дорогам для таких громоздких товаров, как лес, каменный уголь, графит, разные руды, непосильны. Но «тем не менее, по мнению Григорьева, ⁵¹—Енисейская губерния не обделена в рассматриваемом отношении, ибо из нее по Енисею, а затем вдоль побережья Ледовитого океана лежит самой природой уготованный водный путь для торгового обмена края с западно-европейскими рынками, и путь этот, благодаря исследованиям Норденшильда, не является чем-то мифическим, особенно потому, что им десятки лет пользуются английские торговые фирмы, снабжавшие Сибирь дозволенными к привозу товарами». Так как таможенные пошлины совершенно закрывают ввоз заграничных товаров, а односторонний вывоз, как было уже отмечено выше, неосуществим, то естественно Григорьевым выдвигается открытие «в г. Енисейске порто-франко, т. е. снятие или значительное ослабление пошлин на иностранные товары».

Мы указывали выше на тесную зависимость, существующую между экономическим положением населения Сибири и промышленными центрами России. Последние, несомненно, заинтересованы в повышении покупательных средств в сибирском населении и в росте этого рынка для сбыта фабрикатов. Но, при наличии порто-франко, и рост сельскохозяйственной деятельности, и увеличение денежных ресурсов пойдут не в пользу русских промышленных центров. В наличных политико-экономических условиях, такой выход не представляется осуществимым, не говоря о том, что и в представлении сторонников порто-франко и приближения страны к мировым рынкам при посредстве морского

пути этот вывоз рисуется в довольно ограниченных размерах и захватывает главным образом продукты промысловой деятельности населения; сельское же хозяйство опять обрекается на подчиненное, служебное положение, так как в этих условиях, оно может лишь обслуживать на местном рынке организованный экспорт.⁵²

Поэтому в 1902 г. Григорьев совершенно правильно был настроен пессимистически в отношении возможности органических изменений, по крайней мере, в близком будущем, в экономической жизни страны и делал кажущийся парадоксальным, но неизбежный вывод, что «пока что неотложно нужна правительственная инициатива и помощь».⁵³ А эти инициатива и помощь и выражаются в усиленном развитии правительственных предприятий и связанного с ними вливания государственных средств в колонизуемые местности. За последние годы одним из таких крупных предприятий являлась постройка Амурской дороги, несомненно, нашедшая сочувственное к себе отношение, вследствие изложенных выше мотивов. На Минусинский край эта постройка оказала свое влияние, но довольно слабое, усилив несколько вывоз скота; на Амур естественно пошел монгольский и урянхайский скот и из тех же местностей лошади; следовательно, минусинцы получали выгоды, поскольку они являлись обладателями скотопромышленных предприятий за Саянами.

Нельзя не указать, что вызвавший продовольственную комиссию неурод в течение 1909—1911 гг., наряду с наплывом переселенцев, поддержал цены на хлеб и скот в Минусинском крае.

Но во всяком случае, в изображенных выше экономических условиях, колонизационная емкость края представляется значительно насыщенной. На это указывает энер-

гичный отток богатых хозяев-крестьян из отдаленных часто местностей (Кнышинская, Паначевская вол.) в города. Минусинск с 1907 г. ко времени мировой войны едва ли не вырос вдвое за счет этих крестьян. С другой стороны, развивается в широких размерах выселение крестьян-сторожков среднего достатка, между прочим, в Урянхайский край.

В связи с вопросом о колонизационной емкости, здесь необходимо остановиться на вопросе о понижении урожайности, отмеченном для Енисейской губернии исследователями. Мы уже приводили отзывы Миллера, Фишера, Палласа о высокой производительности земель, занятых земледельческим населением. Во время Палласа урожаи озимых доходили до сам10—12, ярицы—12—16, овса—12—24 и пшеницы—до 12—20. Во второй половине XIX в. уже констатируется резкое понижение урожайности земель, которое получает даже правильное, закономерное выражение. На основании привлечения большого материала, Дубенский пришел к выводу, что «урожайность в исследуемом крае постепенно понижается, и при том—для яровых хлебов быстрее, нежели для озимей. Вместе с тем, коэффициентом понижения по десятилетиям с большим вероятием могут быть приняты для первых—0,3, а для вторых—0,2, как разности между урожаями—сам сколько? за два друг за другом следующие десятилетия». Головачев, произведший подсчет для пятилетия 1897—1901 г., получил аналогичный вывод.⁵⁴ Помимо указываемого упомянутыми исследователями «хищнического хозяйства» и «истощения производительности почв», несомненное влияние оказало введение в сельскохозяйственный оборот худших почв.

Для Минусинского края интересна судьба подтаежных селений Маторской и Ермаковской волостей, где население в течение десятилетий отвоивало от тайги земли для рас-

пашек, пока не приводило их в культурный вид. В д. Шириштыке жители рассказывали нам (1908 г.), что они представляют четвертый или пятый слой, наконец, упрочивший земледельческое хозяйство; их предшественники разорялись и уходили, подготавливая, таким образом, ценою своего труда и затраченных средств, возможность жизни для современного населения. В целом ряде селений (как, напр., Осиновка, Екатериновка), процесс этот не закончился до сих пор.

Нам необходимо еще вкратце остановиться, для характеристики общих экономических условий Минусинского края, на том значении, которое для него имеет Усинский и Урянхайский край. Выше мы уже упоминали о развивающемся колонизационном движении русского старожилого населения за Саяны. Это движение началось со второй половины XIX в. На ряду с старобрядцами, в XIX в. развивалось значительное переселение абаканских туземцев. В начале 90-х годов производивший исследования за Саянами Ошурков нашел уже несколько небольших поселков этих инородцев, которые держали значительные количества скота и лошадей, занимались меновой торговлей и обслуживали дворничеством торговое движение в Урянхай и на Улясутай.⁵⁵ Аналогичные сведения мог сообщить для 70-х годов Г. Н. Потанин.⁵⁶ Промысловая и торговая жизнь была довольно оживленная. «Само Усинское селение,—писал Ошурков»,⁵⁷—представляет из себя, можно сказать, сплошную торговую факторию, непрерывно ведущую меновой торг с сойотами». Самый Урянхайский край быстро покрывался торговыми факториями минусинских и усинских купцов, которые заводили и крупное скотоводческое хозяйство. Так как в Урянхай шли товары русского происхождения, то на долю г. Минусинска выпадало значение складочного ме-

ста; сюда же, с другой стороны, сплавлялось вымеченное сырье (кожи, меха, шерсть, соль,⁵⁸ и т. п.). Так продолжалось до конца 90-х годов, когда торговая конкуренция китайцев сильно сократила оборот русских купцов, в 900-х годах оперировавших уже фабрикатами, которые приобретались у китайских оптовиков; следовательно, из Минусинского края ввозились лишь деньги. Крупные скотопромышленники, в связи с начавшей возникать золотопромышленностью, стали переходить к правильному скотоводческому и земледельческому хозяйству. Одновременно начинается крестьянская земледельческая колонизация, нашедшая весьма благоприятные условия для хозяйства, которые были отмечены еще Ошурковым. «Эта местность,—писал он о стране к югу от Улук-кема,—в некоторых, весьма значительных по протяжению, частях ее представляет все удобства для оседлой земледельческой жизни. Такой же характер носят и равнины по Брену, впадающему в Ха-кем». За последнее пятилетие перед войной земледельческая колонизация в эти земли достигла большего напряжения; в Урянхае возникли крупные русские деревни. Это дает возможность старожилому населению Минусинского края, в случае хозяйственного кризиса и необходимости разрежения уплотнившегося не в соответствии с условиями сбыта сельско-хозяйственных продуктов населения, постепенно переносить свое хозяйство за Саяны. Из западного Урянхая через Минусинский край идет скот, поступающий, преимущественно, на красноярский рынок.

Примечания к 9-й главе.

¹ См. см. стр.

² Особенной ревностью отличался западно-сибирский ген.-губернатор Капцевич, старавшийся не выпустить винокурения из своих рук; он подозревал целые учреждения в наклонности «к уменьшению выходов вина». Не смотря на требования из Петербурга предоставить дело установленным учреждениям, он писал, что «не перестанет наблюдать за действием винокурения». Капцевич назначал максимум цен на хлеб и, по свидетельству ревизовавших сенаторов, разорял население. **Прутченко, н. с.**, т. I, стр. 324 и др.

³ **Прутченко, н. с.**, I, стр. 293. То же мнение высказывал и тогдашний министр финансов, гр. Канкрин: в Сибири «отнодь не увеличилась возможность приобретения денег; ибо прежние способы продажи хлеба, извоза и проч. остаются одни и те же, а выгоды, получаемые некоторыми частными лицами от самых земских подрядов и наймов, не составляют коренного приобретения для массы жителей». **Вагин. Истор. свед.**, т. II, стр. 724.

⁴ **Аргунов, н. с.**, стр. 24.

⁵ **Козьмин. Очерки**, стр. 48-49. Прекрасный исторический очерк одного из этих селений—Сагайского—дал В. Ю. Григорьев в статье **Некоторые черты из истории одного бывшего казенного поселения в Сибири**. **Сиб. Сборн.** 1891, кн. II. Спб. 1892, стр. 72 и сл.; содержание очерка вошло в главу «**Население**» в **Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта**, т. IV, вып. 2.

⁶ Всего по Енисейской губернии было основано: 14 селений в Канском уезде, 2—в Ачинском и 6—в Минусинском. Израсходовано было на это 479927 р. 21¼ коп. **Пестов, н. с.**, стр. 116; **Степанов, н. с.**, II, стр. 16-17. В 50-х годах, по инициативе финляндского правительства, были основаны колонии для ссыльных финнов, а потом эстов и латышей—В. Суетук, В. Буланка и Н. Буланка.

⁷ **Ядринцев. Сибирь как колония**, стр. 340-341.

⁸ Григорьев. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири (Енисейский край). Красноярск 1904, стр. 24 и 27. На Бирюсинских приисках, уже в период упадка, в конце 70-х годов работало до тысячи рабочих, преимущественно, старателей. **Несколько слов о Бирюсинских золотых приисках.** Сибирь 1877, № 44. Эту Бирюсинскую тайгу (Канский и Нижнеудинский уезды) не следует смешивать с упоминавшейся ранее, на левой стороне р. Енисея.

⁹ Далее автор говорит о влиянии на сельское хозяйство капиталов, которые рабочими приносились в деревню, но здесь требуются существенные оговорки, на которые отчасти указывает и сам автор. Это были единичные случаи, имевшие значение для отдельных хозяйств.

¹⁰ Данные о возникновении новых селений приведены у Аргунова, н. с., стр. 23-24; более подробный учет см. у В. Ю. Григорьева, Население. Материалы по исслед. землепольз. т. IV, вып. 2. и в книге Ватина. Минусинский край в XVIII в.

¹¹ Аргунов, н. с., стр. 23-24.

¹² Паллас, н. с., II, II, стр. 455; III, стр. 497.

¹³ Паллас, н. с., III, стр. 487.

¹⁴ Степанов, н. с., I, стр. 136.

¹⁵ Риттер, н. с., IV, стр. 561.

¹⁶ В 40-х годах губернская администрация приняла меры, чтобы заставить минусинских инородцев заняться земледелием, но успеха, по словам кн. Кострова, не имела (см. Киз. татары, стр. 9).

¹⁷ Скупщики и поставщики становятся постоянным явлением во время расцвета золотопромышленности. Их деятельности много способствовало отсутствие оборотных средств у золотопромышленников и отсутствие доступного кредита. Кривошапкин относит их появление в Енисейском уезде к концу 40-х годов, когда «золотопромышленники не имели возможности своевременно закупить хлеба». «И так как,—писал Кривошапкин,—их не 1, не 2 и не 3, а может быть до пятидесяти, то беды от них енисейскому крестьянству не предвиделось, особенно если закуп произведен по зиме в Минусинском округе, а не под берегом у Енисейска». Вместе с закупом, к поставщикам перешла доставка хлеба на прииска, а вместе с этим и доставка вообще всяких тяжестей. Как закупка хлеба, так и доставка основываются на «задавании» под продукты и работу

товара. Этим объясняется развитие экономической кабалы в Приенисейском крае (**Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь**. Спб. 1865, стр. 7 и сл.).

¹⁸ Были, по их словам, богачи, имевшие до 6000 лошадей, 1000 кр. рог. скота и 2000 мелкого. **Риттер, н. с.**, т. IV, стр. 573-574.

¹⁹ Он долго служил в Енисейской губернии, между прочим, в должности окружного начальника.

²⁰ **Костров. Кач. татары**, стр. 35; ср. его же **Киз. татары**, стр. 11.

²¹ В 70-х годах бийцы поставляли значительные количества скота в Иркутск. **Потанин. Очерки северо-западной Монголии**. Вып. I, стр. 91.

²² Ср. **проф. Боголепов и Соболев. Очерки русско-монгольской торговли**. Томск. 1910, стр. 168 и сл.

²³ См. цит. выше его статью «Из странствий по Монголии» в «Вост. Обзор».

²⁴ **Материалы для истории Сибири**, стр. 243-244, 252 и др.

²⁵ **Кузнецов. Арх. Асыкской Ст. Думы**.

²⁶ **Дубенский. Скотоводство**. Материалы по иссл. землепольз., т. IV, вып. 4, стр. 201.

²⁷ Вост. Обзор. 1885, № 26; ср. Сибирь 1886, № 22; Вост. Об. 1886, № 27.

²⁸ Сиб. Газ. 1885, № 21, № 28 (из Курагина), № 31 (Каменки), № 38 (Каратуза) № 45 (Абаканска).

²⁹ **Материалы по иссл. землел.**, там же; ср. **Аргунов, н. с.**, стр. 124—126.

³⁰ **Михайлов. Чумный вопрос**. В. О. 1886, № 30; Сиб. 1886, № 22; ср. **Аргунов, н. с.**, стр. 123. По данным Дубенского (н. с., стр. 238 и 240) ежегодный средний прирост лошадей достигает 6%, кр. рогатого скота—вдвое больше.

³¹ Принимая во внимание огромные потери от чумы в предыдущие годы, мы должны иметь в виду, что исследование начала 90-х годов должно было учитывать весьма преуменьшенные количества скота у инородцев; зарегистрированные им цифры должны быть далеко ниже нормальных.

³² **Головачев. Возражения**, в трудах Красн. Отд. Моск. Сельск. хоз. Общ. вып. VI, Красн. 1903, стр. 14; подобное наблюдение отме-

чается и сельскими хозяевами в губернии. У Аргунова сгруппированы сведения за 1879 г. и десятилетие 1881—1890: в 1879 г. — поздняя весна, 20 мая снег, бескормица, падеж скота; 1881 — в январе гроза и ливень, гололедица; 1882 — «смочной» год, в степях урожай; 1883 — холода до конца мая, бескормица; 1884 — в степях засуха; 1885 — бескормица до конца мая (воз сена до 3 рублей, воз соломы — 1½ р.); 1886 — холода до июня, затем засуха; 1887 — непрерывные дожди; 1888 — мыши, скот валился от бескормицы; 1889 — погода направились только со второй половины мая; 1890 — весна холодная и ненастная (см. н. с., стр. 20-21).

³³ Цифры по Абаканскому ведомству даны исследованием 1909 г.; цифры по Новоселовской волости взяты из материалов чинов Енисейского поземельно-устроительного отряда (1912 год).

³⁴ Мы располагаем некоторыми данными для иллюстрации сказанного, в отношении группы минусинских овцеводов, пользовавшихся арендой земель у селений Мало-Минусинской волости. Овцеводы Егонские имели до 2-х тысяч овец, к 1914 году совершенно не имели; то же Поновы; у Узуновых было свыше 3 тыс., стала 1 тыс.; тоже у Оловниковых и Кокорина; у Широкова в 1910 г. было 2 тыс. овец; прежде это был очень крупный овцевод; совершенно прекратили дело Токарев, Шикины, Солдатовы, Бурковы, Жуйковы, Дергуновы, Сергеевы, Мамасвы и нек. др. Узуновы и Баховы перевели своих овец в Койбальскую степь, переселенческие участки на которой не все еще обращены под заселение. Овцевод Ростовцев имел хороших монгольских овец, давших по 5 фун. шерсти; к 1913 г. он также прекратил свое дело (сведения, полученные на совещании гласных минусинской городской думы).

³⁵ Ср. Головачев. **Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития**. Красноярск, 1903, стр. 17: «повсюду наблюдается расширение пахотных земель на счет выгонов, залежей и немногих оставшихся целинных земель». На Минусинском рынке за последние годы телятина и говядина были в одной цене.

³⁶ Головачев, там же.

³⁷ Григорьев. **Возражения** на указанные выводы Головачева в **Трудах Красн. Отд. Моск. Общ. Сельск. Хоз.** Красн. 1903. Надо отметить, что полемика Головачева и Григорьева в литературе, относящейся к хозяйственной истории Енисейской губернии, должна считаться занимающей выдающееся место; она дала яркую характеристику современной ей экономики края.

³⁸ **Возражения Головачева** в Труд. Красн. Отд. М. О. С. Х., стр. 14. Ту же самую мысль за полтора десятка лет перед этим высказал Карымов в интересном очерке «**Письма из сибирской деревни. К материалам о сибирской общине**», в **Сибирском Сборнике** за 1888 г. (Иркутск, 1888). «Отдаленность пашен, леса, покосов,—писал он,—гористость пахотных пространств, девственность почвы и другие условия, для успешности хозяйства, требуют от крестьянского двора по меньшей мере 3-4 лошадей и соответствующего количества инвентаря и человеческой рабочей силы. Вот почему крестьянин, у которого в работе ходит 7-8 лошадей, не может считаться не только богатым, но даже совершенно «исправным»; вот почему даже не самый богатый домохозяин, обыкновенно, имеет 12-15 рабочих лошадей» (стр. 2).

³⁹ Поэтому Головачев недостаточно последователен, ограничиваясь указанием на «потребительное и подсобное значение скотоводства» (там же, стр. 9). Не говоря о земледелии, и промысловая деятельность крестьянина, в значительной мере, направлена к удовлетворению потребностей семьи и хозяйства (продукты охоты, рыбной ловли, лесных промыслов и т. д.). В этом отношении условия хозяйственной деятельности в Енисейской и в Иркутской губерниях совершенно аналогичны (см. **Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири**, стр. 75, 252 и сл.).

⁴⁰ **Григорьев. Перемены в условиях экономич. жизни**, стр. 63.

⁴¹ **Григорьев, там же**, стр. 67.

⁴² К 80-м годам начинаются повсеместные жалобы на упадок приисков. В 1877 г. на бирюсинских приисках начинается запустение,—дороги запущены, зимовья сожжены (Сибирь 1877, № 44). В начале 80-х годов все енисейские залотопромышленники «одиногласно жалуются на бедность содержания разрабатываемых ими залотопромыслов» (Сиб. Газ. 1882, № 35).

⁴³ Сиб. Газ. 1882, № 16; ср. № 17; в 1875 г. в Красноярске ржаная мука продавалась 25 к. пуд, пшеничная 45-50 (Сибирь 1875, № 23); в Минусинске в 1876 г. хлеб был в цене 20-25 коп. пуд, лучшая говязина 1 р. 20 к. пуд (Сибирь 1876, № 6); в 1879 г., после страшного наводнения, в Минусинске хлеб немолотый 25 к. пуд, мука—50 (снесло мельницы). **Сибирь** 1879, № 35. В Енисейск привозят хлеб гужем из Ачинского уезда и ржаная мука падает в цене с 65 к. на 52, а пшеничная с 1 р. на 85 к. **Сибирь** 1879, № 23. Перед этим крестьяне, «не видавшие давно большой деньги, распрода-

ли все свои запасы, обездолив свой собственный скот и оставив его на одной соломе».

⁴⁴ Приведено в цит. статье Головачева. Корреспондент—сельский хозяин; вел большое хозяйство.

⁴⁵ Рядом шла и деятельность правительства по колонизации страны.

⁴⁶ Головачев. Сельское хозяйство, стр. 36.

⁴⁷ Стр. 41.

⁴⁸ Те же соображения у Григорьева. Перемены, стр. 97.

⁴⁹ Возражения, стр. 21; второе возражение, стр. 6

⁵⁰ Перемены, стр. 99.

⁵¹ Там же, стр. 100 и сл.

⁵² Сомнения в положительном значении морского пути высказывались и ранее. Ср. *Летопись Енисейска*. Сибирь 1879. № 23: «от развития внутренних путей зависит благосостояние Сибири в настоящее время более, чем от морского пути, который существенную пользу принесет в будущем, когда Сибирь достаточно окрепнет, разовьется в торговом и промышленном отношении».

⁵³ Возражения, стр. 21.

⁵⁴ Материалы по иссл. землеп. и хоз. быта т. IV, вып. 4, стр. 100-101; Головачев. Сельское хозяйство, стр. 23-24. Таблица заслуживает внимания и мы ее приводим здесь:

Периоды:	Урожай	сам-сколько
	Озимых	Яровых
С 1860 по 1869	6,2	4,4
» 1870 » 1879	6,0	4,1
» 1881 » 1890	5,8	3,8
» 1897 » 1901	5,7	3,6

⁵⁵ Ошурнов, из странствований по земле Урянхов. Сиб. Сборн. 1892, I. 95.

⁵⁶ Потанин. Очки Северо-Западной Монголии, вып. III, стр. 120—127.

⁵⁷ Ошурков, н. с., стр. 85.

⁵⁸ Сафьянов славил до 2000 п. соли.

Х.

Хакасы накануне мировой войны.

В заключение этого очерка мы остановимся на тех изменениях, которые произошли в пределах туземного землепользования. В юго-западной части, в пределах бывшего Аскысского ведомства, туземное население, стесненное разросшимся русским населением,¹ отчасти выселяется в новые районы, отчасти переходит к искусственному орошению, позволившему ввести в культурный оборот сухие, песчаные и каменистые степи. Особенно внушительных размеров оросительная сеть достигает в районе белтиров, при устьях Теи и Еси. Это обстоятельство в свою очередь перемещает население, оттягивая его из подтаежных местностей в районы, доступные для орошения (Тея, Есь, Аскыс). За последнее пятилетие с сооружением уйбатской канавы, такое же передвижение, но в значительно меньших размерах, имеет место в южной части дач абаканских инородцев (качинцев).

Во второй половине XIX в. имело место значительное перемещение качинцев в Койбальскую степь (междуречье Абакана и Енисея). Как мы уже отмечали, койбалы подверглись значительному обрусению и разрешили населенность степи, представлявшейся привлекательной и для скотоводов-качинцев, и скотопромышленников, и правобережных крестьян. «Самая степь, — писал автор «Путевых заметок

в «Сиб. газете», — резко отличается от левобережной Абаканской. Там, вплоть до самых предгорий Алатау Кузнецкого, тянется одна, скудно поросшая жалкими травками красноглинистая солончаковая степь; темнокрасные утесы, ровно оскаленные зубы какого-то гигантского павшего животного, еще более усиливают мертвенный характер степи. Не то по правую сторону Абакана. Чем далее забиваетесь в степь, тем веселее зеленеет травяной ковер. Д. б., в старину степь эта была еще пригляднее. В ней было прежде много леса». «По дороге из Минусинска в село Бейское есть урочище Борки. Когда-то это были не борки, а настоящий бор». «Порубили люди лес и остались без воды». «Теперь поселенцам в этой степи пришлось бы или ютиться около остатков озер или же копать колодцы». Между качинцами и койбалами шел спор из-за этой степи. «Если решат дело в пользу койбалов, в ближайшем будущем на степи появятся хутора, запявки и деревни новоселов, если нет — степь останется такой же степью, как и теперь, а колонисты будут тащиться за тридевять земель на Амур. Возможно еще решение — отвести кочевникам в этих степях земли, применительно к их нуждам, а остаток выделить в пользу будущего населения — будь то русские или инородцы». ² В 1908—1909 этот вопрос был разрешен. — и Койбальская степь, по сколькок пригодна для земледелия, была обращена под переселенческие участки.

В результате нажима русско-крестьянской колонизации туземцы были оттиснуты на левую сторону Абакана к отрогам Кузнецкого Алатау, хотя правый берег, сравнительно узкой полосой, был ими удержан на пространстве от устья до района, приблизительно, Аскыса. Предгорья Саян были заняты русскими в результате, главным образом, правительственной колонизации пограничных районов. От устья

Абакана и до Коксы туземное землепользование имело границей Енисей. На остальных пространствах последний был отделен землями русских селений Знаменской и Новоселовской волостей. С севера русские селения Ачинского уезда прижали туземцев к Старому Июсу (Иргюс), или Чулыму. При этом кизильцы с родственными им группами были втиснуты как бы в мешок, образуемый Июсами и горно-таежной страной, разделяющей Томскую и Енисейскую губернии.

Совершенно отрезанными от основной массы туземцев остались те племена, которые объединялись администрацией и литературой под именем «мелецких татар», или «мелецких инородцев».

В основном этническом массиве ко времени европейской войны можно было считать свыше 40 тыс. д. о. п. Исследование (правда, не полное, но охватившее как раз скотоводческие районы), произведенное в 1909—1910 г.г., не подтвердило, как уже было нами отмечено, пессимистических наблюдений исследователей, приходивших к выводам о неизбежной гибели, вымирании инородцев-скотоводов, и такой же неизбежной ассимиляции с русскими тех из них, которые усваивали земледельческую культуру. Мы подробно осветили этот вопрос в другом месте.³ Здесь же остановимся вкратце лишь на некоторых моментах.

Прежде всего, скотоводческое население, в промежуток между исследованиями начала 1890-х годов и 1909—10 г.г. (17—20 лет), возросло абсолютно на 31,2%. По отдельным, существовавшим тогда, административным единицам прирост распределялся так:

Ведомства	мужчин	женщин	всех
Кизильское	19,5	20,4	19,9
Абакальское	32,5	28,6	30,6
Аскыское (исследов. части)	42,3	36,9	39,6

Наименее обеспеченное Кизильское ведомство дало и наименьший процент прироста. Прирост женщин отставал от прироста мужчин. На 100 б. м. п. приходилось, по трем ведомствам, 95,2 б. т. п. Но это общесибирское явление: соотношение полов до европейской и гражданской войн было, приблизительно, всюду такое же. Наилучшее соотношение полов все-таки было в скотоводческом Абаканском ведомстве: на 100 мужчин—96,4 женщины. Можно установить правильную зависимость нормального соотношения полов от степени устойчивости хозяйства и материальной обеспеченности семьи. То же самое в отношении общей численности семьи и обеспеченности работниками мужского пола. Это видно из следующей небольшой таблицы:

Группы ⁴	на 100 д. м. п. при-		На 1 хоз. приход.	
	ход. женщин		душ. о. п.	работн. м. п.
1) Бездомных . . .	74,2		3,0	0,86
2) Имеющ. 1— 2 дош. {	92,6		4,3	1,06
3) » 3— 5 » {			5,3	1,26
4) » 6— 10 » {	96,8		6,1	1,40
5) » 11— 25 » {			6,7	1,48
6) » 26— 50 »	101,5		7,1	4,63
7) » 51—100 »	108,3		7,8	2,74
8) » 101—200 »	105,8		8,6	2,0
9) » свыше 200 »	121,3		8,64	1,72

Таким образом можно сделать определенный вывод, что скотоводческий уклад жизни не стоит в противоречии с устойчивостью и жизнеспособностью населения. Напротив, абаканские чистые скотоводы оказались наиболее сильными среди обследованных групп населения. Так же априорным и неправильным оказалось мнение, что с переходом к земледелию и оседлому образу жизни туземцы усваивают русский язык и обрусывают, а вместе с тем делаются более культурными, по крайней мере, грамотными. Обследование 1909

—10 г. г. обнаружило, что наибольший процент говорящих по русски дали районы с наиболее экстенсивным, табунным, скотоводческим хозяйством: в Старо-Июсском уезде—100% (т. е. почти все говорили по русски), в Бирском—92,7%. Наоборот, в земледельческих районах процент говорящих по русски резко понижался: в долине Аскыса—27,6, в долине Еси—23,5, а в долине Тен—даже 9,9%; некоторые улусы в земледельческом районе почти не имели совершенно говорящих по русски. То же в отношении русской грамоты. Если мы обратимся не к территориальным, а по хозяйственным группировкам, мы получим те же выводы. При этом увидим, что обеспеченность скотом не противодействует, а благоприятствует развитию запасшек.

Это видно из следующей таблицы:

Группы хозяйств:	На 1 душу о. п. приходится:			Процент хозяйств	
	Скот в пере- воде на круп- ный	Десятин за- паски	Процент хо- зяйств без запаски	С грамотными и учащимися	С говорящи- ми по русски
1. Безлошадных	0,68	0,15	97,2	6,4	82,0
2. Имевших 1—2 лош.	2,31	0,15	75,3	6,3	73,1
3. » 3—5 »	4,07	0,50	44,4	9,8	62,1
4. » 6—10 »	5,77	0,77	31,8	13,3	59,4
5. » 11—25 »	8,13	0,78	38,8	16,6	70,5
6. » 26—50 »	14,10	0,53	45,1	32,0	82,7
7. » 51—100 »	21,20	0,52	49,6	41,9	91,5
8. » 101—200 »	31,60	0,26	60,4	48,4	90,3
9. » 200—и св. »	78,45	0,18	63,1	60,2	92,3

Если мы исключим последнюю, очень незначительную, группу из нескольких хозяйств, то увидим, как правильно нарастает число прамотных; безскотные и малоскотные, конечно, естественно давали больший процент говорящих по русски, потому что им приходилось жить в работниках — и преимущественно у русских крестьян, так как наемный труд среди скотоводов слабее распространен. Вместе с тем середняк скотовод всего легче переходил, опираясь на свой скот, к запашкам: среди середняков наименьшее число обходилось без пашни. Во всем этом сказывались и топографические условия, и степень благосостояния, поощряющая или парализующая хозяйственную энергию, и бытовые условия. Скотовод на рынке покупает не только мануфактуру, металлические изделия, но и хлеб; он больше бывает на базарах и приходит в соприкосновение с русскими; между тем как земледелец мог более оставаться замкнутым в своем хозяйстве, не покупал хлеба и приобретал мануфактуру и чай у странствующего торговца.

Аналогичные выводы мы получим, если обратимся к данным, характеризующим хозяйство нынешних хакасов. Вместо фатального разорения и бегства обнищавших туземцев на окраины, как это было изображено в издании Енисейского Губернского Статистического Комитета,⁵ мы имеем картину нормального и прогрессивного социально-экономического развития.

По обследованным районам количество всякого, крупного и мелкого скота за 17—20-летний промежуток времени возросло с 317.262 до 624.952 голов; а принимая 10 гол. мелкого за 1 гол. крупного, получаем увеличение с 134.852 до

240.265 гол. По отдельным видам скота увеличение характеризуется следующими цифрами:

Годы	Лошадей:			Крупн. рог. скота:			
	Раб.	Нераб.	Жеребят	Коров	Ост. кр.	Телат	
1890—2	18.674	43.423	11.258	25.295	27.192	22.604	
1909—10	19.508	57.779	13.679	63.156	57.079	34.954	

Мелкого скота

Годы	Овец	Коз	Свиней
1890—2	160.301	7.575	943
1909—10	366.731	10.719	1.347

Если мы возьмем не абсолютные цифры, а обеспеченность скотом, то соответственные данные будут такие:

Годы	На 100 д. о. п. приходилось гол. скота в переводе на крупный			
	Лошадей	Крупн. рог. скота	Овец, коз и свиней	Всего
1890—2	244	250	562	1056
1909—10	288	490	1197	1975

Из этой таблицы видим, что, наряду с ростом обеспеченности скотом, наблюдалась эволюция в сторону более культурных форм скотоводства. Кочеводство уступало место разведению крупного рогатого скота. Лошади, вместе с тем, утрачивали значение обычного и, следовательно, более или менее равномерно распределенного вида скота. Они все более становились достоянием крупных хозяйств, способных ожидать наступление благоприятной рыночной конъюнктуры и использовать случайный спрос.⁹ Напротив, крупный рога-

тый скот распределялся сравнительно равномерно. Хозяйства по обеспеченности скотом распределялись (в % %) так:

Ведомства	Без скота.	с 1 гол.	2—3 гол.	4—5 гол.	6—9 гол.
Абаканское	3,4	1,1	5,3	5,6	10,1
Аскыское	2,0	0,6	2,6	4,6	9,9

Ведомства	10—24 гол.	25—49 гол.	50—99 гол.	100 и более
Абаканское	30,4	23,4	14,5	6,2
Аскыское	37,8	26,4	12,8	3,3

Таким образом средние группы (от 10 до 50 гол.) составляли свыше половины общего числа по Абаканскому ведомству и около $\frac{2}{3}$ —по Аскыскому (скотоводческому району).

Что касается распределения овец, то в Абаканском ведомстве различные группы, имевшие от 10 до 300 овец, почти одинаковы (17—18%); в Аскыском более $\frac{2}{5}$ хозяйств имело от 25 до 100 овец и более четверти—от 10 до 25.

Что касается земледелия, то хлебопашество имело благоприятные условия лишь в лесостепных пространствах Таштыша, Теи, Еси и Аскыса; с развитием оросительных сетей пашни спустились на щебневатые почвы абаканской долины и устьев указанных рек. Сагайская, Качинская и Июсская степи оказались неблагоприятными для земледелия по своим сухим и каменистым почвам, недостатку живых вод и высокому положению. Насколько в трудные условия была поставлена борьба за земледелие, показывают следующие цифры: в 1909 году в Абаканском ведомстве было поднято 386,3 дес., а брошено в залежь 114,8 дес., по Аскыскому—поднято 114,3 дес., а брошено в залежь 1679,5 дес. «Мочажные» (орошаемые) пашни составляли свыше 50%, а в некоторых случаях—все 100%. На 100 д. о. п. в Абаканском

ведомстве приходилось 17 дес. пашни, в Кизильском—57 и Аскысском—87.

Промысловая деятельность наиболее была развита в земледельческих, чем скотоводческих районах. Это и понятно, так как скотовод круглый год прикован к своему хозяйству, при чем наиболее выгодные, напр., для охоты периоды совпадают с наиболее ответственными для скотовода (заготовка корма, передвижка скота с летних на осенние пастбища и в зимники и т. д.). Поэтому в Абаканском ведомстве охотой занимались лишь 2,9% хозяйств, а в Аскысском—26,5, в Кизильском—18,5%.

В общем нужно признать данные исследования 1909—10 г.г. уполномочивающими делать вывод об одинаковой культурно-хозяйственной ценности и скотоводческого, и земледельческого уклада. Вместе с тем они хорошо обосновывают теорию о двух этнических типах: лесников—йышкизи и степняков (кыргызы и др.). В основе этнических типов, несомненно, лежат хозяйственные отношения, слагающиеся соответственно естественно-географической обстановке. Изменения в хозяйстве, а следовательно, и в культурно-бытовых отношениях, происходят по мере воздействия на эту обстановку при помощи накопленных материальных и технических средств.

Сильно уменьшившиеся в числе и отдавшие значительную массу своего населения на образование местного смешанного населения (сибиряков), хакасы после революции 1905 года, в которой принимали участие и их представители, обнаружили возродившуюся жизнеспособность. С поразительной быстротой выросла оросительная сеть, эта основа хозяйственного развития Сагайской и Качинской степей; не только зажиточные, но и средние хозяйства обзаводились племенным скотом. Сельско-хозяйственные машины, (глав-

ным образом, сенокосилки, кошны грабли) счастливо разрешали вопрос о рабочих руках. Скотоводы переходили к стойловому содержанию скота. Одновременно росли заботы о грамотности: недостаточная правительственная школьная сеть вызвала к жизни частные школы в улусах, довольно примитивные, но получившие широкое распространение.

К великой революции хакасы выдвинули из своей среды ряд общественных и научных деятелей, уже не порывавших связей с народной средой. Если профессор-турковед Н. Ф. Кантапов работал и жил вдали от своих соплеменников, то молодые деятели из хакасов стремились к созданию местных культурных очагов и научно-просветительных центров. Из них безвременно погибший молодой сагай С. Д. Майнагашев не только выдвинулся среди хакасов, но и обратил внимание ученых центра своими талантливыми исследованиями в области шаманизма и фольклора.

Хакасы, несомненно, небольшая, но жизнеспособная, развитая турецкая племенная группа, сумевшая отстоять себя на протяжении 300 лет в чрезвычайно трудной материальной и культурной обстановке. В условиях советского национально-государственного и хозяйственного строительства перед нею открываются широкие перспективы свободного культурного развития, м. б., в самом тесном контакте с ближайшими их соседями и соплеменниками Алтая и Урянхая. Мы не должны забывать, что далее к югу, юго-западу и юго-востоку разбросаны также родственные им племена кыргызской и уйгурской групп, из которых некоторые несколько столетий назад жили на Алтае и на Енисее. Как казаки, хакасы являются соединительным звеном вглубь турецкой Азии и проводниками единой общечеловеческой культуры на родном языке.

Примечания к 10 главе.

¹ При поземельном устройстве инородцев в земельных наделах оказывалось значительно менее 15 дес. на душу (12-14 дес., а в некоторых случаях 10-11 дес.). Об изменениях, внесенных землеустройством в хозяйство и земельные отношения туземцев, см. **Н. Н. Козьмин. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края в Сиб. Зап. 1918** и отд. изд. **Е. Г. З. К.**; его же, **Из итогов поземельного устройства инородцев в Минусинском крае в Сиб. Зап. 1918.**

² Сиб. Газ. 1885, № 38.

³ **К вопросу о вымирании инородцев.** Сиб. Зап. 1916, № 2.

⁴ Комбинационные таблицы были составлены, при обработке материалов 1909-1910 г.г., по группам, в основу коих была положена степень обеспеченности лошадьми. Эта основа не могла считаться удачно выбранной. Превалирующее значение имел уже кр. рогатый скот. Но переживанья табунного, пастбищного хозяйства, настолько еще были сильны и повсеместны у туземцев, что получились вполне правильные ряды.

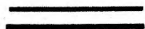
⁵ Цитированная работа Кулакова.

⁶ Безлошадные в Абаканском ведомстве составляли 4,7%, хозяйств, имевших до 5 лошадей, было 49,3%, с 6—9 лошадей—16%.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	V— X
I. На заре истории	1— 24
II. Кыргызы и их кыштымы	25— 48
III. Борьба за независимость	49— 75
IV. Кыргызская государственность	76— 82
V. Падение государства кыргызов	83— 89
VI. Экономический переворот и его послед- ствия	90—112
VII. Два хозяйственных типа	113—132
VIII. Устройство и управление	133—140
IX. Экономическая проблема	141—173
X. Хакасы накануне мировой войны	174—184

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Иркутской Секции Научных Работников Рабпроса

Профессиональная серия

Под ред. проф. И. А. Антропова

1. Проф. И. А. Антропов. Что нужно знать каждому члену секции научных работников (гот. к печ.)

Краеведческая серия

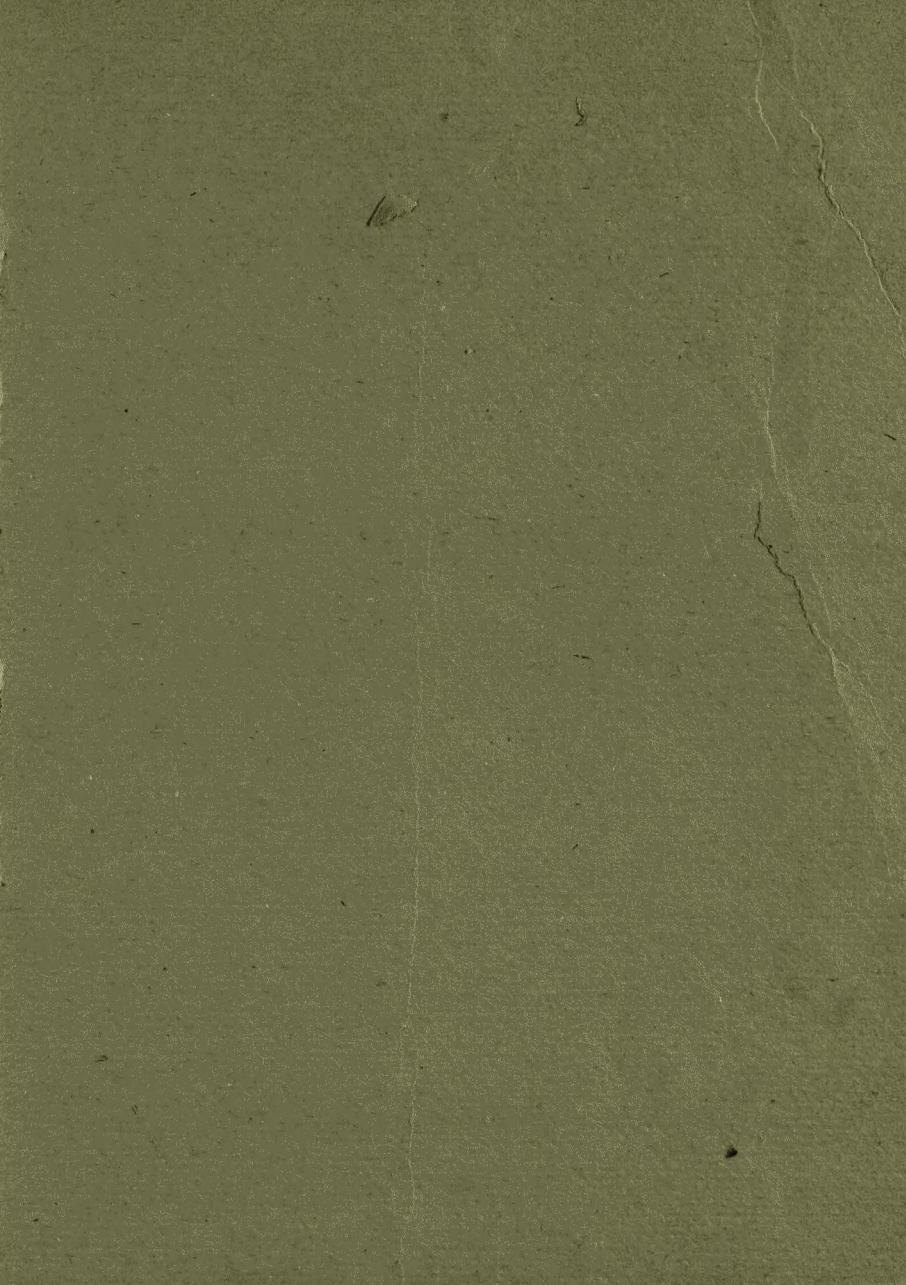
Под ред. проф. М. К. Азадовского

2. М. Азадовский. Беседы Собирателя. Изд. 2-е; испр. и доп. (печат.).
3. П. Ф. Требуховский. Краеведение и детский рисунок (гот. к печати).
4. И. В. Соснин. Торговля и кооперация на Лене.
5. Проф. Н. Н. Козьмин. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края (печатается).

Научно-популярная серия

Под ред. проф. Т. П. Кравца и проф. С. Е. Розенберга

6. М. А. Ваксберг. Конституция революционной Монголии (печатается).
7. Проф. Т. П. Кравец. Землетрясения в Восточной Сибири (гот. к печати).

ЦЕНА 1руб 75коп